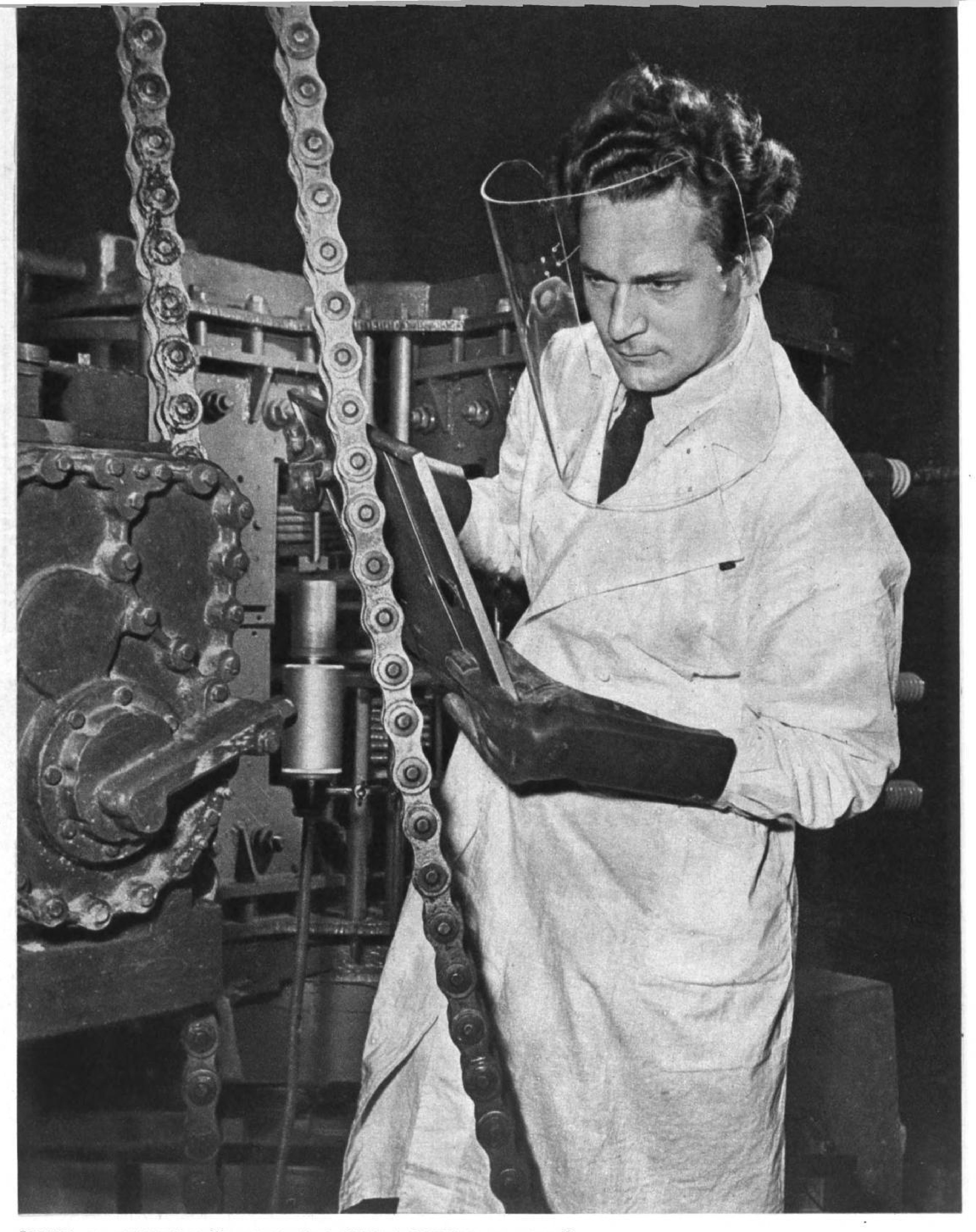
ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Бетатрон — так называется прибор для ускорения движения электронов, позволяющий сообщать им большую энергию. Лучи, которые возникают в нем, обладают способностью быстро и хорошо распространяться в металлах. С их помощью можно определить форму и размеры трещин, раковин и других дефектов крупных стальных изделий, толщиною до 500—600 миллиметров. На снимке: В. С. Усков — младший научный сотрудник электрофизической лаборатории Института металлургии имени А. А. Байкова Академии наук СССР подготавливает деталь машины к просвечиванию при помощи бетатронной установки.

Фото Н. Грановского и М. Редькина (ТАСС).

На первой странице обложки: Город Пловдив в Болгарии. Вечером в парке.

На последней странице обложки: Болгария. Встреча на дороге.

Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК № 51 (1540) 16 ДЕКАБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

98 медалей

По всем подсчетам

Олимпийское первенство — соревнование сугубо индивидуальное: спортсмены, если они заняли одно из трех первых мест, получают соответствующие золотые, серебряные или бронзовые медали. Но, кроме официальных наград, существуют еще и неофициальные — очки. Стало уже традицией на Олимпийских играх вести подсчет успехам не только отдельных спортсменов или команд по отдельным видам спорта, но и целых национальных коллективов. Система подсчета здесь довольно проста и основывается на распределении первых шести зачетных мест. Первое место приносит семь очков, второе — пять, третье — четыре, четвертое — три, пятое — два и шестое — одно очко. Некоторые австралийские газеты неизвестно по каким причинам, печатая ежедневные сводки о количестве завоеванных очков, приводили и так называемую американскую систему подсчета неофициального командного первенства, по которому за первое место начисляется не семь, а десять очков.

В первые дни Олимпийских игр газеты пестрели заголовками, хвастливо утверждающими, что американцы заберут все золотые медали, имеющиеся в запасе олимпийского комитета. Американцы действительно превзошли по легкой атлетике наших спортсменов, но постепенно просвет стал сокращаться и к концу игр, как ни считать очки, по-американской или европейской системе, а команда СССР уверенно вышла на первое место. И тогда наступил тот день, когда вдруг все газеты, до того старательно печатавшие сводки, вышли без подсчета количества очков. В чем же оказалось дело? Все в том же неожиданном для многих итоге: команда СССР, обогнав команду США, вышла на первое место и по очкам, и по общему количеству полученных медалей, и по количеству медалей золотых, чего уж руководители американской команды никак не ожидали.

На Олимпийских играх советские спортсмены завоевали 98 медалей: 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовых, а американские спортсмены — 74 медали: 32 золотых, 25 серебряных и 17 бронзовых. Команда СССР набрала 622 очка, команда США — 497 очков.

Кто-то сказал: путь советских спортсменов к финишу напоминал выступление Владимира Куца. Чем ближе ленточка, тем стремительней бег.

С каждым днем Олимпиады все нарастал и нарастал азарт борьбы. Но, несмотря на это, отношения между американскими и советскими спортсменами становились все более дружественными. Поэтому нам никак не хочется относить к ним тот ажиотаж и некоторые закулисные манипуляции, с которыми пришлось столкнуться и в Мельбурне.

Отличными спортсменами и гостеприимными хозяевами показали себя австралийцы, завоевавшие по количеству медалей и очков третье место. Это большая, заслуженная победа. С австралийцами у советских спортсменов установились также теплые отношения.

Последняя неделя Олимпийских игр была острой и напряженной. Борьба не угасала ни на одной площадке, и надо сказать, что иногда острота этой борьбы ничего не имела общего со спортом.

Судьи и зрители

...Дорогой товарищ читатель! Мы только что вернулись с соревнований по гимнастике между женскими командами. Пройдет время, улягутся страсти, но, видимо, не скоро пройдет тот горький осадок, который остался у всех нас после того, как советские гимнастки закончили свои выступления. И гимнастика здесь ни при чем.

Но вернемся к началу этих интересных состязаний. Что может быть увлекательнее зрелища спортивной гимнастики? Для оценки ее достоинств не надо обладать специальным образованием и какой-то особой методологической подготовкой; нужно хотя бы в самой малой мере обладать чувством восприятия прекрасного, того прекрасного, что рождается от гармонического соединения силы и ловкости человеческого тела с высотой духа.

Вы приходите на гимнастику полный уверенности, что здесь-то не придется услышать того громоподобного рева зрителей, который бушевал в этом самом зале, когда тут выступали боксеры. Но оказывается, и здесь бушуют страсти и действуют «подпольные» сговоры, противоречащие самому духу Олимпийских игр.

Поначалу, когда вы попадаете в этот, даже внешне преобразившийся зал, вас многое умиляет. В креслах сидят пожилые люди, доброжелательно встречающие юных девушек. Вот на площадку вышли итальянские гимнастки. Они не производят особого впечатления своим мастерством, но вы обязательно запомните одну из них: гимнастка захватила с собой маленькую кенгуру, игрушку, конечно. Возможно, кто-то подарил девушке эту забавную фигурку, уверив ее, что зверек принесет счастье. Вы обязательно улыбнетесь, когда услышите звуки марша из «Веселых ребят», сопровождающего уход шведских гимнасток. Вы с неодобрением посмотрите на сидящего рядом австралийского журналиста, когда он отпустит плоскую шуточку по адресу американских гимнасток, расточающих чрезмерное количество улыбок.

Вы находитесь некоторое время в том приятном неведении, которое позволяет вам оценивать происходящие события в самом радужном свете. И вдруг вы начинаете замечать несоответствие цифровых оценок, которые выносят судьи в отношении гимнасток некоторых стран.

Наши гимнастки еще сидели, томясь в ожидании, когда мы получили первый укол. Японские спортсменки, выступавшие после американских, получили значительно более низкие баллы, хотя разница между ними была в одном: американки все время улыбались, а японки хорошо работали и мало улыбались. Правда, в их выступлении было больше акробатики, чем пластики, но у американских гимнасток не было ни того, ни другого.

Сосед-журналист сказал:

— Японок начали резать еще вчера, потому что они серьезные претендентки на призовые места.

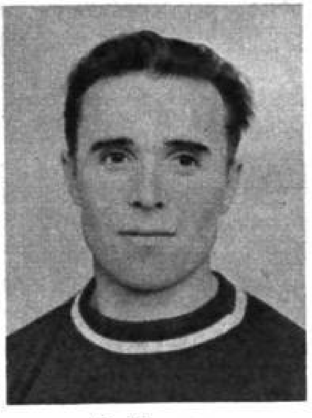
— Но как так можно? Здесь же Олимпийские игры и судьи дали клятву честности.

Журналист улыбается:

— Игры начались в ноябре, а сейчас декабрь.

И вам на память приходят соревнования боксеров на XV Олимпийских играх в Хельсинки. Судьи безжалостно под свист и улюлюканье публики «засуживали» на-

Л. Латынина.


В. Чукарин.

В. Муратов.

А. Азарян.

В. Шахлин.

Н. Соловьев.

Абсолютные чемпионы Олимпийских игр по гимнастике.

Чемпионы Олимпийских игр по гимнастике.

Чемпио

ших спортсменов. Бокс там по программе был в числе последних соревнований. Все тогда почувствовали американский нажим. Наши тренеры пытались опротестовывать решения судей, но ведь игры не остановишь! Руководители жюри говорили: «Хорошо, мы их не привлечем к судейству на следующих Олимпийских играх». Это обещание было, пожалуй, выполнено: в Мельбурне судейство было почти безупречным. Но что же происходит в гимнастике? Похоже на то, что бывшие судьи по боксу заняли судейские столики около гимнастических снарядов.

Наконец, на площадку выходят советские спортсменки. Они недавно закончили выступления по опорным прыжкам, где им снижали оценки, но, скажем честно, они не все выступали достаточно ровно в этом виде гимнастики. И вот начинаются вольные, или, как их называют здесь, произвольные, упражнения. Признаюсь: мы замерли. Несколько раньше выступали шведские гимнастки. У них была и пластика и та воодушевленность, которая так ощутима, когда в гимнастике видишь не только выполнение определенного комплекса движений. Как же будут выступать наши?

Выходит Лидия Калинина. Она делает первые движения, и вы начинаете понимать, что такое настоящая гимнастика. Понимают это и зрители, встречающие аплодисментами каждую часть выступления. Аплодисменты долго гремят и после ухода Калининой. Все ждут высокой оценки, если не максимальной — десяти баллов, то близкой к ней. И вот тут-то все начинается. На доске появляется «9,166». В зале раздается свист: только что другим гимнасткам за более скромные успехи выводили более высокие оценки.

На площадку выходит Полина Астахова. Трудно описать последовательность упражнений гимнастки, но можно сказать, что Астахова выступала превосходно. Ей все время аплодировали. Но и Астаховой судьи резко снижают оценку. Тренер команды подходит к столику жюри и протестует против несправедливости. Его активно поддерживают зрители. Выступление прерывается. Наши гимнастки нервничают. Вот, оказывается, какие бывают... произвольные упражнения!

Австралийский журналист пожимает плечами:

— А вы хотели, чтобы было иначе? Вы же догоняете американцев! Остался разрыв в десять очков. Любая золотая медаль ликвидирует этот разрыв.

Да, да! Он прав. Вы снова вспоминаете Хельсинки. И там было так, когда на ринг вышли боксеры.

Выступления продолжаются. Софье Муратовой чуть повышают оценку, но только чуть-чуть. За чудесное выступление Тамаре Маниной выводят «9,266» балла, и снова судьи награждаются свистом. После выступления Ларисы Латыниной зал гремит, как на международных конгрессах. Аплодируют и седые старушки и юные школьницы. Латынина получает «9,466» балла.

Очаровывает всех Людмила Егорова, небольшого роста, плотная и вместе с тем грациозная. На доске появляется «9,466». Читатель, вероятно, заметил некоторый разрыв между оценкой, полученной Лидией Калининой, выступавшей первой, и Людмилой Егоровой? Это результат протеста тренера. Справедливости ради следует сказать, что среди судей выделялась объективностью своих оценок представительница Японии.

Мне уже приходилось писать о некоторой части публики, которая приходила на спортивные зрелища только ради того, чтобы устроить какой-либо дебош в адрес наших спортсменов. Иногда им это удавалось. Возможно, что зачинщики таких звуковых оргий были и на выступлении гимнасток. Но они вынуждены были молчать: уж слишком хорошо работали наши гимнастки, покорившие своим мастерством тысячи людей.

Пусть же все знают, что Лариса Латынина, Людмила Егорова, Тамара Манина, Софья Муратова, Полина Астахова и Лидия Калинина в труднейших условиях, сложившихся на финише Олимпийских игр, высоко пронесли знамя советского спорта, с честью прошли все испытания и победили.

Замечательную победу одержали и наши гимнасты. Но девушки были первыми.

Полтора часа со сломанной ключицей

После окончания игры между футбольными командами Болгарии и Советского Союза один из советских журналистов воскликнул:

— Как наши безобразно играют!

— А болгары?

— Очень хорошо.

— Но тогда на щите должны были быть другие цифры.

— Это не имеет значения.

...На электрическом щите около одной и другой команд стояли нули. Судивший игру англичанин Манн назначил тридцатиминутную дополнительную встречу. Как же сложилась сама игра?

Рассказывая об игре болгарских и английских футболистов, я назвал команду Болгарии серьезным претендентом олимпийского первенства. Полуфинальная игра подтвердила это. Болгары показали слаженную, напористую игру, и только самоотверженность защиты и особенно Льва Яшина помешала появлению на электрощите других цифр.

Первый сильный удар сделал Эдуард Стрельцов. Нападают советские футболисты, подается несколько угловых, затем игра перемещается в центр, где наши спортсмены играют не наилучшим образом. Они опаздывают к мячу, мало подвижны. Болгары и особенно их невероятно темпераментная «семерка» переигрывают нашу полузащиту. Они все ближе подходят к воротам. Яшин все чаще вынужден вступать в игру.

Действия футболистов становятся все более резкими. Татушин летит по воздуху и падает. В одной из схваток на Николае Тищенко оказывается несколько футболистов. Тищенко поднимается с земли и, прижимая руки к груди, уходит с поля. По олимпийским правилам, заменять игроков нельзя. Игра продолжается вдесятером. Но через несколько минут с рукой на перевязи возвращается Тищенко. Он становится на место левого края, именно становится — мы не знаем, что у него за повреждение,— но бегать Тищенко не может. Идут последние минуты первого тайма. Кто-то из наших бьет по воротам. Кажется, мяч уже в сетке, но болгарский защитник отбивает его головой с линии ворот. Свисток судьи. Ноль — ноль.

В перерыве узнаем, что у Тищенко косой перелом ключицы. Но он снова выходит на поле, прижимая руки к груди.

Начало второй половины игры похоже на первую. Сильнейший нажим советских футболистов. Сальников в трех метрах перед воротами умудряется послать мяч в грудь единственного игрока, оказавшегося поблизости. Стрельцов, прорвавшись с мячом и оставшись один на один с вратарем... спасает болгарские ворота, метра на два подняв над ними мяч.

Проходит 15 минут. Гаснет штурмовой запал, начинается долговременная осада ворот. На трибунах неистовствуют какие-то личности. На 29-й минуте Яшин берет пушечный мяч. Тищенко одиноко стоит на краю поля, изредка ударяя по мячу, если он оказывается под его ногой. Снова летит на землю Татушин. Захромал и почти не участвует в игре Ва-

Футбольная команда СССР — чемпион Олимпиады.
Фото Б. Светланова.

И. Нетто.

Л. Яшин.

Б. Разинский.

Н. Тищенко.

Б. Кузнецов.

А. Башашкин.

М. Огоньков.

А. Парамонов.

И. Бец

К. Вырупаев. Г. Картозия. В. Николаев. А. Парфенов. А. Богданов. В. Романенко.

...лимпийских игр по классической борьбе. Чемпионы Олимпийских игр по классической борьбе. Чемпионы Олимпийских игр по стрельбе.

...лентин Иванов. Свисток. На электрощите те же цифры: 0 : 0.

Вот тогда-то и произошел воспроизведенный мною раньше разговор двух журналистов. Один из них после того, как героически игравший Яшин не сумел достать мяч, резко посланный в нижний угол ворот, спрятал записную книжку в карман и сказал:

— Все. Я хочу жить. Я не хочу умирать. Я отключаюсь.

Через 15 минут футболисты поменялись воротами. Напряжение растет. Время от времени, осторожно делая несколько шагов, вступает в игру Тищенко. Мы не видим его лица, но чувствуем, как ему больно. Левой рукой он придерживает правую. Идет 112-я минута игры. Мяч попадает в ноги Тищенко, мгновение он задерживает его, а затем точно откатывает к штрафной площадке болгар...

Я не берусь описывать весь тот путь, который проделал мяч, но могу сказать, что последний удар был сделан Стрельцовым. Надеюсь, можно опустить описание того, что делалось в этот момент на трибунах.

Болгарские футболисты несколько растерялись. Проходит еще четыре минуты. Мяч снова катится в ноги Николая Тищенко... Что же писать дальше? За две минуты до конца игры второй мяч забил Татушин.

— Кажется, я рано отключился,— сказал журналист и снова вытащил записную книжку.

Но было уже поздно. Раздался заключительный свисток судьи. Советская команда вышла в финал Олимпийских игр.

Когда Николай Тищенко, закусив губы от боли, вместе с командой уходил с поля стадиона, зрители устроили ему овацию.

15 минут борьбы

После того как ленинградец Николай Соловьев вернется домой, на его лице уже не будет никаких следов от проведенных тяжелых схваток на помосте в выставочном зале Мельбурна. Но в этот последний день финалов, когда каждый участник классической борьбы выступал до трех раз в один день, лицо Соловьева было отчасти скрыто наклейками. Нет, не легкий это спорт: борец должен выложить столько сил, что они просто не поддаются учету.

Противника Николая Соловьева итальянца Фабра нам довелось наблюдать утром, когда он боролся с румыном Пырвулеску. Это была отчаянная, острая схватка. Весь залепленный пластырем, Фабра вел агрессивное наступление, но встречал не менее острый отпор. Одна из атак закончилась полетом итальянца прямо к ногам судейского жюри. Все в зале замерли. К месту происшествия бросились фоторепортеры. Прибежал врач, но через полминуты Фабра со стертой до крови скулой появился на помосте. Схватка продолжалась. Противники снова уперлись лбами. Победил по очкам Фабра.

— Отдохнул, пока лежал на полу,— сказал кто-то рядом, не очень доверчиво смотря вслед хромавшему с помоста Фабра. И вот пока на больших круглых часах «Омега» передвигается от деления к делению красная палочка, на жестких матах идет жестокая борьба. Решается судьба золотой медали. Фабра, что называется, бросился в атаку, но Соловьев не собирался уступать. Он переиграл итальянца в стойке, а по жребию оказавшись в партере, уложил итальянского борца на обе лопатки. Рефери поднял руку Соловьева, а Фабра безжизненно лежал на ковре. К нему подошли несколько человек, шагнул и Соловьев. Но Фабра вдруг сердито оттолкнул всех, вскочил и, стыдливо закрывая лицо, ушел с помоста. Он плакал. Ему очень хотелось получить золотую медаль.

Выступление советских борцов на Олимпийских играх оказалось триумфальным, и это несмотря на неудачный старт. Пять раз из восьми в выставочном зале Мельбурна играли Гимн Советского Союза. Я взглянул на часы. Было двенадцать часов ночи, и как-то сразу стерлась разница во времени. Казалось, что мы в этот момент находимся в Москве. Взгляды наших борцов, поднявшихся на пьедестал почета, были устремлены к государственному флагу Родины.

Золотой гол

В Мельбурне все перевернулось. День открытия поразил всех зноем. День закрытия — холодной, дождливой погодой. Дождик мелкий, но противный, будто город печалится, что пришла пора прощаться со спортсменами. Все уже почти закончено. Осталось последнее соревнование XVI Олимпийских игр — футбольный матч команд Советского Союза и Югославии.

Стадион полон: зонты, дождевые плащи, осенние костюмы. Начало игры не предвещает ничего хорошего. Югославы переигрывают, наши никак не войдут в боевой темп, столь необходимый в этой ответственной встрече. Югославы, предложив быстрый темп, сами довольно быстро от него отказываются. Несколько прорывов Ильина, но мимо, все мимо. Конец тайма застает советских футболистов у ворот Югославии. Свисток отлично судившего матч австралийского судьи Райта прекращает атаки. Трибуны аплодируют достойным соперникам.

Второй тайм. Бурные атаки футболистов СССР; выделяется Анатолий Ильин. В первом тайме он словно прицеливался. Сложная комбинация Сальников — Татушин. Мяч касается головы Ильина, но только касается, и мимо вратаря влетает в ворота. Начало положено. Будет ли продолжение? Югославы понимают: время уходит, нужен нажим. И игра передвигается к воротам советской команды. О последних минутах мало что можно сказать: одни — по понятной причине торопились, другие — наоборот, довольно успешно раскатывали мячи между собой. Вот, собственно, и все.

Болгары играли острее, комбинационнее, но, как известно, жребий слеп. Скажу прямо: помучились мы на трибунах. Почти во всех играх наша команда побеждала с перевесом всего в один гол, и это был поистине золотой гол!

Домой!

Погашен огонь Олимпийских игр. Закончены последние церемонии. Спортсмены разъезжаются по домам.

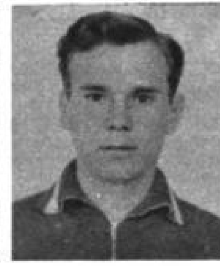
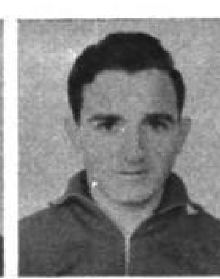
Перед отходом теплохода «Грузия» в обратное плавание мы побывали на борту судна. Вечерело. Солнце спряталось за тучи. Моросил мелкий дождь, было душно. Здесь уже в полные права вступило жаркое австралийское лето. К столу подают молодую картошку, клубнику.

На «Грузии» было тихо. Теплоход стоял в доке «Виктория». На палубах сидели спортсмены, переехавшие сюда из олимпийской деревни. Кто читал книгу, кто просто стоял, опершись на борт, и смотрел на заволакивающийся туманом Мельбурн. Журчала вода у борта. Порой казалось, что теплоход стоит не в мельбурнском порту, а где-то в волжском затоне. Я вглядывался в лица спортсменов. Глаза некоторых чуть усталые. Да, завоевана большая победа. Скоро «Грузия» снимется с якоря и уйдет в плавание к родным берегам, к той земле, которая дает всем нам новые и новые силы.

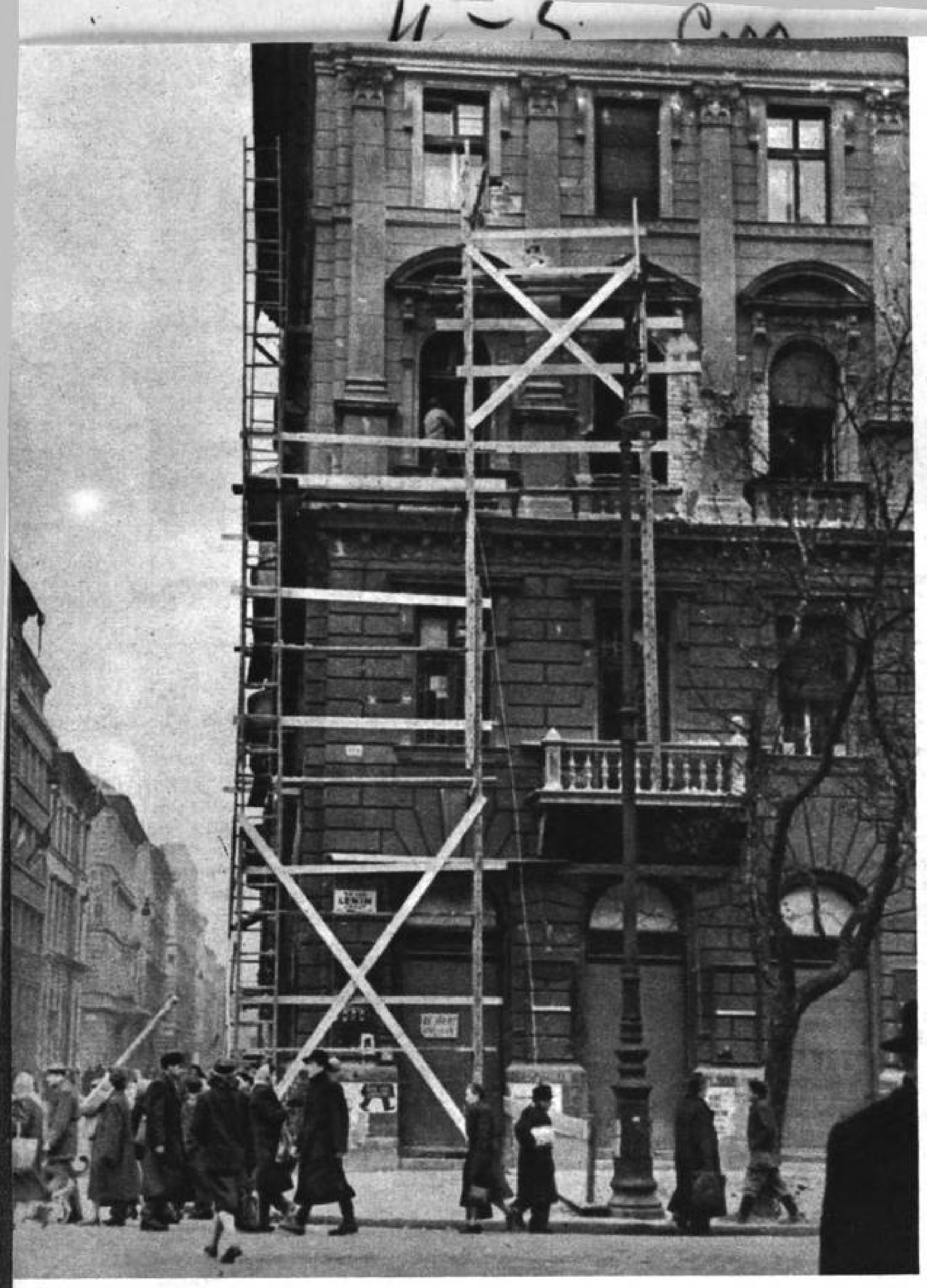
До новых побед, до встречи, родная земля!

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мельбурн, 9 декабря (по телеграфу).

...Масленкин. Б. Татушин. А. Исаев. В. Иванов. Н. Симонян. Э. Стрельцов. С. Сальников. А. Ильин. В. Рыжкин.



На улицах Будапешта

Ремонтируются дома.

Фото А. Новикова.

Детский сад на прогулке.

В деревне Ракошчаба

Андрей **НОВИКОВ,**

специальный корреспондент «Огонька»

На полях никого. Все убрано, обмолочено, заскирдовано. Лишь изредка попадется фура, груженная соломой или лесом.

Два венгерских товарища, едущие со мной в машине, ведут спор. И, как часто бывает, один из них выступает в роли пессимиста, другой настроен оптимистически, хотя во многом и соглашается с первым...

— Крестьянское дело,— говорит «пессимист»,— не терпит перерыва в труде. Земля не станок, она ждать не может. А вот когда крестьяне закончат осенние работы, они начнут по вечерам разговоры о политике...

— Согласен, контрреволюция не упустит этого момента. Но наша партия начинает более эффективную борьбу и сломит контрреволюцию. И чем больше партия будет заниматься крестьянским вопросом, тем больше будет расти организованность крестьян.

— Какая организованность! — махнул рукой «пессимист».— Кое-где крестьяне сейчас поговаривают: «Верните мне землю, которую я отдал в кооператив...»

— А что вернуть тому, у кого не было земли?..

Машина остановилась у небольшого крестьянского домика. Сейчас мы все выясним.

В деревне Ракошчаба, куда мы приехали, сельскохозяйственный кооператив имени Мичурина был создан в 1949 году и насчитывает 170 членов. У кооператива 923 хольда земли, из них 60 хольдов под садами, 40 — под огородами, 74 дойные коровы, 40 голов молодняка, много свиней, кур, теплицы площадью в 2 тысячи квадратных метров.

Крестьяне, завидев городскую машину, потянулись к правлению. Их собралось много. В испытующих взглядах можно было прочесть: «А что ты за человек? Зачем приехал?»

Мы спросили у крестьян:

— Как у вас дела? Ушел ли кто-нибудь из кооператива в эти дни?

— Был один такой,— ответил заместитель председателя Дьердь Рейкоши.— Правда, он столяр. Мастерил тут у нас, а теперь в город подался.

— А остальные?

— Остальные? Вчера было общее собрание, обсуждали свои нужды. Жаркое было собрание. Но о выходе из кооператива разговора не было. Верно, хозяева?

Крестьяне закивали головами, высказывая полное свое согласие. Некоторые даже недружелюбно посмотрели в нашу сторону: «Не против ли кооператива приехали агитировать?»

— А зачем нам выходить? Мы в этом году получаем на трудодень по два килограмма пшеницы, по килограмму ячменя, по полтора килограмма кукурузы, два килограмма картофеля, полкилограмма яблок и по тридцать с половиной форинтов деньгами. У нас нет члена кооператива, у которого было бы меньше трехсот двадцати трудодней, а у многих по девятьсот,— продолжал Рейкоши.

Под потолком висел «харангдис» — нечто вроде люстры, искусно сплетенной из соломы, со свисающими колосьями пшеницы. Такие «люстры» дарят в Венгрии после окончания уборки пшеницы. Этот «харангдис» — подарок трактористов МТС.

На столе — груда розовых трудовых книжек, в которых день за днем, месяц за месяцем записывалось все, что сделано членом кооператива. Стучат косточками счеты, трещит арифмометр, идет подсчет, кому сколько причитается за работу на полях и фермах...

Завязывается разговор с крестьянами.

У Яноша Золчата сегодня необычный день. Жене исполняется 56 лет. Надо подарить ей цветы и зарезать в качестве подарка свинью. Янош и в двадцать лет, когда они женились, был хорошим работником. Правда, до 1945 года он трудился на барина. Но вот уже двенадцатый год с удвоенным усердием работает на себя.

— Сами судите, лучше мне или хуже теперь,— говорит Янош Золчат.— У помещика я сроду столько не получал, сколько получу на свои девятьсот шестьдесят трудодней.

— Я один обеспечиваю семью,— говорит Золчат.— Конечно, работа бригадира по свиноводству — вещь не простая. Но я еще не стар и пошевеливаюсь. На девятьсот шестьдесят трудодней получим кое-что! — подмигивает он.

— Большая ли у вас семья?

— Шесть человек.

— Значит, и дети помогают?

— Как вам сказать?!.— Янош поправляет шляпу, почесывает затылок и продолжает: — Одна дочь замужем за шофером кооператива, отдельно живет. Двое учатся, сын только пришел из армии, будет работать здесь. Но тоже хочет учиться. Отец мой был пастухом, он и привил мне любовь к животным. А вот откуда у детей любовь к книгам, и сам не знаю...

Помолчав, Янош разводит руками:

— Сами судите, лучше мне или хуже теперь. У помещика я сроду столько не получал, сколько получу на свои девятьсот шестьдесят трудодней.

В углу сидел человек, который за все время не проронил ни слова. Но вдруг он решил поделиться с нами своими невзгодами. Это бывший председатель Иштван Шоош.

— Меня отстранил от работы «революционный комитет»,— говорит Шоош,— я восемь лет был председателем.

— И вовсе не комитет,— поправляют крестьяне,— а общее собрание.

Поднялся невообразимый шум. Каждый считал своим долгом высказать бывшему председателю свои обиды и претензии.

— Ты просто плохо работал.

— Ты не прислушивался к советам. Тебе было на всех плевать.

— Ты и вчера на собрании не смог понять своей вины.

Смущенный Шоош отмахивается...

Мы покидаем правление. Провожая нас, Рейкоши рассказывает о перспективах роста кооператива.

— Мы будем намного богаче. Неделимый фонд у нас теперь — три миллиона форинтов. Вчера на собрании много наметили, много и сделаем. Все вспахано, МТС подготовила тракторы, засыпали семена...

Машина трогается. После посещения этого крепкого хозяйства «пессимист» молчит...

ПОКОРЕНИЕ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

Вдоль трассы прокладываемого коллектора выросли земляные холмы. На переднем плане: хлопок на орошенных полях.

Фото Г. Перменова.

Елена **МИКУЛИНА**

Ранним утром, когда в небе еще стояла огромная желтая луна и от деревьев на дорогу ложились длинные тени, мы выехали из Ташкента в Мирзачуль.

С двух сторон Большого Узбекского тракта тянулись хлопковые поля. Машина легко шла по асфальту, то и дело ныряя в тень деревьев, окаймляющих эту трассу. Замелькали глиняные дувалы кишлаков, высокие открытые балханы — двухэтажные террасы в глубине закрытых дворов, — слепые стены домов, все еще отворачивающихся по древнему обычаю от дороги.

Постепенно оживали кишлаки. Вот проехал на ослике старый узбек в белоснежной чалме поверх тюбетейки, пошли на хлопковые поля женщины, в придорожной чайхане захлопотал чайханщик, выставляя на низкой печке батарею заваренных чайников... Старая как мир, такая знакомая по описаниям картина азиатских дорог... Уж не Насреддин ли, остановив серого ишака, охлаждает в арыке усталые ноги? И не он ли это присел на корточки в чайхане и рассказывает собравшимся вокруг седобородым слушателям свои новые приключения, а они, покачивая бритыми головами, медленно тянут из пиал бледно-зеленый чай?

Но это только внешние впечатления. Иная жизнь течет сейчас по дорогам Узбекистана. Оттесняя на обочину серого ослика, по шоссе, обгоняя друг друга, мчатся машины со строительными материалами, деталями из железобетона и другим грузом. Этот поток устремляется в Голодную степь, которая в течение ближайших лет будет превращена в богатейший край хлопка. Едут и сами строители — сотни девушек и юношей, только что окончивших специальные учебные заведения. Они будут рыть каналы, строить дома, прокладывать дороги, и на карте нашей Родины еще одно желтое пятно пустыни покроется веселой зеленой краской.

Кстати, о картах и географии. Найдите на карте Ташкент — зеленый, тенистый город, по улицам которого с тихим звоном бежит в арыках вода. На юго-запад от этого города, буквально в нескольких десятках километров, начинается плоская, как блюдо, равнина. Это и есть Голодная степь — угрюмая пустыня. Только ранней весной две — три недели пылает она пышным цветением тюльпанов, а затем снова на весь год укрывается выцветшим плащом из бурой, сухой травы с белыми заплатками солончаков.

Поднятая над уровнем моря на 230—384 метра, эта равнина занимает территорию в один миллион гектаров. С северо-востока она ограничена рекой Сыр-Дарьей, с запада — песками пустыни Кызыл-Кум, с юга — северными склонами отрогов Туркестанского хребта. Осадков здесь бывает вдвое меньше, чем в степях Среднего Поволжья, зато солнце раскаляет землю, как сковороду. И, тем не менее, земли Голодной степи плодородны. На участках, уже отвоеванных от засухи, получают высокие урожаи хлопка, винограда, ароматных дынь, сочных арбузов...

До революции из огромного массива земель Голодной степи было освоено всего 35 тысяч гектаров. За годы Советской власти в сельскохозяйственный оборот в Узбекистане и Казахстане введено около 200 тысяч гектаров. А к 1962 году будет уже 500 тысяч гектаров, к этому обязывает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 августа нынешнего года.

Этот документ вписывает в историю Голодной степи новую замечательную страницу.

На освоение 300 тысяч гектаров новых земель в Узбекистане и Казахстане и строительство на этих землях государство выделяет 4,6 миллиарда рублей. О масштабах предстоящих работ говорит хотя бы то, что строителям потребуется вынуть и переместить до 400 миллионов кубометров земли, уложить около 400 тысяч кубометров бетонных и железобетонных конструкций. На стройках в Голодной степи будут работать мощные экскаваторы, бульдозеры, скреперы, автосамосвалы, транспортеры, различные краны.

Предполагается ввести в строй железнодорожную магистраль в глубь Голодной степи. Таким образом, появится кратчайший путь через Голодную степь: от станции Сыр-Дарьинская до станции Джизак.

В освоенных районах возникнут один областной и три районных центра, 34 совхоза и столько же хлопкоочистительных заводов, 12 машинодорожных станций и множество других предприятий.

К участию в преображении Голодной степи привлечены все министерства и ведомства Узбекистана. Одним поручена прокладка дорог, другим — бурение артезианских скважин, третьим — рытье каналов и коллекторов, по которым отводятся грунтовые соленые воды, четвертым — строительство поселков и городов. Направлять все их усилия должны работники Главного управления по орошению и освоению земель Голодной степи при Совете министров Узбекской ССР. Начальником его назначен К. Зиадулаев — заместитель председателя Совета министров республики.

В кабинете главного инженера И. Я. Каминского с раннего утра до поздней ночи толпится народ. Здесь, в этом штабе наступления на пустыню, составляют планы, подбирают кадры, намечают площадки строительства.

Пройдет несколько лет, и Голодная степь станет обжитой областью с административным центром, расположенным между 58-м разъездом и станцией Урсатьевская. Сейчас на этом месте нет даже самого маленького населенного пункта. Ничем не сдерживаемый, гуляет здесь горячий ветер, вздымая тучи желтоватой солончаковой пыли. Но строители, проектировщики, руководители советских и партийных организаций говорят о будущем городе так, как будто он уже существует. В этом можно убедиться в Госузбекпроекте, где ведется составление генерального плана нового областного центра. Вот сюда пришел молодой человек и отрекомендовался:

— Я представитель министерства торговли. Сколько надо

планировать для областного центра торговых точек?

— А нас интересует количество средних и начальных школ,— говорит представительница министерства просвещения.

— Кинопрокат хочет узнать...— произносит скромно стоявший до сих пор в сторонке товарищ.

— Подождите, подождите! — несколько растерянно отвечают проектировщики. — Генеральный план еще не утвержден.

И, тем не менее, будущий зеленый город уже отчетливо виден строителям. С севера его будет омывать Южный Голодностепский канал. Одетый в гранит, он образует прекрасную набережную. Планировка города — шахматная, застройка — двух- и трехэтажная. Чтобы защитить город от ветров, на противоположной стороне канала создается широкая зеленая зона, за которой пройдет шоссе, а дальше разместятся различные производственные базы.

...А теперь побываем на дорогах, где уже идет наступление на Голодную степь. Дороги эти начинаются в Мирзачуле. Отсюда они ведут и на трассу коллектора, и к каналу имени Кирова, где создается новое русло и целый узел гидротехнических сооружений, и на площадки строящихся совхозов «Фархад» и «Дружба».

...Вот на горизонте возникла цепочка пирамид. Это работа экскаваторов: свежая земля, вынутая ими из траншей центрального коллектора. Значение коллектора очень велико: собирая через дренажную систему соленые грунтовые воды, он обессолит почвы Голодной степи и тем самым избавит хлопкоробов от их извечных врагов — засоления и заболачивания почв.

Мы на 34-м пикете. Еще месяц назад здесь было болото, а сейчас его илистое дно покрылось крупными трещинами от солнца. Где же кудесник, сумевший спустить отсюда гнилую воду? Вот он — в кругу своих сменщиков закуривает перед вахтой последнюю папиросу. Имя бывшего моряка Тихоокеанского флота Евгения Шевченко известно сейчас всему Узбекистану. Поставив экскаватор на болотные гусеницы, Шевченко более двух недель буквально «сидел в болоте», пробивая траншею.

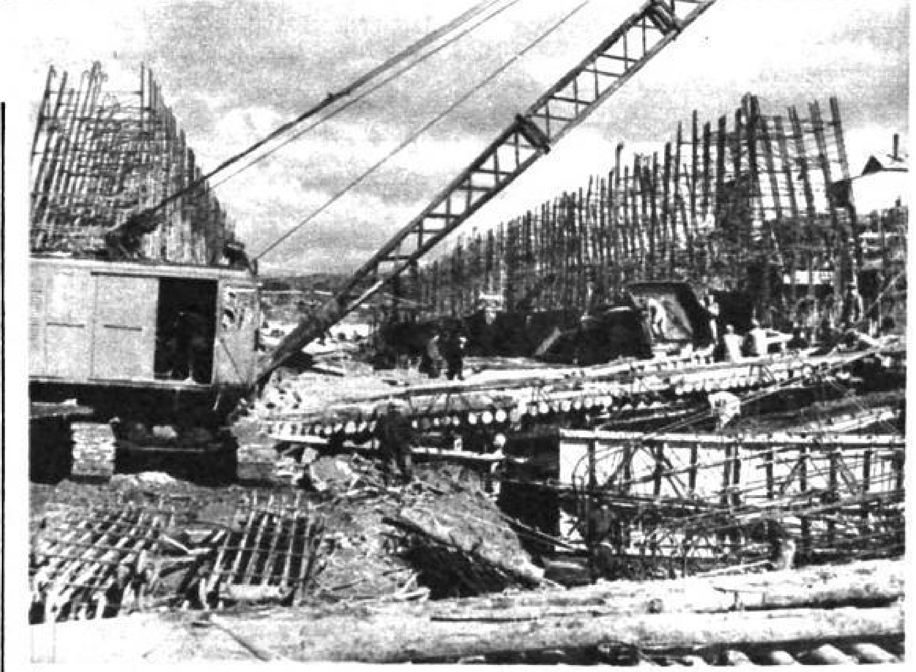
— Конечно, нелегко было,— говорит он, усмехаясь,— но зато весело. Вы бы посмотрели, как ко мне добирались фотокорреспонденты — по колено в грязи. Теперь, видите, вода ушла, и за мной идут тяжелые экскаваторы, они расширяют котлован, углубляют его.

Через несколько километров мы увидали и этот отряд. Экскаваторщики И. Ковынев, И. Пашков, Н. Петренко двигались строем. Загорелые, обветренные парни улыбались нам из кабин машин. Но разговаривать им было некогда. Работа не ждет!

Такие же умелые, не боящиеся трудностей люди работают и на других участках. А в Мирзачуле, в кабинете Андрея Сергеевича Чернышева, возглавляющего первое управление «Главголодностепстроя», мы увидели новую группу молодежи, прибывшей на освоение Голодной степи.

— Но это только первые ласточки,— говорит Чернышев.— Сейчас у нас 600 рабочих, а скоро их будет 3 тысячи.

Большие дела предстоят строителям на этих землях.



На строительстве шлюза № 2.

Фото А. Жидкова.

Волго-Балт

Старинный Волго-Балтийский водный путь...

После усовершенствований этого пути 1810 года суда из Рыбинска в Петербург приходили через 110 суток. В 1903 году на это требовался месяц, и фрахт с пуда понизился с 25 копеек до девяти. Сейчас караваны проделывают путь от Череповца до Ленинграда за две недели, но и этот срок очень велик. Обветшала, стала неудобной в наше время эта водная магистраль!..

Из Череповца в Вытегру мы отправились на пассажирском пароходе «Шексна». Вторую ночь провели в Белозерском канале. Он был забит мелкими судами, которые никак не могли разойтись. Сначала капитан «Шексны» Геннадий Михайлович Карпов то и дело подавал сигналы, чтобы впереди расчистили «дорогу». Потом, убедившись в бесполезности своих попыток, махнул рукой. Пароход так и стоял на том же самом месте до утра.

Кто-то из пассажиров выбросил за борт окурок, полагая, что он упадет в воду, но ошибся. В тот же момент перед окном каюты встала фигура проводницы с соседней барки. Барка была настолько близко, что проводница, стоя на барке, оперлась локтями о борт парохода и начала отчитывать «невоспитанного пассажира». Мы поинтересовались у женщины, что за груз на барке под брезентом.

— В Ленинград везем зерно с целины,— ответила она.— Пшеница из Павлодарской области. В Череповец ее прибывает очень много.

Где-то рядом, в темноте осенней ночи, светились огоньки других барок. Одни были нагружены печорским углем, другие — пиломатериалами для ленинградских новостроек. Небольшие, но сильные катера тащили гонки. Отличный северный лес!

Утром пароход медленно продвигался вперед. Тут начиналась та самая часть старинного водного пути, где каждый его метр прокладывался упорным трудом человека. Впервые обратил внимание на огромное значение этого пути Петр I; он был автором его первоначального проекта.

...На пароходе «Шексна» самым старым речником оказался Семен Филиппович Паршин. Он плавает от Череповца до Ленинграда с 1914 года. Семен Филиппович показал сохранившиеся в стороне от основного судоходного пути остатки петровского шлюза.

Вместе с отцом плавает на пароходе и его сын. Но обветшалой Мариинской системой недовольны все — и старые и молодые речники. Когда оставалось недалеко до Вытегры, пароход начал останавливаться в шлюзах чуть ли не через каждые сто метров. Некоторые пассажиры сошли на берег. Через час автобус доставил их в город, а «Шексна» прибыла туда намного позднее. Скорость — два километра в час...

— Вот подождите,— сказал Геннадий Михайлович Карпов.— Пройдет еще два — три года, и тогда будем плавать по-новому!

Новая трасса этого водного пути прокладывается в стороне от «мариинки». Все делается заново: шлюзы, каналы, водосбросы, водохранилища,— так что слово «реконструкция» не совсем точно определяло бы масштабы и цели работ.

Над верхушками деревьев издалека видны стрелы землеройных машин. У трассы будущего канала высятся горы земли и песка, вынутых железными руками машин. По насыпи прошел трактор с груженной песком тележкой: здесь сооружается дамба.

У пульта управления шагающего экскаватора сидел молодой человек лет двадцати пяти. Это комсомолец Леонид Ожелевский, один из многих передовых строителей, которых здесь называют звучным словом «волгобалтийцы».

На участке канала протяженностью 900 метров предстоит вынуть миллион кубометров грунта. Уже вынуто более 300 тысяч кубометров. Волгобалтийцам сильно мешают топи. Медленно двигаясь, машина буквально тонет в вязком, сыром грунте. Механизаторы подкладывают слани под экскаватор и все же заставляют его шагать.

Экскаваторы были получены с Волго-Дона сильно изношенными. Специалисты настаивали на том, чтобы списать их в утиль. Тогда за дело взялись комсомольцы. Им было жалко бросать экскаваторы. При умелом уходе машины и сейчас служат верно, безотказно.

Среди строителей канала мы встретили Вилена Григорьевича Столовицкого. Это совсем еще молодой инженер — ему всего 25 лет. В прошлом году Вилен окончил Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева, в котором в свое время учился и его отец.

Впереди работа огромного объема. Под Вытегрой и в других местах возводятся сложные гидротехнические сооружения, равных которым нет на Волго-Доне! Волгобалтийцам предстоит смонтировать около 25 тысяч тонн металлоконструкций. Протяженность Волго-Балта в три раза превысит длину Волго-Дона и составит 361 километр!

В 1958 году намечено ввести в строй сооружения Вытегорского и Белоусовского гидроузлов. Это позволит отключить десять старых шлюзов. Отключение всех 39 старых шлюзов будет завершено к концу пятилетки. Вместо них будет только девять. От Онежского озера до Череповца и через Рыбинское море пойдут большегрузные суда. Железнодорожный транспорт освободится от перевозок нескольких миллионов тонн грузов из портов Камы и Волги до Ленинграда и Беломорска. Эти грузы пойдут по Волго-Балту. Так наш народ завершит создание единой глубоководной транспортной системы Европейской части СССР.

Теплоходы пойдут из Вытегры к Череповцу и Рыбинску уже не Белозерским обводным каналом, а прямо по Белому озеру. На площади более полутора тысяч квадратных километров раскинется самое большое из шести новых водохранилищ — Череповецкое. По длине и ширине оно будет в полтора раза больше Цимлянского моря.

Защитные дамбы встанут вокруг древнего города Белозерска. Первенец металлургии северо-запада Череповецкий металлургический завод получит электроэнергию от новой гидроэлектростанции на реке Шексне. Электрические огни вспыхнут в колхозах, совхозах, лесных поселках.

Огромные преобразования несет с собой северному краю строящийся Волго-Балтийский водный путь!

А. ПОДОСЕНОВ

ПОБЕДА ХЛОПКОРОБОВ УЗБЕКИСТАНА

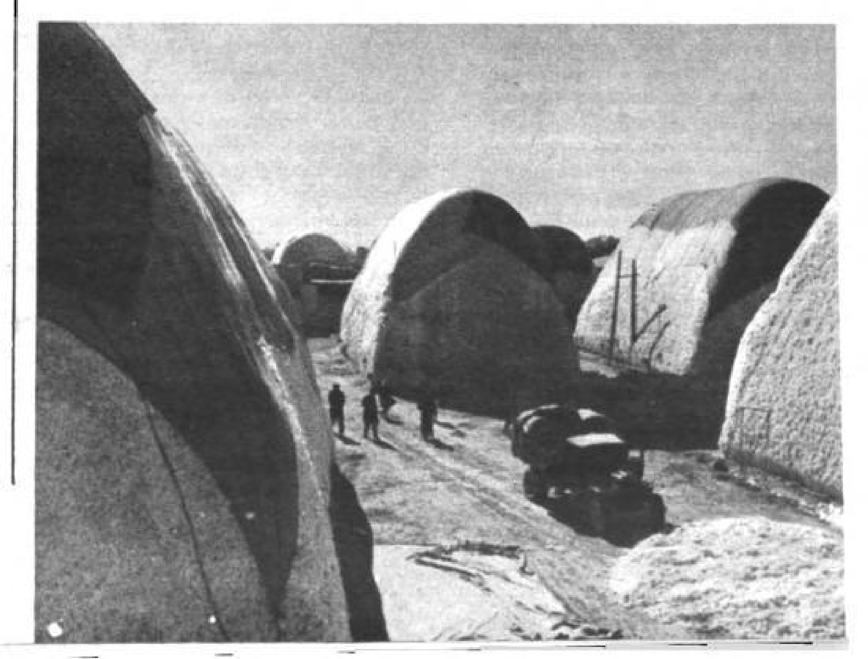
Труженики хлопковых полей Узбекистана добились выдающейся победы: успешно выполнив план заготовок хлопка, они сдали государству

2 835 000 тонн хлопка-сырца.

Никогда еще республика не собирала такого количества «белого золота».

Смело внедряя прогрессивные способы посева и возделывания хлопчатника, колхозы и совхозы Узбекистана сделали новый шаг вперед, который будет способствовать дальнейшему подъему хозяйства республики и материального благосостояния узбекского народа.

Узбекская Советская Социалистическая Республика награждена орденом Ленина.



На снимке: бунты хлопка-сырца на заготовительном пункте колхоза имени Кагановича, Октябрьского района, Ташкентской области.

Фото В. Кудоярова.

НА РОДИНЕ СУНЬ ЯТ-СЕНА

Делегация Правительства КНР и советская делегация идут в мавзолей Сунь Ят-сена.

В дни, когда китайский народ торжественно отмечал 90-летие со дня рождения Сунь Ят-сена, Китайскую Народную Республику посетила советская делегация в составе председателя Центральной ревизионной комиссии КПСС П. Г. Москатова (глава делегации), генерал-лейтенанта в запасе А. И. Черепанова и профессора-китаеведа, редактора журнала «Советское востоковедение» В. А. Масленникова. Ниже мы печатаем беседу с членами этой делегации.

* * *

Большое волнение охватило нас, когда самолет пересек границу Китайской Народной Республики. Мы летели в гости к китайским друзьям, чтобы отдать дань глубокого уважения, которое питают советский народ и Коммунистическая партия Советского Союза к великому сыну китайского народа доктору Сунь Ят-сену, революционеру-демократу, отдавшему жизнь борьбе за независимость, свободу и счастье своего народа. И для нас и для китайских друзей имя Сунь Ят-сена навсегда связано с той славной страницей истории, когда было положено начало прочным и постоянным связям между революционным народом Китая и нашей социалистической Родиной.

Как известно, В. И. Ленин высоко ценил деятельность и революционные заслуги Сунь Ят-сена, называя его революционным демократом, полным благородства и героизма.

Сунь Ят-сен завещал своему народу хранить дружбу с народами Советского Союза. Незадолго до своей смерти он в обращении к Центральному Исполнительному Комитету СССР писал: «Я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

Эта мечта великого революционера-демократа стала явью.

И вот вместе с делегатами многих других стран мы в Пекине, в зале заседаний Народного Политического Консультативного Совета Китая, где происходит собрание, посвященное 90-летию со дня рождения Сунь Ят-сена. Нам надолго запомнится торжественность этого собрания. На нем присутствуют члены Народного правительства, представители демократических партий Китая, общественных организаций. В этом зале мы воочию видим единство китайского народа, за которое боролся Сунь Ят-сен и которое было достигнуто под руководством Коммунистической партии Китая. Каждую минуту нашего пребывания в Китайской Народной Республике мы ощущали искреннюю дружбу к Советскому Союзу.

В первый же день нашу делегацию приняли товарищи Мао Цзэ-дун, Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лай. Товарищ Мао Цзэ-дун поблагодарил Центральный Комитет КПСС за большое внимание к памяти Сунь Ят-сена.

На горе Цзыцзиньшань в Нанкине возвышается величественное здание, к которому ведет длинная широкая лестница. Это мавзолей Сунь Ят-сена, место, дорогое сердцу каждого китайца, каждого друга китайского народа. Мавзолей этот, который разрушили японцы, так и не был восстановлен в годы гоминдановской власти. Только после образования в Китае Народного правительства здание мавзолея было отремонтировано.

Наша делегация посетила мавзолей Сунь Ят-сена вместе с делегацией правительства КНР, возглавлявшейся заместителем Председателя КНР товарищем Чжу Дэ. Мы возложили на гробницу Сунь Ят-сена венки. На этой церемонии присутствовало свыше десяти тысяч человек.

Следующим городом на нашем пути был Шанхай. Мы посетили дом-музей Сунь Ят-сена — небольшой двухэтажный домик, в котором он жил до 1923 года. В этом здании, которое свидетельствует о скромном образе жизни великого китайского революционера, была заложена основа прочного союза между революционными силами Гоминдана и Коммунистической партией Китая. Здесь, в этом доме, были выработаны знаменитые три политические установки Сунь Ят-сена: союз с Коммунистической партией, союз с Советской Россией, поддержка крестьян и рабочих.

В Шанхае мы встретились с вдовой доктора Сунь Ят-сена, председателем Общества китайско-советской дружбы Сун Цин-лин. Эта встреча была весьма теплой. Сун Цин-лин была очень тронута тем, что советская делегация посетила ее в день 90-летия со дня рождения Сунь Ят-сена.

В Пекине, куда мы возвратились после поездки по стране, мы побывали в гостях у руководителей Общества китайско-советской дружбы и были приняты товарищем Чжу Дэ. На встрече присутствовала заместитель председателя Всекитайской демократической федерации женщин Дэн Ин-чао.

В беседе с товарищем Чжу Дэ мы затронули вопрос об установлении более тесных связей между советскими и китайскими учеными в разработке трудов по истории советско-китайских отношений и других вопросов истории Китая. Это предложение было горячо поддержано товарищем Чжу Дэ. Мы надеемся, что оно вскоре будет осуществлено.

Советская делегация находилась в Китае недолго. Но даже за короткое время своего визита мы смогли увидеть, как китайский народ, вдохновленный решениями VIII съезда Коммунистической партии Китая, успешно развивает свое социалистическое народное хозяйство и культуру. Сегодняшний Китай — это страна бодрых, жизнерадостных, веселых, уверенных в будущем людей. Мы видели то, что принесла китайцам народная власть,— и растущий уровень жизни, и новые дома для рабочих, и широкие возможности для образования.

Мы не могли не порадоваться тому, какое большое внимание уделяется в Китае гигиене и санитарии. Не будет преувеличением сказать, что в этой области китайские товарищи добились огромных успехов.

В заключение нашей беседы мы хотим еще раз вернуться к теме дружбы между нашими странами. В КНР существует Общество китайско-советской дружбы. Трудно даже представить себе тот объем работы, который проводит Общество,— настолько велика и многообразна его деятельность. Каждое достижение, каждый удачный опыт нашего народа в строительстве социализма быстро становится достоянием китайских трудящихся. Самыми разнообразными путями и средствами Общество знакомит население КНР с жизнью в Советской стране, выступает горячим пропагандистом дружбы двух наших великих народов.

Уезжая из Китая, мы увезли с собой чувство радости за великие успехи, которых китайский народ добился за семь лет народной власти.

Советская делегация на приеме у товарища Мао Цзэ-дуна. Слева направо: товарищи Мао Цзэ-дун, П. Г. Москатов, А. И. Черепанов, В. А. Масленников.

По южным дорогам

Анатолий КУДРЕЙКО

Памятники

Степь курьерский берет с разгона,
гнет гудящую колею...
Целый день у окна вагона,
как прикованный, я стою.

Сколько лет хоть глазком окинуть
я степные хотел края,
где пришлось мне тебя покинуть,
фронтовая семья моя!

Балку, балочку отыскать бы —
ту, что грела меня в буран,
черный тын у пустой усадьбы,
где на белый упал бурьян...

От вагона до горизонта
степь все та же и все ж не та!
Этот бывший плацдарм
Южфронта
ныне прежнему не чета.

То осокорем белокорым
прошумит на пути разъезд,
то летят за составом скорым
нефтебазы и МТС...

За акацией придорожной
мчится снежная белизна,
не затянута мглой тревожной
дали вечная новизна!

Ледяная дуга залива...
На прибрежный катясь обрыв,
всюду замерли прихотливо
вереницы зубчатых грив.

Длинноствольный камыш
на хатках...
Вдруг, как память о давних днях,
автоматчики в плащ-палатках,
с автоматами на ремнях.

Плащ клубится над постаментом...
Эти парни издалека
не покажутся монументом,
а изваяны на века!

Будто снова хожу в пилотке,
так и хочется козырнуть...
Строго смотрят туда, где лодки
собираются в долгий путь.

По старинке желал бы здравья,
да в оградах, что на буграх,
только кости под грудой гравия,
только их безымянный прах.

Вот исчезли в дыму скульптуры
за заборами из камней,
а забыть не могу фигуры
повстречавшихся мне парней.

До клокочущего Дуная
в домовины бойцы легли,
чтоб живые, их вспоминая,
их наследие берегли!

Эту думу передай

Я вижу с дикого утеса:
волна спешит догнать волну,
волна к подножию откоса
бросает пенную копну.

И вижу я с крутой вершины:
нашли добычу для себя,
ковшами действуют машины,
хрустящий галечник гребя.

Сумел на склоне прилепиться
дом садовода в стороне;
волнисто вьется черепица,
от пальмы — веер на стене.

Колдует полдень серебристый,
душа теплом напоена...

Иду по улочке гористой
и слышу: — Началась война!..

И о трагедии Египта
уже собравшейся толпе
из-под навеса эвкалипта
вещает рупор на столбе.

Здесь, не браня ослов с хурмою,
стоят крестьяне-старики,
у них повязаны чалмою
по старой моде башлыки.

Затихли девочки-грузинки,
приставя пальчики к губам;
они с крылечка из корзинки
бросали зерна голубям.

И по рабочему костюму
я машиниста узнаю;
чтоб помогала думать думу,
сосет он трубочку свою.

Волна, что в море серебрится,
и тень на меловой стене,
и огненная черепица —
все говорит так много мне.

Идет дорога голубая
до африканских берегов,
где бомбы, воздух разрубая,
с землей сровняли мирный кров:

упали стены меловые,
и не трепещут в знойной мгле
у зданий пальмы вековые —
они пылают на земле.

И люди, как в пыли самума,
не видят солнца над собой...

О них, о них отныне дума,
о тех, кто вынес тяжкий бой.

Спеши, волна, и днем и ночью
в объятый заревами край.
На все имея полномочья,
ты эту думу передай!

Мцхета

О том, что осталось от царственной Мцхеты,
о том, что дошло от далекой поры,
друзьям рассказали грузины-поэты,
где струи Арагвы и струи Куры.

Соседка раздольных нагорий Тбилиси,
обширною древняя Мцхета была...
Пред нами до неба простертые выси
да храмы, вознесшие в синь купола.

И гости из Чехии, Польши, России
вникали в скрижали седой старины.
Тесали скрижали умельцы простые
из белого камня гористой страны...

Как быть равнодушным к дарам трудолюбья!
Огонь мастерства не померк за века!
Пред этой веков неоглядною глубью
законная гордость была велика!

Потом мы поэму о Мцыри читали,
о шуме Арагвы, о шуме Куры,
о том, что глядел на лиловые дали
глухой монастырь с недоступной горы.

И он возвышался меж туч перед нами,
сливалась Арагва с Курою-сестрой...
И даже казалось: сверкнув стременами,
спускается Лермонтов в бурке сырой.

Он знал про обычай страны винноделья,
он сам у шашлычной бы спрыгнул с коня,
расслышав с дороги, как много веселья,
как бубен рокочет при всплесках огня,

как пламенно братству высокие тосты
слагает от сердца старик-тамада
и рог осушают славянские гости,
как будто бы в нем не вино, а вода!

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ В ИРКУТСКЕ

Дорога всегда немного печальна. А зимняя дорога, да еще в сумерки, особенно. Но вот лошади побежали быстрее, заскрипел снег под полозьями. Скоро деревня.

Сюжет картины Петра Николаевича Грузинского «Домой» незатейлив. Колорит не отличается блеском, рисунок осторожен, даже робок. В чем же секрет ее удивительного обаяния, почему она так трогает? Да потому, что этот простой и искренний рассказ подкупает правдой.

В картинах Иркутского художественного музея, репродукции которых мы публикуем сегодня, несмотря на различие манер и просто масштаба дарования художников, много общего.

Сочувственное внимание к самой незаметной человеческой судьбе, напряженные поиски «главной правды» — разве не этим привлекательны в первую очередь и «Бедный ужин» В. М. Максимова и «Нищая» И. Е. Репина?

Яркое небо, полевые цветы и девочка-нищенка в нелепой, заплатанной кофте, из которой она давно выросла, худые, слабые руки. Но самое главное — взгляд этого ребенка. Полуулыбка, полувопрос, недоумение, робость, надежда. Эта превосходная картина — настоящее украшение музея.

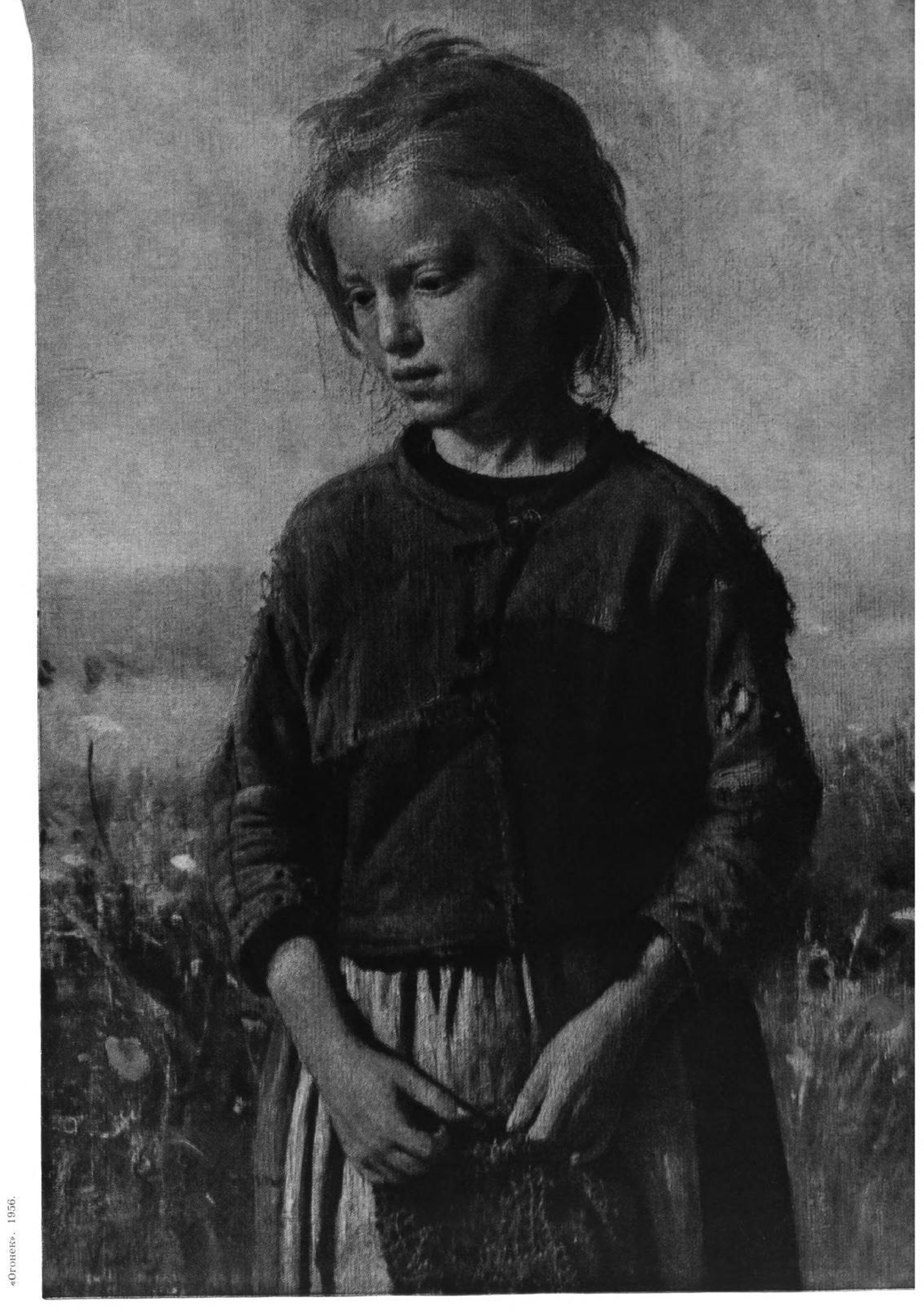
Василий Максимович Максимов — известный русский жанрист. О персонажах картины Максимова «Бедный ужин» можно, не обладая особым даром прозрения, рассказать целую повесть. Видно, долго пришлось ждать ужина — дети почти спят, хозяйка собирает к столу, а отец сидит в сторонке у окна и думает, думает... Обо всем давно переговорено да, впрочем, и передумано, а нужда все не уходит...

Михаил Константинович Клодт — один из создателей русского национального пейзажа, очень внимательный, серьезный художник. «Волгу под Симбирском» М. К. Клодта надо рассматривать не торопясь. Перед вами необыкновенно просторная панорама — перелески, овраги, поля уходят бесконечно далеко. Автор картины останавливает ваше внимание на множестве деталей, но целое от этого нисколько не страдает.

Много произведений Аполлинарий Михайлович Васнецов посвятил пейзажу современной ему России. Он долго жил в Сибири и хорошо знал ее природу. «После грозы» — радостный, солнечный пейзаж. Гроза прошла, и торопливая тень последней тучи скоро скроется за пригорком.

Областной художественный музей в Иркутске — один из лучших периферийных музеев. Основой музея послужила коллекция, которую в семидесятых годах прошлого века начал собирать В. П. Сукачев, житель Иркутска, широко образованный человек и страстный любитель живописи. К девяностым годам в коллекции Сукачева было уже около ста картин. Однако иркутские купцы и золотопромышленники мало интересовались живописью, и городская управа отказала Сукачеву в средствах на постройку здания для галереи. После Великой Октябрьской революции коллекция была передана государству, и в 1920 году открыта картинная галерея. За годы Советской власти фонды музея увеличились в сорок раз. В 1950 году музей расположился в новом, большом помещении.

А. ГАСТЕВ



«Огонек». 1956.

И. Е. Репин (1844—1930). НИЩАЯ. 1874.

Иркутский областной художественный музей

И. Тончи (1756—1844). ПОРТРЕТ Г. Р. ДЕРЖАВИНА. 1805.

Иркутский областной художественный музей.

ФЕДОРОВ И ТАНЯ

Рассказ

Наталья ДАВЫДОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

— Сегодня я ему позвоню обязательно,— сказал Федоров и записал на календаре: «Позвонить Каштанову».

Полистав календарь, Федоров усмехнулся. «Позвонить Каштанову»,— промелькнуло пять раз за последние семь дней. А Федоров и был-то в Москве всего неделю. Но для встречи с Каштановым ему хотелось иметь полностью свободный вечер. Сегодня командировочный Федоров был свободен, а завтра он уезжал.

У Федорова была хорошая память. Он все помнил, что было в жизни, и Григория Каштанова, Гришку Каштана, он помнил прекрасно.

Дома у Федорова сохранилась фотография, наклеенная на твердый серый картон и помеченная на обороте двадцатым годом. Молодые красногвардейцы — какие молодые!—снялись перед отправкой на фронт. Он сам, Федоров, сидит в первом ряду, даже не сидит, а лежит. Сбоку винтовка. Федоров в длинной шинели, на голове буденновка со звездой. Лицом похож на девочку, на хорошенькую девочку шестнадцати лет. А Гришка Каштанов стоит, опершись на винтовку, высокий, могучий. Лица Каштанова на этой карточке сейчас уже нельзя разобрать, оно покрылось желтоватым пятном. Время, или солнце, или качество бумаги тут виноваты — неизвестно. Но Федоров помнит: лицо у Каштанова круглое, румяное, с очень черными, сросшимися на переносье бровями и широко расставленными глазами.

«Все мы были орлы-красавцы!— усмехается про себя Федоров, который не был ни орлом, ни красавцем.— И девушки нас любили».

— А этот самый Гришка Каштан один раз... это очень смешная история, я тебя предупреждаю,— говорит Федоров своей племяннице Тане, которая сидит на диване у него в гостинице, вместо того чтобы сидеть на лекциях в институте, и смотрит на дядю глазами, полными вежливого невнимания.

Федоров смеется:

— Ты глупа и лентяйка, но эту историю ты должна знать.

Племянница вздыхает, она терпеть не может дядиных воспоминаний и историй, но она очень любит дядю и готова слушать.

А Федоров убежден в том, что он великолепный рассказчик.

— Я тебе уже говорил, что Гриша Каштан был самый высокий парень в нашем отряде. Это был громадина ростом... ростом с эту дверь наверняка. Представляешь? Уже смешно. Правда?

— Да, дядя,— соглашается племянница, следя за тем, как Федоров закуривает папиросу. Ему запрещено врачами курить, но он и курит и пьет.

— У тебя, наверно, нет ни одного такого высокого знакомого парня,— говорит дядя.

— Есть,— замечает племянница и едва заметно улыбается.

— Не думаю,— говорит Федоров,— не думаю. Неважно. Эта смешнейшая история произошла под Киевом... Смешнейшая, повторяю. Мне надо побриться, но я могу бриться и рассказывать.

Федоров начинает бриться, оставив открытой дверь из ванной. Рассказав, как Каштанова перепутали с командиром полка и что из этого получилось, Федоров хохочет и высовывается из ванной, чтобы посмотреть, как смеется племянница. Та смеется хорошо, громко и весело, и дядя с одобрением и удовольствием смотрит на нее.

— Сейчас я побреюсь, и мы спустимся вниз, позавтракаем,— говорит он.

— Я сыта,— отвечает Таня.

— Сомневаюсь,— говорит Федоров и, надув намыленную щеку, прячет голову за дверью.

Теперь он начинает гудеть «Каховку». Он поет только две песни — «Каховку» и «Девушку с гор», и только по утрам, когда бреется. Но, может быть, было бы даже лучше, чтобы он рассказывал, чем пел.

Потом Федоров причесывает перед зеркалом свои мягкие пегие волосы.

Вынув из чемодана белую пикейную рубашку, он говорит:

— У меня своя мода. Собственная. Я ношу белые рубашки. Это тебе понятно?

— Понятно,— отвечает племянница, глядя на лоснящиеся старые брюки Федорова и на узкий в плечах и короткий пиджак.

Завязывая галстук, Федоров говорит:

— Шерстяной плетеный галстук. У твоих щенков, небось, таких нет.

Потом он заводит часы, большие и круглые, которые кажутся огромными на худой руке Федорова.

— Одиннадцать часов, безобразие!— говорит он.— Безобразие! Идем.

Таня встает с дивана и постукивает об пол затекшей ногой.

После завтрака Федоров с племянницей идут гулять по Москве. Они обходят вокруг Кремля, ездят по новым станциям метро. Год назад Федоров тоже был в командировке в Москве, но тогда он ничего не успел посмотреть. Зато сейчас он не только выходит из вагона и осматривает подземные залы, но каждый раз поднимается по эскалатору и разглядывает станции наверху.

— Ох, уж эта любознательность!— ворчит Таня.

Федоров порывается съездить еще на сельскохозяйственную выставку, где он был только один раз вечером, но Таня категорически отказывается, говорит, что устала и больше не может.

— Ты глупа,— говорит Федоров,— ты глупа так же, как твоя мать. Так же, как моя жена. Я ненавижу ваши хитрости. Когда я болен, я лежу. Но вам никогда не понять, что пока человек интересуется окружающим, он здоров. А если он не интересуется, он болен. Я здоров. Понятно?

— Понятно,— отвечает Таня.— Я устала и хочу немного посидеть. Мы уже бегаем четыре часа без отдыха.

— Ты что, серьезно устала?— спрашивает Федоров, с насмешкой глядя на Таню.

Но Таня не боится его насмешек.

— Серьезно,— отвечает Таня, и они садятся на скамейку в вестибюле станции «Калужская».

Федоров вытаскивает из кармана смятую пачку папирос.

— Здесь можно курить?

— Нельзя,— быстро и радостно отвечает Таня.— Как раз нельзя.

— Звонить еще рано,— говорит Федоров.— Он, конечно, еще не пришел домой.

— А вдруг он не захочет с тобой встретиться?— говорит Таня.

— Ну что ты,— отвечает Федоров,— этого не может быть.— И он качает головой с растрепавшимися мягкими волосами.

— Ведь совсем не все так относятся к своему прошлому, как ты.

— Ну и дура!— говорит Федоров.

— Давай поедем в центр и там где-нибудь поедим сосисок,— предлагает Таня.

Федоров не голоден, но он не возражает Тане, и они едут до центра, там выходят из метро и, разыскав какое-то кафе на улице, едят сосиски, пирожки с мясом и пьют чай.

— Все-таки очень интересно, каким теперь стал Гришка Каштан,— улыбаясь, говорит Федоров, и на его смуглом костлявом лице собирается множество морщинок.— Очень интересно! Последний раз мы виделись на партконференции. Он был тогда директором завода, а я начальником одного строительства. А тебе было три года от роду. Понятно?

— Понятно,— отвечает Таня,— мне все понятно.— И смеется.

У Тани и у Федорова блестящие веселые черные глаза, у всех в семье такие глаза.

— Я давно потерял Каштанова из виду, а этой зимой прочитал про него в газете. Оказалось, что он теперь большой начальник. Я обрадовался, но не удивился. Он всегда был умница, да. Умнейший парень. Много лет прошло. Тоже, наверно, старый стал, и узнать будет трудно. Слушай, это у тебя хорошее платье? Если вдруг так получится, что мы вечером пойдем к нему в гости...

— Ничего,— отвечает Таня,— не очень, но сойдет.

Федоров гладит ее по волосам и улыбается:

— Если уж я стал такой старый гриб, то пусть ты будешь у меня как надо. Верно? Нам не пора подниматься?

— Посидим, еще есть время. Твой Каштанов наверняка еще не пришел.

— Мог уже и придти. Вообще-то раньше он ленивый был, черт, не любил много работать. Но теперь, конечно,— другое дело.— Помолчав, Федоров продолжает:— А я тебе говорил, как в двадцать втором году я, Петька Гуляев и Гриша Каштан...

— Говорил!— кричит Таня.— Ты все говорил.

Федоров добродушно улыбается:

— А ты, наверно, думаешь, что тебе будет скучно. Ну, поскучай один вечер. Завтра я уезжаю.

— Я ничего не думаю,— отвечает Таня.

Федоров смотрит на часы:

— Знаешь что, сходим в универмаг, купим что-нибудь моим ребятам, у меня есть сэкономленные деньги.

Таня соглашается с удовольствием. Она очень любит ходить по магазинам. Они идут и покупают внуку Федорова мяч, коричневые сапожки номер двадцать шесть, внучке лыжные штаны. От себя Таня покупает заводную лягушку. На подарок жене у Федорова денег уже не остается.

— Ну ничего,— огорченно говорит он,— так всегда. Куплю в следующий раз. Или отдам ей свою вечную ручку, она все равно ее всегда берет. Уже можно звонить.

Таня и Федоров идут в телефонную будку. Федоров набирает номер, а Таня стоит рядом и ногой держит приоткрытую дверь, потому что в телефонной будке душно.

— Можно Григория, Григория... (Так и не вспомнил отчества,— шепчет Федоров Тане.) товарища Каштанова. Извините, пожалуйста, когда он будет? Спасибо.

Федоров вешает трубку, вытирает платком испарину со лба. Душно и жарко.

— Его еще нет. Будет через час — полтора.

Таня с Федоровым опять идут гулять по Москве, идут медленно, и Федоров, по обыкновению, смотрит по сторонам.

— Приятный женский голос. Мне почему-то кажется, что он женился на одной нашей девушке. Я ее смутно вспоминаю. Она тоже была с нами на фронте. Но, может быть, конечно, я и ошибаюсь.

— Давай посидим в сквере против Большого театра,— предлагает Таня,— там очень хорошо.

Федоров кивает головой и прибавляет шагу. Таня еле поспевает за ним, так быстро он ходит. «Маленький, а крепкий,— с восхищением думает Таня, глядя на подобранную и совсем молодую фигуру дяди.— Больной, а крепкий,— размышляет про себя Таня.— Вот молодец».

Они садятся на единственную незанятую в сквере скамейку, и Таня развязывает пакет,

который она несла, и смотрит на сапожки, лыжные штаны и игрушку. Она всегда, не доходя до дома, на улице рассматривает покупки. Потом Таня долго завязывает пакет, но он уже не получается таким, как в магазине.

— Хорошая лягушка,— задумчиво говорит Таня и украдкой смотрит на дядю.

Он все-таки устал и теперь сидит, откинувшись на спинку скамейки, заложив ногу за ногу, и глаза у него закрыты. Предлагать ему идти в гостиницу отдохнуть бесполезно: он рассердится, накричит и все равно не пойдет.

— Ты чего?— не открывая глаз, спрашивает Федоров.

— Ничего. А сколько лет сейчас Каштанову?— Таня задает вопрос, чтобы доставить дяде удовольствие.

— Пятьдесят с чем-нибудь. Мы все ровесники своего века,— с некоторой выспренностью отвечает Федоров и молчит, ожидая, что скажет Таня. Но Таня не говорит ничего.

— Хочешь, я тебе еще немного расскажу про Гришу Каштанова?— предлагает Федоров.

— Как, еще? — ужасается Таня. — Я тебя очень прошу, дядя...

— А обо мне тоже была статья. В местной газете. Как об отличнике строительства. Два дома сдал раньше срока. Это не шутка! Экономия средств огромная. Я им показал, что такое Федоров.

Дядя хвастает. Таня к этому привыкла. Но, с другой стороны, это и не хвастовство, а чистая правда. Когда-то Федоров руководил крупными строительствами, теперь в Смоленске строит двухэтажные жилые дома. Обстоятельства, как видно, могут меняться к худшему, но человек, как видно, не меняется.

— И я опять премию получил,— говорит Федоров.— Еще рано звонить, черт бы его побрал!

Приходится сидеть и ждать. Таня начинает вместе с Федоровым разглядывать прохожих.

Сентябрь стоит очень теплый, вечер чудесный, народу на улицах много, все скамейки в сквере заняты. Рядом с Таней сидят двое стариков, по виду муж и жена, а рядом с Федоровым — девушка с туго набитым портфелем и пестрым платком, который она теребит в руках. Таня знает, что надо отвлечь Федорова от девушки, а то он начнет к ней приставать и спрашивать, почему она нервничает или даже кого она ждет.

— Сколько времени?— поспешно спрашивает Таня.

— Сейчас пойдем звонить.— Федоров сочувственно смотрит на девушку с платком и поднимается.

Таня уводит Федорова искать телефон-автомат.

Каштанова все еще нет дома, но он должен совсем скоро быть, его ждут.

Таня с Федоровым опять гуляют по улицам.

— А как ты объяснил, кто говорит?— спрашивает Таня.

— Старый фронтовой друг, по гражданской войне, назвал фамилию.

— А она что?

— Ничего. Просила позвонить немного попозже. Наверно, он важный стал. Как ты думаешь?

— Может быть, и не стал. Не обязательно,— говорит Таня.

— Конечно, конечно. Но можно предположить, что стал.

— Ты же его так хвалил,— замечает Таня.

— А я ничего и не говорю. Прекрасный парень.

Таня с Федоровым останавливаются около Большого театра посмотреть, как люди идут в театр. Вернее, как бегут опоздавшие и томятся непопавшие.

— Внук растет,— почему-то говорит Федоров.

— Он на тебя похож,— отвечает Таня.

— Ну, звоним последний раз. Если нету,— идем в кино. И все.

«Хоть бы не было»,— думает про себя Таня.

Но на этот раз Каштанов дома.

— Гриша, Гриша, ты никогда не узнаешь, кто с тобой говорит,— улыбаясь, кричит Федоров в трубку.— Киев помнишь? Партшколу помнишь? Это Федоров, Михаил Федоров, не Иван, а Михаил. Здравствуй, Гриша!

— А-а,— отвечает незнакомый голос.— Какой Федоров?

— Михаил Федоров. На партийной конференции мы с тобой виделись последний раз. Вспоминаешь? Здравствуй, Гриша!

— Здравствуй.

— Вспомнил, наконец.

— Как же ты меня нашел? Разыскал?

— Ну нашел и нашел,— радостно и возбужденно говорит Федоров.— Как ты, Гриша? Какой стал, старый, толстый? А Снигирева помнишь? Я его вижу иногда.

— Снигирева помню.

— Ну, какой же ты стал, а? — продолжает быстро спрашивать Федоров.— Дети есть? Большие? Очень приятно, очень хорошо найти тебя.— Федоров растроганно улыбается, и Таня тоже улыбается, глядя на него.— Где ты сейчас работаешь, я знаю, прочитал в газете. Кого из наших видишь? Где Глебов? Розенштам, живы?

— Не встречал.

— А я Иванеева встретил в Ленинграде. Он меня узнал, а я его нет. Седой совсем, постарел, но молодец. Инструктор горкома.

— А ты сам-то где? — спрашивает Каштанов.

— Я приехал в Москву в командировку.

— А где сам-то?

— Работаю прорабом, живу в Смоленске. А ты как, все эти годы в Москве? Свиридов наш генералом стал, знаешь?

— Знаю Свиридова.

— Хорошо бы его повидать! Вспомнить старое, поговорить. У меня сохранилась фотография, перед самым фронтом мы снялись, там все наши ребята. Крылов умер недавно. И ты там есть, сбоку стоишь. А какие мы там молодые, Гриша, а? Сколько лет прошло, ну-ка, скажи!

— Много,— отвечает Каштанов.

— А голос ты мой узнаешь?

— Голос не узнаю.

— А я твой узнаю. Сперва не узнал, а теперь узнаю. Ну скажи что-нибудь. Сын у тебя? Или дочь? Может, внуки есть?

— Дочь.

— Узнаю твой голос, конечно, узнаю! А ты что такой скучный? Нездоров?

— Здоров.

У Эрнеста Хемингуэя

Письмо из Нью-Йорка

Уильям ЭТВУД, редактор журнала «Лук»

Увидеть Хемингуэя мне захотелось сразу после того, как я начал — лет двадцать тому назад — читать его книги. На всем, что он писал, лежал отпечаток удивительной творческой самодисциплины и широты мысли, что прежде всего отличает большого мастера. И в то же время его книги полны юмора, человечности, прямоты, короче говоря, всего того, чего ждешь от вновь обретенного друга. Меня всегда преследовала мысль: похож ли Хемингуэй на того писателя, который вставал передо мной со страниц его книг? Часто ведь великие художники — вспомним хотя бы Вагнера — оказываются лишенными тех личных качеств, которые воображаешь себе, знакомясь с их творениями.

Итак, я был полон любопытства и сомнений, когда постучал в дверь дома Хемингуэя на Кубе. Каким окажется этот человек, жизненный опыт которого я, казалось, проследил от начала до конца по его замечательным рассказам?

Сомнения мои рассеялись в ту же минуту, когда он сам встретил меня на своей ферме, расположенной в окрестностях Гаваны. Он был таким, каким я его себе представлял,— в этом я убедился за три дня пребывания у него в гостях. Внешне он выглядит старше своих 57 лет, даже как-то преждевременно постаревшим, но душой он бесконечно молод. Суровые, полные треволнений годы наложили на него свой отпечаток, но и придали его облику тот оттенок спокойной доброты, который свидетельствует — если употребить выражение другого американского писателя, Скотта Фицджеральда,— «о мудром и трагическом знании жизни». Эту житейскую мудрость Хемингуэй приобрел, сталкиваясь с самыми разнообразными людьми во всех уголках мира.

Люди, познавшие войну, часто больше всего ценят мир, и самыми кроткими людьми оказываются подчас те, кто жил особенно бурно. Это очень чувствуется в Хемингуэе.

Собственно, причиной моего посещения Хемингуэя было желание получить от него статью для журнала «Лук». Один из наших фотографов уже провел до этого у него в доме целую неделю и сделал более тысячи снимков: писатель за работой у письменного стола, в беседах с друзьями, на рыбной ловле в море у Гаваны, в горячем обсуждении с режиссером деталей картины «Старик и море», которая ставится по его последней повести. Нам хотелось, чтобы он рассказал сам о своей жизни на Кубе.

Но когда я сказал об этом Хемингуэю, сидя напротив него в заваленном книгами и бумагами кабинете, он попросту испугался.

— Написать восемь страниц о самом себе? — сказал он.— Я могу написать рассказ, если он есть у меня в голове, а это... Нет, это было бы похоже на... знаете, разную галиматью, где в каждой строчке: «я, я, я»...

Но он все же согласился внимательно просмотреть фотографии и после некоторого размышления сказал:

— Ступайте вниз, в плавательный бассейн, подождите меня там, можете выпить, если желаете... Я хочу подумать, в состоянии ли я написать что-либо честно о самом себе.

Через час он явился, и вид у него был более веселый.

— Знаете, я, пожалуй, смогу! — воскликнул он.— Я, кажется, в ударе... Вообще-то я нисколько не верю в так называемые тайны писательского дела. Либо ты в ударе, либо

— Что, Гриша, часто нашу молодость вспоминаешь? Я, признаюсь, часто. Даже вон племянницу замучил.

— Так ведь что вспоминать, работать надо.

— Это верно,— соглашается Федоров,— это ты верно подметил. Но я люблю нашу молодость. Дорожу, как говорится. Ну, Гриша, повидаться бы нам хорошо. Я с племянницей здесь.

— Я тут ни при чем,— сердито шепчет Таня.

— Так ты звони. Звони,— говорит Каштанов.— Позвони мне, знаешь, когда? Сейчас посмотрю, подожди минутку.

— Жду, жду.

— Минуту. Позвони-ка ты мне в среду. Да, в среду. И мы условимся, когда встретиться.

— А я завтра уезжаю,— говорит Федоров.

— Будущая неделя у меня вся занятая, понимаешь,— продолжает, как будто не слыша, Каштанов.— Понедельник, вторник, среда...

— Так как же?

— Вот именно,— шутит Каштанов,— значит, в среду и договоримся. А ты звони, звони, не стесняйся. Сегодня не дозвонился, завтра звони. Понастойчивей, понастойчивей.

— Ну, будь здоров! — Федоров вешает трубку.— Как был дураком, так дураком и остался,— спокойно говорит он Тане, выходит из телефонной будки и останавливается, чтобы закурить.

— То есть как?

— А вот так.

— Что он тебе такого сказал?

— В том-то и дело, что ничего не сказал.

— А почему ты рассердился?

— Кто? Я? Где я рассердился?

— Нигде.

— Видишь ли, я никогда не был высокого мнения о Каштанове, но, конечно, я надеялся, что, может быть, за эти годы он стал человеком...

— Дядя,— восклицает Таня,— имей совесть! Ты целый день расхваливал этого Каштанова. Имей совесть!

— Ты глупа, и больше ничего. Разве я его хвалил? Я нашу молодость вспоминал, дурочка. И всех своих товарищей я хвалил. И буду и впредь.

— Тэк-с,— говорит Таня.

— Ты Сергея моего видела?

— Видела.

— Плохой?

— Хороший.

— А Егоров?

— Егорова я очень люблю. Я не спорю.

— То-то! А с Каштановым я и раньше никогда не дружил. Но не надо обобщать. Я очень не люблю, когда обобщают.

— Кто это, интересно, обобщает?

— Если один человек плох, то это не значит, что и другие такие. Жаль, целый день потеряли. И зачем нам нужен был Каштанов, спрашивается?

— Нам! — возмущается Таня.— Мне он совершенно не нужен. И давай отойдем от автомата, а то на нас люди смотрят.

Федоров послушно делает несколько шагов, но опять останавливается.

— Танечка, ты на меня не сердишься? — виновато говорит он.

— За что?

— Целый день сегодня потеряли. Обидно.

— Чепуха!

— Но я тоже не виноват. Откуда я мог знать? А ты знаешь мой железный принцип — я в человека верю. Я и тебя так учу. Если ошибся в человеке,— жаль. Но исключение только подтверждает правило. А мы можем еще успеть в кино, как ты думаешь?

— Конечно. Тем более, что в десять часов меня будут ждать около кино. Один знакомый.

— Что?

— Ничего. Идем. Только скорее,— весело отвечает Таня и берет Федорова за руку.

Но Федоров продолжает стоять на месте.

— А почему ты раньше не сказала, что тебя ждут? Я не пойду.

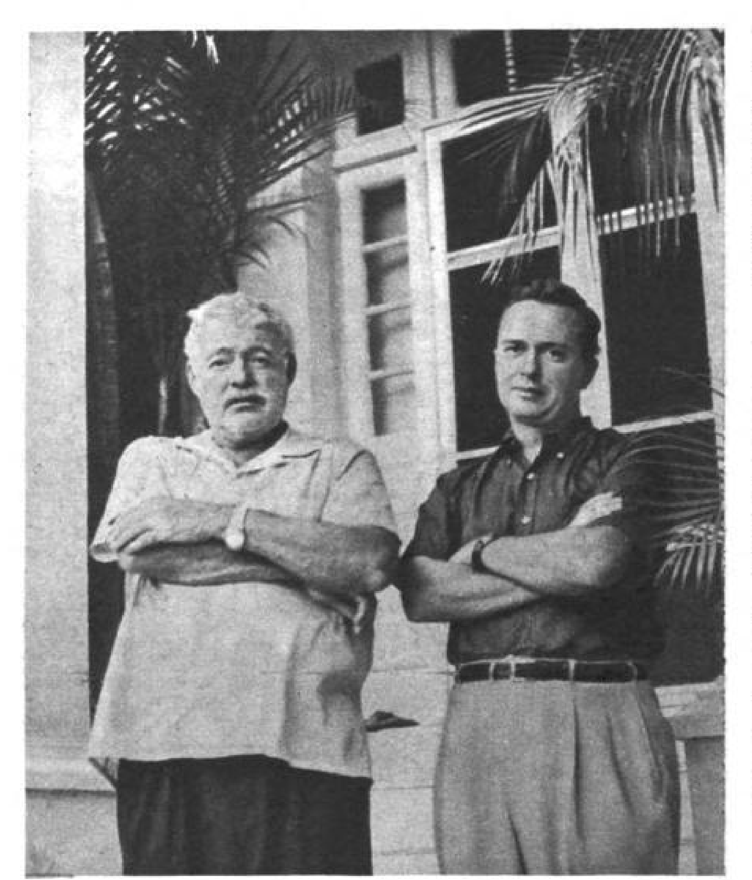
— Не сказала,— смеется Таня.— Мы же к Каштанову в гости собирались, ты забыл.

— Не пойду. Я не хочу вам мешать. Зачем я буду вам мешать?

— Но мне надо тебя с ним познакомить. Как ты не понимаешь! Ты пойми. Это очень важно.

— Ах, вот как, ах, вот как! — растерянно и ласково повторяет Федоров.— Тогда идем. Тогда мы идем. Одну минуточку.— И дядя поправляет свой вязаный галстук, одергивает пиджак и причесывает мягкие пегие волосы.— Идем. Если твой парень мне понравится, я скажу тебе прямо, но если не понравится...

— Он тебе понравится,— говорит Таня.



Эрнест Хемингуэй и Уильям Этвуд.

нет! Однажды в Мадриде, во время гражданской войны, я оказался в ударе — и вот, написал «Убийц» и еще два рассказа за один день... Я думаю, что напишу что-нибудь и для вас...

Он разделся, и мы вместе поплыли по окружности бассейна. Бассейн был скрыт за деревьями, и нам не пришлось надевать купальные костюмы. Хемингуэй — крепко сбитый, мускулистый мужчина, но тело его покрыто шрамами — от ран на войне и от многочисленных аварий во время путешествий. Он признался, что плавает сейчас далеко не так легко, как в молодости.

Хемингуэй рассказал, что кончил три книги, которые оставит своей жене Мэри для издания после его смерти — «вместо страхового полиса», как он выразился. Кроме того, работает над тем, что он называет «длинной книгой»; готово уже больше тысячи страниц рукописи. Писать он начинает рано — «как только забрезжит рассвет» — и кончает к полудню. Из-за ранений в спине, полученных во время катастрофы самолета в Африке, ему трудно долго сидеть в кресле. Поэтому он поставил пишущую машинку на полку книжного шкафа и работает стоя.

Я спросил его, почему он выбрал Кубу местом для жилья.

— Это рыбная ловля привела меня сюда уже с давних пор. Потом я купил участок, и вот теперь здесь мой дом.

Он считает, что с Кубы легко сноситься с Соединенными Штатами, да и друзьям не стоит большого труда бывать у него: до Флориды один час лёта, до Нью-Йорка — пять. И в то же время здесь легче укрываться от всяких любознательных иностранцев. Американские туристы, приезжая на Кубу, обязательно заглядывают к нему — пожать руку, щелкнуть фотоаппаратом. Отвадить их бывает нелегко, да и неловко, разве только если он очень уж занят.

Выкупавшись, мы вернулись в дом — удобный, немного старомодного типа, полный книг, мягких кресел и охотничьих трофеев. Любимый трофей Хемингуэя — чучело большого льва, застреленного Мэри в Африке. А любимое кресло стоит возле переносного шкафчика, откуда он достает себе виски или минеральную воду, когда дневная работа кончена. Любимые книги Хемингуэя? Трудно их назвать. Судя по внешнему виду библиотеки, он все книги перечитал по многу раз.

Чтобы отпраздновать окончание работы для журнала «Лук», Хемингуэй предложил отправиться вечером в ресторан «Флоридита» в Гаване. Мы поехали туда в его открытом «шевроле». Каждый раз, когда мы останавливались у светофора, кто-нибудь окликал его с тротуара: «Папа!» Под этой кличкой он известен здесь всем. В округе у него много близких друзей.

Впрочем, у него немало друзей во всем мире. Как много людей во всех странах «дружат» с ним, читая его книги, словно знакомы с ним лично!

Когда он входил в ресторан, его приветствовала уже целая толпа. Все наперебой старались пожать ему руку: и швейцар, и официанты, и бармен, и музыканты оркестра — и все они называли его «папа». В углу сидели двое американцев, муж и жена, они смотрели на Хемингуэя, вытаращив глаза: на нем была мятая домашняя одежда, волосы растрепались от ветра. Официанты выглядели много элегантнее его. Американка наконец узнала Хемингуэя.

— О,— воскликнула она,— мне так хотелось увидеть его! Давай подойдем, поздороваемся с ним!

И так было весь вечер. С Хемингуэем никто не чувствовал себя чужим. Люди любят его, и он любит людей. Его жена говорит, что тяга к общению с людьми сильно мешает ему работать. Но ведь именно это и сделало его большим писателем.

Скучно в Казалинске

Редакция журнала получила письмо от читательницы из города Казалинска, Кзыл-Ординской области, Казахской ССР. Она рассказывала о случаях аморального поведения среди казалинской молодежи и с большой взволнованностью говорила о необходимости активной борьбы с этим злом.

Корреспондент «Огонька» побывал в Казалинске.

Игорь КОБЗЕВ

Фото Галины Санько.

Хулиганы и пьяницы перед судом

Осенним вечером курсант технической школы комсомолец Иван Деревянкин, провожая из клуба свою знакомую девушку Нину Степанцеву, решил по дороге забежать в вокзальный ресторан купить папирос. И это решение оказалось для него роковым.

Не успел Иван отворить дверь, как она вдруг сама с треском распахнулась ему навстречу, и вместе с табачным угаром, криками, звоном посуды из ресторана вывалилась веселая компания — трое молодых людей.

— Идея! — неожиданно крикнул один из них, уставившись мутным взглядом на Деревянкина, и потребовал: — Слушай, друг, угости нас. Недобрали малость.

— Это в честь чего же? — удивился Иван. — Я вас совсем не знаю.

— Потом узнаешь, — угрожающе пробасил автор «идеи». — Гони монету!

— Отстаньте. Нашли миллионера! — отмахнулся Деревянкин, которому становилось неприятно, что в присутствии девушки разыгрывается такая глупая сцена.

Но хулиган не унимался:

— А, ты не хочешь?! Бей его, ребята!..

Когда перепуганная Нина Степанцева привела милиционера, она увидела, что лицо у Ивана все залито кровью. Куртка и рубашка на нем были разорваны.

Работникам линейной милиции вскоре удалось задержать хулиганов.

Кто же они, эти молодые люди, опустившиеся до такого звероподобного состояния?

Тот, которому пришла «идея», — Владимир Василевский, восемнадцатилетний парень, слесарь депо, недавний выпускник казалинского железнодорожного училища № 3. Еще в стенах училища не раз показывал он свое «ухарство».

При училище есть замечательный клуб, красный уголок, духовой оркестр, кинозал, разные кружки. Сверстники Владимира находили для себя много интересных занятий. А он нет! Слишком рано пристрастился к вину и все старался изобразить из себя этакого бывалого прожигателя жизни.

Денег, слава богу, ему хватало: «заботливая» мама, заведующая детскими яслями, безотказно снабжала деньгами сына. А потом и сам стал зарабатывать неплохо.

На выпускном вечере напившийся Василевский ударил своего товарища бутылкой по голове. Но когда сообщили об этом матери, та и слушать не захотела:

— Не может быть. Мой Вова хороший...

Пьяный, он опрокинул в вокзальном медпункте шкаф, побил посуду. И тут мать пришла ему на помощь, уплатив штраф, слезно упрашивая простить сына.

Соучастником Василевского оказался двадцатилетний помощник машиниста, комсомолец Николай Шиндяев. Этот пить учился у родного отца.

Третий — девятнадцатилетний бездельник Борис Матвеев. Он имеет среднее образование, недавно окончил железнодорожную школу, но поступать куда-либо на работу не желает: живет за счет родителей. Как ни грустно, он тоже носит в кармане комсомольский билет...

Все трое, едва встав со школьной скамьи, сразу же попали на скамью подсудимых. Едва вступив на жизненный путь, они уже поскользнулись. Не радость, не первые заработанные деньги, не трудовую славу принесли они своей семье, старикам-родителям, а позор и горе.

«Этого у нас не было...»

Поступок трех хулиганов в Казалинске не единственный случай в ряду подобных. В железнодорожном клубе редкий вечер обходится без дебошей.

То прибежит в кабинет директора с жалобой пострадавший контролер; то введут окровавленного буяна...

А однажды вбежала в кабинет директора плачущая молодая женщина. Следом ввели шатающегося взъерошенного парня. Это слесарь Анатолий Марущак. Оказывается, этот еле стоящий на ногах «кавалер» пытался пригласить на танец молодую учительницу. А получив отказ, «обиделся» и ударил ее по лицу.

— За что вы ударили девушку? — спрашивает директор клуба.

— А чего она зазнается! — заплетающимся языком объясняет тот.

Директор тут же звонит в милицию, составляется протокол, и дело поступает к прокурору.

Утром прокурор тов. Борянов вызывает виновника к себе на допрос. Но тут уже перед ним сидит не распоясавшийся буян и пьяница, а очень тихий, до смерти перепуганный и как будто бы даже на вид неплохой парень...

А вслед за ним появляются в кабинете совершенно убитые горем родители Анатолия. И мать — старая женщина с больным сердцем, — захлебываясь слезами, умоляет простить сына, говорит, что, если сына осудят, она этого не переживет...

Опытный прокурор становится в тупик.

— Не знаю, что и делать. И случай-то очень дерзкий, и парня жаль. Предупреждать както надо такие вещи.

В этих словах много правды. Не хватает активности комсомольской организации железнодорожного узла.

Секретарь комитета комсомола Анатолий Стегачев производит впечатление очень добросовестного, скромного и делового человека. Однако, увлеченный подготовкой отчетного доклада, он даже не нашел времени ознакомиться с возмутительным случаем...

В отчетном докладе перечисляется целый ряд больших и интересных дел, которые совершила за истекший год организация. Тут и борьба за производственные успехи, тут и вечера, собрания, посвященные великим стройкам, тут и политучеба, и воскресники по озеленению поселка...

— Ну, а чем же все-таки объяснить, что у молодежи такое пристрастие к вину?

Секретарь пожимает плечами:

— У нас на транспорте многие машинисты, помощники, слесари зарабатывают очень хорошо, по полторы — две тысячи. А деньги тратить не умеют: молодые. Бывает, выпивают лишку...

— А вы не пробовали завести среди молодежи разговор на тему: кто как тратит деньги? Наверно, было бы полезно обменяться опытом...

— Этого у нас не было...

Где же энтузиасты!

Прямо от вокзала ведет к клубу ровная густая аллея, обозначенная по вечерам гирляндами электрических лампочек. Перед клубом раскинулся парк с фонтанами, беседками и танцплощадкой.

Белые с восточными зубцами стены загорожены многочисленными пристройками, среди которых обширный спортивный зал, комната библиотеки партийного просвещения...

Директора клуба Василия Ивановича Дурченкова застал я в кругу молодежи. Он с увлечением рассказывал о своей поездке в Москву на курсы культработников.

— Пошел я в магазин купить ноты для клуба... А вы же знаете, какой я музыкант: «до» от «ре» отличить не могу, хоть убейте... Продавщица подает мне ноты и спрашивает: «Это вам подойдет?» Вижу, картинка красивая на обложке, говорю: «Подойдет»...

Ребята хохочут...

Василий Иванович директором клуба стал недавно, всего несколько месяцев тому назад. По образованию он электрик. Долго служил на флоте, а последнее время работал мастером на электростанции. Однако чувствуется, что, несмотря на отсутствие опыта, за новое дело взялся с огоньком...

Комната для занятий музыкального кружка ослепляет развешенными вдоль стен никелированными трубами, похожими на начищенные самовары. Тут же висят многочисленные грамоты, присужденные за тридцать два года работы в клубе руководителю кружка Георгию Иосифовичу Прассу. А сам он, сухощавый старичок в поношенном черном костюме, старательно выписывает на доске ноты... Сидящие вокруг ребята внимательно смотрят на него.

— Многие мои ученики стали большими людьми, — рассказывает Г. И. Прасс. — Среди них есть музыканты-солисты, есть руководители кружков самодеятельности, но не только музыканты — врачи, машинисты и другие хорошие работники. А теперь опять вожусь с новичками...

Георгий Иосифович по-стариковски щурится:

— Пусть не каждый мой ученик станет великим музыкантом. Я понимаю: не каждый может быть хорошим музыкантом, но каждый должен быть хорошим человеком. А музыка мешает быть плохим...

— Замечательный руководитель, — шепчет директор клуба. — Энтузиаст, каких мало!

Таких энтузиастов действительно мало.

Василий Иванович рассказывает, что многие дети железнодорожников Казалинского узла неоднократно высказывали пожелания организовать при клубе технические кружки. Ребят интересует устройство тепловоза, сигнализация на транспорте, авиамодельное дело... Однако «из-за отсутствия оплачиваемой единицы» не удается найти руководителя.

— Я удивляюсь, — с искренним возмущением говорит Василий Иванович, — какие все стали материалисты: шаг шагнет человек и ищет, кто за это заплатит. Ни один инженер не возьмется вести технический кружок. Раньше ком-

Да, придется держать ответ...

Георгий Иосифович Прасс со своими учениками.

сомольцы-энтузиасты не такие дела делали, а теперь где же эти энтузиасты?

У дверей клуба, где висит афиша и толкается со скучающим видом молодежь, часто можно слышать восклицания:

— Ну, вот, вчера были танцы и кино, а сегодня — кино и танцы!

Обычно до начала первого сеанса под сводами просторного клуба стоит глухая тишина. Лишь робко проскальзывают одинокие читатели в библиотеку.

В восемь часов вечера, когда начинаются так называемые «мероприятия», библиотека прекращает выдачу книг.

Есть в Казалинске и свои любители стихов, и свои молодые поэты, и свои писатели. Только негде собраться людям.

Когда же изредка все-таки проводятся в клубе литературные вечера, они собирают массу народа и бывают очень интересными.

Однажды по окрестным аулам поползла поповская легенда о том, что будто бы из Сыр-Дарьи вышел седобородый старец и предсказал приближение конца света. Тогда в клубе был организован вечер на тему «Существуют ли видения и вещие сны». И прошел этот вечер очень успешно.

Но почему так редко — не чаще чем два — три раза в год — проводятся в клубе подобные интересные вечера?

— А финансовый план! — взмолился директор клуба. — Вы думаете, я против таких вечеров? Каждую бы неделю устраивали. Но как же быть: один молодежный вечер — и две тысячи рублей долой! А мне только по кино надо выполнить план на четыреста тысяч! Меня же облкинопрокат разорит. Ведь клуб — коммерческое предприятие...

Это касается всех

Один пожилой машинист сказал мне так:

— Где у нас на станции могут сойтись и потолковать люди, имеющие общие интересы? Либо у себя дома, либо в вокзальном ресторане...

— А почему же не в клубе?

— Неуютно там и чересчур все официально.

В депо есть несколько изобретателей и рационализаторов, влюбленных в технику. Есть любители-охотники. Есть люди, увлекающиеся международными вопросами. Но нет ни в клубе, ни при одном из учреждений узла такого гостеприимного места, где можно было бы, например, за чашкой чая («Обошлись бы, пожалуй, и без вина!») встретиться, поговорить, поспорить, что-то предпринять ради общего дела.

Случилось как-то, принес старый железнодорожник Михаил Григорьевич Красноперов в клуб пачку пожелтевших фотокарточек. Подсели к нему товарищи по работе, принялись разбирать снимки. И такая вдруг задушевная завязалась беседа, столько перемен и открытий обнаружилось в жизни, что иные чуть ли не до слез растрогались.

— Гляди-ка, Михаил Григорьевич, вот мы с тобой в революцию — на паровозе с флагами... Ты-то какой молодой!

— А вот интересная фотография: рабочий митинг на станции. Смотрите, одеты все как-то посмешному.

— Неужели это мы такими были? И станцию совсем не узнать: лачуги какие-то стояли...

И пошли бойцы вспоминать минувшие дни, революцию, первые воскресники, постройку клуба, борьбу с набегами бурной Сыр-Дарьи, первые спектакли на клубной сцене, тревожные годы войны и многое другое...

Думается, если бы послушала эту беседу здешняя молодежь, то открылось бы ей гораздо больше, чем от многих тщательно подготовленных по одному шаблону, скучных докладов...

Кое-кто из направленных в Казалинск на работу молодых специалистов рассуждает по-обывательски:

— Маловато здесь культуры. Вот отработаю положенные три года и уеду...

И уезжают. Отправляются «искать культуру» в Алма-Ату, Ташкент, Харьков, Ленинград, забыв о том, что именно их — молодых инженеров, учителей, врачей — и прислали сюда для того, чтобы строить здесь новую культуру.

Однако отчасти их неудовлетворенность можно понять. Порой слишком мало внимания уделяется у нас таким отдаленным местам, как Казалинск, обозначенным на карте крохотными кружочками. Очень редко заглядывают сюда лекторы, журналисты, настоящие мастера искусств. Борьба за культуру — это долгий и трудный процесс. И должен он твориться не только силами каких-то специальных организаций, — в этой борьбе должен участвовать каждый. Это касается всех.

Выступает Академический Мужской хор ЭССР под управлением Густава Эрнесакса.

Фото С. Розенфельда.

ПЕВЦЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

В Эстонии любят петь, любят и ценят хорошее пение. Вот почему такой популярностью пользуется здесь Государственный Академический Мужской хор ЭССР под управлением Густава Эрнесакса. Сейчас, в дни Декады эстонского искусства и литературы, хор выступает в Москве.

За что любят в Эстонии хор Эрнесакса? Не только за совершенное, академическое мастерство, но и за то, что этот коллектив широко, щедро одаривает народ песней. Талантливый композитор, автор нескольких опер и многих песен, профессор, народный артист республики, Эрнесакс самой важной и серьезной своей жизненной задачей считает повышение хоровой песенной культуры. Бывали у хора такие случаи, когда по дороге в город, на гастроли, заметив группу колхозников на поле, певцы выходили из автобусов и вне всякой программы и уж, конечно, бесплатно устраивали тут же концерт. Хор выступал на заводе «Вольта» и у шахтеров сланцевых рудников, на маленьких островках у рыбаков и у студентов Тартуского университета.

— На меня как на композитора и руководителя хора самое плодотворное действие оказывает дружба с участниками самодеятельности, — рассказывает Густав Эрнесакс.

Почти все восемьдесят певцов хора вышли из самодеятельных коллективов. Теперь все они или учатся в консерватории, или уже окончили ее. В репертуаре хора около четырехсот произведений эстонской, русской и западной классики, песни современных советских и зарубежных композиторов. Хор побывал во всех концах Эстонии, выступал во многих республиках и городах нашей страны. За двенадцать лет существования Академический Мужской хор дал более 1 500 концертов.

Несколько лет назад у прославленных певцов появились достойные соперники. Они соревнуются и в мастерстве исполнения, и в выборе репертуара, и в тесной связи со слушателями. Только в одном соперничество невозможно — в возрасте: новые певцы — пионеры. И хор их называется Хор таллинского Дома пионеров.

Вот они выстроились на большой концертной эстраде. Пылают лица, пылают красные галстуки на пионерских блузах. Внизу затих в ожидании полный до отказа зрительный зал. Хорошо петь для тех, кто любит пение! И сто юных певцов поют смело, звонко. «Летите, голуби» Дунаевского, «На горе Мунамяги» Хермана, «Колыбельная» Моцарта — эти нелегкие для детских хоров произведения таллинским пионерам удаются отлично. А потом в зале звучит хрустальный голосок Марью Тарре — она солирует в хоре из оперы «Вильгельм Телль» Россини. Слушатели аплодируют, певцы довольны, но больше всех, пожалуй, доволен молодой дирижер Хейно Кальюстэ. Он был студентом второго курса консерватории, когда преподаватели рекомендовали его в руководители Хора Дома пионеров. Окончив консерваторию, Хейно Кальюстэ не расстался со своим коллективом. Правда, состав певцов хора меняется, но тут уж ничего не поделаешь: все люди расстаются, к сожалению, со своим пионерским возрастом. А по словам Хейно Кальюстэ, эта «текучесть» только идет на пользу делу: с каждым годом увеличивается число ребят, научившихся основам хорового пения.

За пять лет со дня своего рождения хор разучил девяносто песен и дал больше ста самостоятельных концертов. Таллинские пионеры выступали во всех городах Эстонии, ездили на гастроли в Ленинград и Ригу.

А минувшим летом все певцы хора получили путевки в пионерский лагерь, что стоит в сосновом лесу на берегу бухты. Там они отдыхали и готовились к участию в концертах Декады эстонского искусства и литературы в Москве.

Н. ХРАБРОВА

На концерте Хора таллинского Дома пионеров. Дирижирует Хейно Кальюстэ.

Писатели и книги

Сокровища Синего Шихана

В желто-серых степных буграх Южного Урала людскому глазу блеснуло золото. И сразу же сплелись, запутались в пестрый клубок острейшие противоречия предреволюционной русской жизни 1910—1911 годов.

Автор романа «Синий Шихан» Павел Федоров написал очень колоритную книгу. Перед читателем то расстелется картина традиционного казачьего молебна от холеры — нарядные бабы и девки, впряженные в плуг, готовые пропахать священную борозду; то ворвется бурная, стремительная байга — казахские скачки. И все это броско, живописно, словно не пером, а кистью набрасывал художник свои пейзажи, портреты, сцены.

Красочность материала не увела автора в простое бытописательство. В книге решается главный вопрос времени: кто подлинный хозяин жизни?

В среде «деньги и власть имущих» царит внешнее благополучие. Но это лишь видимость. На самом деле все здесь шатко, неустойчиво, все колеблется. Не успел купец Буянов протянуть руки к золотишку, как золото уже перехватили темные, безграмотные, ошалевшие от негаданного богатства казаки Степановы. И пока они тешатся самоварами да лаковыми сапогами, агент иностранной компании инженер Шпак прибирает к рукам небывалые запасы золота, не подозревая еще, что сам он вместе со своим хозяином Хевурдом скоро будет проглочен более крупным хищником, Авдеем Доменовым.

Так же, как богатство, призрачно и личное счастье в этом продажном мире. Как ни любил Митька Степанов казацкую вдову Олимпиаду, пришлось перед самым венцом отказаться от любушки: окрутил его Доменов со своей дочерью Марфой. А расчетливая барынька Печенегова, хоть и тянет ее к красавцу-казаху Кодару, должна выдерживать нестерпимые отношения с мужем и опостылевшую связь с Ивашкой Степановым. Нет, эти люди не хозяева — жалкие рабы «желтого дьявола».

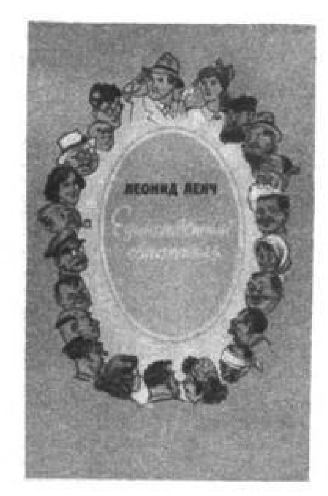
Свободой и счастьем — лучшими сокровищами Синего Шихана — владеют простые люди: Марина, Микешка, Даша, Кодар. На их стороне огромное моральное преимущество. И как ни трудно складываются их судьбы, веришь, что такие люди — будущие хозяева земли.

А борьба за будущее уже идет. Федоров показывает, как рождается революционный протест в среде приисковых рабочих. Забастовка — только первая вспышка занимающегося пожара. Подъем недалек — его готовят простые труженики революции, такие, как большевик Василий Кондрашов, выведенный в романе. Жаль только, что этот образ не вполне удался писателю. Хочется, чтобы автор продолжил работу над ним и одновременно освободился от некоторой традиционности в фигуре управляющего золотопромышленной компанией англичанина Хевурда.

Хорошая книга может стать еще лучше.

М. ГРИНЕВА

Павел Федоров. Синий Шихан. Роман. Изд-во «Молодая гвардия», 1955. 376 стр.



Юмор Леонида Ленча

Леонид Ленч давно зарекомендовал себя в нашей литературе как мастер короткого юмористического рассказа. Его произведения, печатающиеся в журналах и исполняемые на эстраде, завоевали большую популярность. Их широко использует наша художественная самодеятельность. Они регулярно перепечатываются сатирическими и юмористическими журналами стран народной демократии и выходят там отдельными книгами.

За последние годы в наших издательствах вышло несколько сборников рассказов Леонида Ленча, но они быстро разошлись. Поэтому вполне своевременным является выпуск этих рассказов массовым тиражом.

Произведения, включенные в рецензируемый сборник, разнообразны по характеру. Здесь и веселые, шуточные рассказы о хороших советских людях, попадающих в забавные и смешные положения («В пиджаке», «Неразборчивый почерк»), и пронизанные иронией рассказы о работниках, страдающих теми или иными недостатками («Исповедь», «Бал удался»), и острые сатирические рассказы о явно отрицательных типах («Дружок», «Единственный свидетель», «Дорогие гости», «Накачка»).

Сочетание в рассказах Л. Ленча добродушного юмора, тонкой иронии и язвительного смеха придают его сборнику живость и своеобразие.

В сборнике дана целая галерея отрицательных типов и характеров: бюрократов и подхалимов, взяточников и казнокрадов, халтурщиков и шарлатанов, мещан, ханжей и самовлюбленных невежд. Автор ополчается против суеверий и предрассудков, против всех видов черствости и равнодушия, косности и грубости.

Его очистительная сатирическая работа имеет свое общественное значение и заслуживает положительной оценки.

Рассказы Л. Ленча подкупают тем, что в них, за редкими исключениями, нет назидательности и нравоучительности — этих весьма назойливых и коварных особ, вечно подстерегающих сатириков и юмористов. Несмотря на свою кратность, произведения Л. Ленча не кажутся беглыми и схематичными. В пределах небольшого рассказа Л. Ленч умеет и развернуть сюжет, и убедительно охарактеризовать своих основных героев, и дать описание бытовой обстановки, и нарисовать пейзаж.

Встречаются в сборнике произведения неполноценные, есть и слабые.

Следует отметить, что сборник удачно оформлен и проиллюстрирован художником Бор. Ефимовым.

Сергей ШВЕЦОВ

Леонид Ленч. Единственный свидетель. Юмористические рассказы. Гослитиздат. Москва. 1956. 240 стр.

Письмо Николая Островского

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР находится не публиковавшееся до настоящего времени письмо Николая Островского к известной революционерке Вере Фигнер, которая была членом исполкома революционной организации «Народная воля».

В архиве Веры Фигнер сохранилась копия ее ответа на письмо Н. Островского. Публикуем оба письма.

Н. Островский — к В. Фигнер.

9 декабря 1933 г. Севкавкрай, г. Сочи.

Ореховая ул., д. № 47.

Дорогая Вера Николаевна,

Хочу лишь одного, чтобы мое письмо передало хотя бы частичку того глубокого чувства уважения и гордости за Веру Фигнер, переживаемого мной сейчас, когда мне читают Ваши книги.

Вам, наверное, много пишут, и мое письмо может затеряться в Вашей памяти. Я его пишу как привет.

Обо мне Вам расскажет товарищ Анисимов.

Мне 29 лет.

В прошлом я — кочегар.

Не окончил начальную школу.

Стал наемным рабочим с двенадцати лет.

Пятнадцати лет вступил в комсомол и в Революционную армию.

Два года боев.

Два тяжелых ранения, потеря глаза, тяжелая контузия.

Затем, опять мастерские, работа в комсомоле.

С двадцать восьмого года я парализован, неподвижен, потерял последний глаз.

Пять лет напряженной работы и, как результат, две книги о былом, о нашей мятежной юности.

Я — один из Молодой гвардии большевиков.

Железная партия воспитала нас.

Мы — рожденные бурей.

Вот почему так волнует, так понятна «Верочка Фигнер», ее незабываемое «хочу дериться!» *.

Примите же этот горячий привет от одного из Ваших «партийных внучат».

Залитое кровью бойцов знамя «Народной воли» — наше знамя.

Сжимаю Ваши руки.

Н. Островский.

В. Фигнер — к Н. Островскому.

16.XII.33 г.
Москва, 34.
Барыковский, 9, 38.

Милый, незнакомый друг Н. Островский!

Сейчас мне передали Ваше письмо от 9.XII. Благодарю Вас, что не подавили в себе первого порыва написать мне и прислали несколько прочувствованных строк.

Когда я писала три первые тома моих книг, я смотрела на свой труд как на общественное дело, потому-то произведение и вышло хорошо.

Дружески обнимаю Вас

Вера Фигнер.

* В воспоминаниях Веры Фигнер «Запечатленный труд» читаем:

«...я была живой, способной девочкой, вострушкой, шалуньей и драчуньей, часто обижавшей ближайших по возрасту брата и сестру. Когда я вступала в отчаянную битву, меня оттаскивали и говорили: «Не дерись!» — «Хочу дериться!» — кричала я и в гневе «каталась по полу», как выражалась няня...»

«Мудрость чудака»

С интересом встретил советский читатель роман Л. Фейхтвангера «Мудрость чудака», воссоздавший образ одного из крупнейших просветителей Франции — Жан Жака Руссо (1712—1778) и бурные события Великой французской революции. Действие романа развертывается в конце XVIII века, сперва в селении и замке Эрменонвиль, а затем в клокочущем, охваченном бурными страстями революционном Париже. В романе выведены подлинные исторические лица.

Портрет Руссо нарисован автором с уважением и любовью. Властитель дум передовых людей своего времени, «величайший — после Монтеня и Декарта — мыслитель, которого дал миру говорящий на французском языке народ», изображен на склоне лет, в последние годы жизни. Правдиво показан противоречивый, своеобразный облик этого самого плебейского из французских просветителей: его бескорыстие, любовь к природе, простым людям, истине, свободе, ненависть к деспотизму, его склонность к уединению, причуды и странности, его одиночество и разлад с окружающей официальной жизнью и своими философскими собратьями, его неудачная семейная жизнь.

Впрочем, нам кажется, что в романе излишне много внимания уделено перипетиям частной жизни Руссо, истории супружеских измен жены философа Терезы Левассер, которую автор, до предела сгущая краски, показывает как ограниченное и аморальное существо. Великий философ, поглощенный созерцанием природы, не замечает, что он окружен низкими, мелкими и жестокими людьми. Это любовник Терезы конюх Николас, ее мать с сыном, сержантом Франсуа Рену. Охваченные алчностью и жаждой стяжательства, эти люди стремятся извлечь барыши из великих творений философа. Их жертвой и пал в конце концов Руссо, убитый Николасом с молчаливого согласия остальных сообщников.

Таким образом, автор вводит в роман исторически сомнительную версию насильственной смерти Руссо. Но писатель правильно показал Руссо жертвой прогнившего мира. Революционный драматург и поэт Мари Жозеф Шенье, современник Руссо, справедливо назвал его «самым несчастным из всех великих людей, потому что он был самым чувствительным из них».

В следующих частях книги показано влияние идей «великого женевца» на ход исторического развития Франции и Европы, выдающаяся роль Руссо как духовного отца французской революции. С глубоким проникновением в дух эпохи развертывает писатель широкую панораму революционного движения конца XVIII века. В колоритных деталях передает он напряженное биение пульса того бурного времени. Идеи и чувства Руссо глубоко чужды как аристократии, так и буржуазии. Для аристократов учение Руссо — лишь временное модное увлечение, а дельцы типа Робинэ выступают против предоставления прав неграм и колониальным народам, горячим защитником которых был Руссо. Принципы Руссо попраны и в молодой заокеанской республике, недавно завоевавшей независимость. Подлинным наследником Руссо является трудовой народ. В романе подчеркнута революционная сторона руссоизма, демократизм философа, утверждавшего, что «демократия не строится путем указов».

Носителями революционного руссоизма выступают в романе и простолюдин Мартин Катру, и молодой Жирарден, и Робеспьер с Сен-Жюстом, и Лепелетье, и множество других революционеров. Якобинцы истолковывают учение Руссо, исходя из суровых требований своих задач.

Чрезвычайно сложная картина ожесточенной политической борьбы передана в романе несколько упрощенно. Преувеличена роль Робеспьера и Сен-Жюста. А между тем революционная Франция XVIII века знала деятелей более последовательных в защите интересов народа. Даже не упомянуты Марат, левые

якобинцы и «бешеные», а без них немыслимо объективное представление о французской революции 1789—1794 годов. Слабо показана в романе великая историческая трагедия народа, вынесшего на себе всю тяжесть борьбы и не получившего подлинной свободы.

Роман заканчивается апофеозом Руссо, торжественным перенесением его праха из эрменонвильской могилы в Пантеон.

Светлый образ Ж. Ж. Руссо в новом романе Л. Фейхтвангера обращен в будущее, к грядущим поколениям, его идеи перекликаются с борьбой современного человечества за мир и счастье.

Ю. БОЖОР

Лион Фейхтвангер. Мудрость чудака. Роман. Издательство иностранной литературы. Москва. 1956. 446 стр.

БОЛГАРСКИЕ встречи

В. СОЛОУХИН **Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.**

Специальные корреспонденты «Огонька».

Сухая, поистине золотая осень стояла в Болгарии. Она тронула желтизной яблоневые сады Кюстендильской котловины, прижгла листву на обильных виноградниках Фракийской низменности, увешала гирляндами из огненно-красного перца аккуратные крестьянские домики.

— Нет лучшего времени для поездки по стране,— убежденно говорили нам болгарские друзья,— теперь самое время.

Болгарский поэт Ламар, седоволосый, седобровый мужчина, весь как бы отлитый из бронзы, потому что всю жизнь свою он ходит пешком по родной Болгарии, загорелся нашей поездкой.

— Дайте мне два дня, и я представлю вам такой маршрут, которого еще не совершил никто. Кроме, разве, меня самого.

И через два дня действительно он маршрут представил. Все болгары, которым мы показывали творение Ламара, покачивали головами и говорили:

— Ничего из этого не выйдет: то, что старый турист Ламар увидел за всю свою почти семидесятилетнюю жизнь, вы должны теперь посмотреть за две недели.

Но делать было нечего, и мы выехали из Софии, устремившись навстречу все более разливающейся осени, болгарской осени 1956 года.

Об увиденном и пережитом нами — эти то горные, то морские пейзажи, эти шумные ярмарочные города, это сердечное радушие, с каким всюду встречали нас,— можно написать целую книгу. Сегодня же мы хотим рассказать лишь о некоторых наших встречах с болгарами разных профессий, возрастов, судеб. Ведь из повседневных дел маленьких людей складывается день страны. Для Болгарии это светлый, мирный трудовой день.

Стамен строит домну

Болгар, живущих по деревням вокруг Софии, называют шопами. Это не племя, конечно, как не племя наши, например, поморы или рязанцы. Но так же, как у поморов и рязанцев, есть у шопов в характере черточки, которые выделяют их. Прежде всего говорят, будто шоп во всем сомневается. И если ему предлагают какую-нибудь перестройку, он дольше других будет скрести в затылке и прикидывать, что к чему. Но это не от осторожности: все скажут, что шопы — храбрые солдаты. Шоп сделает такой вид и так поведет себя в разговоре, что поначалу просто руками разведешь. Но, присмотревшись, можно заметить, как светится в глазах яркий огонек лукавства и смекалки.

Если же придется вам обедать в каком-либо болгарском ресторане, спросите салат по-шопски. Когда вы отправите в рот первую порцию, в затуманенных глазах ваших сразу встанет шоп в черной бараньей шапке. Он будет лукаво улыбаться, как бы спрашивая: ну, каков салатец? Только потом вы поймете, что в помидоры вам настругали самого лютого красного перца.

При всем том добродушном юморе, с которым воспринимались шопы болгарами-горожанами, был, наверное, когда-то и элементик превосходства в отношениях к ним. Ну, как у нас раньше к так называемым пошехонцам. И было несколько неожиданно для нас впервые познакомиться с шопами не за плугом и пастьбой овец, а на строительстве первой в Болгарии доменной печи.

Шоп, который предстал перед нами, был мужчина лет тридцати пяти, рыжие усики, нос с горбинкой, защитная кепка, сбитая на затылок.

— Вот это он и есть, Стамен Монасиев.

— Да, мы есть Стамен.—И мужчина с рыжими усиками по-хозяйски гостеприимно перевернул более чистой стороной валявшийся тут ящик.— Садитесь.

Интервью наше началось.

— Мы из села Побиткамень,— охотно отвечал Стамен.— До Югославии от нас чуть подальше, чем вон до прокатного цеха. Земля наша тонкая, а под ней песок, родится только рожь. А всего ее, земли-то, у отца четырнадцать декаров. На четырнадцать декаров восемь ртов. Многовато... И пошли мы, значит, работать на сторону.

Нужно понимать, что один Стамен тогда пошел, потому что шопы говорят о себе во множественном числе.

— Сколько же лет было вам?

— Да уж пятнадцать. Младшие мы в семье. Ну, на строительстве сначала известку таскал, кирпичи, доски. Год таскал, на второй взял в руки молоток. Госбанк в Софии кто строил? Мы. Телеграфную палату тоже мы. Концертный зал «Болгария» после бомбежки тоже мы восстанавливали. Только нашей работы не видно.

— Как так?

— А так. Положит каменщик кирпич, и лежит тот кирпич на месте. Через десять лет приходи его поглядеть, он все лежит. А мы опалубщики. Городим-городим, колотим-колотим, а потом зальют в нашу городьбу цемент. Сами же мы ее и ломаем, и остается работа каменщика, бетонщика, цементщика, а нашей совсем не видно.

— Но здания-то стоят, тот же Госбанк.

— А как же?! ТЭЦ вон стоит, дымит, это посерьезней всех госбанков с телеграфными палатами. На ТЭЦ мы впервые к индустрии приобщились.

— Все говорят, что ваша бригада очень дружно работает. И вот уж десять лет никто ее в Болгарии обогнать не может. От чего это зависит? От вас, бригадира, или, может, люди подобрались?

— Что ж, и люди. В сорок шестом году бригада наша образовалась. Она, конечно, то побольше станет, то уменьшится. Но ядро в ней постоянное и твердое.

— Кто же в этом ядре?

— А мы там, шопы. Три моих брата, зять, двоюродный брат, шурин да земляков человек пять. Теперь посудите, можно ли нас обогнать?

Пожалуй, это был тот редкий случай, когда семейственность со стороны бригадира пошла на пользу делу, а не во вред ему.

— А здесь, на комбинате, ваша бригада давно работает?

— Приехали мы сюда на грузовике, а вокруг не то что стены какой — забора и то не было. Вон там, где мартеновский цех дымится сейчас, один старик овец пас, поправее кустики были. Нашей бригаде поручили заложить первый камень.

Город Димитрово. Мартеновский цех металлургического завода имени Ленина. Бригада опалубщиков (слева направо): В. Николов, М. Стойчев, В. Стойчев, Г. Монасиев, Б. Стойменов, А. Монасиев и Герой Социалистического Труда Стамен Монасиев.

— Ну и как?

— Заложили, отчего не заложить: мы люди привычные. И вот сколько здесь зданий вокруг видите, на каждом из них наша бригада побывала. Сначала жилые дома, потом гараж, потом цехи: мартеновский, прокатный...—И тут Стамен неожиданно рассмеялся.

— Вы что?

— Да как же. Рассказываю отцу, что дом построил, который семнадцать декаров земли занимает, а отец не верит. Ведь у него все поле четырнадцать декаров. Приезжал смотреть. Шагами мерил. И так постепенно дошли мы до домны.— Стамен показал туда, куда смотреть нужно, придерживая шапку на затылке. Там, наверху, в причудливых переплетениях стальных конструкций виднелись уменьшенные расстоянием портреты Ленина и Димитрова.

Пока мы разговаривали, «железное ядро»: братья родные, да брат двоюродный, да зять, да шурин, да земляки,— все собрались вокруг. Видя, что беседа наша кончается, что мы уходим, члены бригады напали на своего бригадира:

— А ты почему молчишь о том, как Героя получил? Почему не рассказываешь, как в Москву ездил?

— Ах, вы и в Москве были! Расскажите: что ж вам больше всего понравилось?

И когда про себя я уже стал гадать, что же назовет он: Третьяковку, Кремль, университет,

Большой театр, сельскохозяйственную выставку, ГУМ, Садовое кольцо или, может быть, улицу Горького,— Стамен ответил:

— Больше всего мне в Москве понравилось крупноблочное строительство...

История одного подарка

Когда один из пловдивских журналистов узнал, что мы собираемся побывать в селе Первенце, он усмехнулся и сказал:

— Между прочим, обязательно спросите у председателя, какой он послал в прошлом году подарок в Советский Союз и что из этого вышло.

В кабинете председателя .сельскохозяйственного кооператива имени Георгия Димитрова было полно народу. Из Северной Болгарии, с Дуная, приехали делегаты из разных кооперативов посмотреть, поговорить с опытным и умелым руководителем, поучиться у него, а может быть, что-нибудь и подсказать. Разговор шел чисто деловой: сколько раз за лето опрыскиваются химикалиями виноградники, сколько винограду идет на экспорт, а сколько на переработку, как развивается в кооперативе животноводство, сколько парников, сколько торфяных горшочков...

Так что уж из этих разговоров нам стало ясно, что кооператив очень большой, выращивают здесь виноград, табак, помидоры, перец, шпинат, кукурузу. Разводят коров, свиней, овец, птицу, а также и рыбу.

Председатель, видимо, привык к посещению села разными делегатами, корреспондентами, туристами, потому что, как только крестьяне вышли из кабинета и мы с председателем остались одни, он сразу предложил нам бумаги, сказав: «Здесь все контрольные цифры по хозяйству»,— а сам начал звонить по телефону то в одно, то в другое место. Это был человек лет пятидесяти, с совершенно седым бобриком на голове и черными бровями и усами на смуглом мясистом лице. Стоит ли говорить, что из-под черных бровей глядели черные, живые глаза!

— Хорошо, мы посмотрим и цифры, а вы рассказали бы нам о каком-то таком прошлогоднем подарке.

Лицо председателя сразу оживилось. Он лукаво подмигнул и велел бухгалтеру принести «дело о подарках». Через две минуты на столе лежала папка, открыв которую мы обнаружили аккуратно подшитые десять — пятнадцать листочков. Но сначала о сути дела.

Прошлый год, как только началась уборка винограда, председатель кооператива Тодор Васильевич Кордовский внес предложение: первый вагон, причем отборного, винограда послать в подарок рабочим Горьковского автомобильного завода. Кто-то из членов правления спросил: почему, дескать, именно на этот завод? Тодор Васильевич разъяснил: потому на этот завод, что «газики» прекрасно работают на полях кооператива.

Сказано — сделано. Вагон ушел, но был где-то перехвачен экспортными организациями, которые еще чуть-чуть — и направили бы его по обычной экспортной дорожке. Тогда в папке и появились первые документы — переписка с «Плодоэкспортом». Потом все затихло месяца на два, и вдруг... Вот оно, письмо, пришедшее через два месяца: «От имени коллектива автозавода города Горького благодарим вас, дорогие товарищи, за теплые поздравления, теплые пожелания и подарок.

Желаем вам, как и всему болгарскому народу, больших успехов в благородной борьбе за построение социалистического общества. Посылаем вам для хозяйственных нужд объединенного товарищества два автомобиля «ГАЗ-51».

Примите, дорогие товарищи, наш подарок, горячий привет и наилучшие пожелания на благо вашей родины!»

А вскоре пришли и сами автомобили. Вот в папке квитанция, описательный лист, упаковочный лист. Кстати, пойдя на маленькое нарушение правил, горьковчане погрузили машины, уже заправленные бензином, так что здесь первенецким водителям осталось нажать стартеры, и грузовики своим ходом пошли в село.

— А больше никому вы не посылали подарков? — поинтересовались мы.

— Как же! После этого мы послали вагон помидоров в Чехословакию. Тоже на автомобильный завод...

Когда мы уже собрались уходить и прощались в дверях, Тодор Васильевич вдруг спросил у нас как бы невзначай:

— Вы не знаете, где делают «МАЗы»?

— В Минске, конечно, потому они и называются «МАЗы».

— Бухгалтер, запиши, в Минске! — И, обращаясь к нам, доверительно добавил: — Только боюсь вот, очень уж тяжелы эти «МАЗы», судя по описаниям. Пожалуй, не выдержат их наши мосты!..

Тайна перца

Если вы будете проезжать через местечко Кричим, внимание ваше обязательно привлечет большая вывеска над заводскими воротами. На ней написано знакомое всем слово: «Витамин». Вывеска указывает, что здесь, в Кричиме, работает один из крупнейших в Болгарии консервных комбинатов. Много у комбината цехов, обширны его дворы. И все они буквально завалены ящиками с сырьем. Но какое это сырье! Яблоки, груши, вишни, черешня, брусника, земляника, клубника, персики, абрикосы, виноград, помидоры, лук, перец, огурцы, чеснок, фасоль, горох, сливы, баклажаны, дыни... Да всего и не перечислишь. Конечно, нельзя здесь встретить одновременно раннюю черешню и позднюю дыню, но всё перебывает на комбинате, всё пройдет через его цехи, чтобы стать разными маринованными консервами, пастами, пюре, соками, желе, сушеностями, вареньями, сиропами, повидлами, джемами, изюмом...

Около восьмидесяти видов продукции уходит с комбината в разные концы Болгарии и в другие края земли. Нырнет помидор в кипяток на комбинате «Витамин», а вынырнет где-нибудь у Никитских ворот в магазине «Консервы». На жестяной банке будут нарисованы аппетитные нежные помидорчики, и тут же будет стоять клеймо: «Болгарэкспорт». Болгария широко торгует замечательными дарами своей щедрой земли.

Мы попали в цех, где режется яркий, как огонь, перец. Его будут сушить и молоть. Это перец «лютый». А то есть перец сладкий. Мясистые, сочные стручки его уже не сушатся, а маринуются. А там из яблок трубчатыми сверлами высверливают сердцевинки. Потом яблоки режут, получаются тонкие ломтики в виде баранок. Они и высушенные сохраняют свою форму. А вот другие яблоки. Их режут мелко, заворачивают в материю и кладут под пресс. Ручьи сока стекают в баки. А вот в бумажные стаканчики расфасовывают брусничное варенье. Осенним бором пахнет в этом цехе. Здесь, в сладких цехах, кружатся, ползают, жужжат рои пчел и ос. Они слетаются, наверное, со всего Пловдивского округа. Одно время ос хотели уничтожать, потому что без них работать все же лучше, но вместе с ними гибло бы много пчел. А это уже ущерб.

В микробиологической лаборатории комбината мы присели отдохнуть. Найден Ранчев, ходивший с нами по цехам, сказал что-то лаборантке Лиляне Петровой, белокурой худенькой девушке, и та принесла и поставила перед нами по стаканчику брусничного варенья. Нам не хотелось сладкого, но и отказаться было неудобно. Тогда мы спросили, нельзя ли чего-нибудь остренького. Через минуту была вскрыта кривым ножом банка с маринованным перцем. Бульон, в котором плавали ярко-красные стручки, еще не совсем остыл. Аромат — букет из запахов перца, лаврового листа, корицы, лука и еще чего-то — наполнил комнату.

— Теперь я открою вам секрет,— заговорил Найден Ранчев после второго стручка.— Комбинат называется «Витамин», а на поверку оказалось, что в нашей продукции витамины сохраняются плохо. Они разрушаются в процессе производства, остаются только их следы. Но месяц назад нам стало известно, что перец, который мы сейчас едим, единственный из всех овощей и фруктов сохраняет полностью все витамины.

— Как это объяснить?

— Пока никто не знает. Сейчас в Софии ученые занимаются разгадкой этого.

Похожие профессии

Семь лет назад Дянко Димитрову было 24 года. Он учился тогда у портного-частника Христо Николова. Это было в городе Севлиеве. Впрочем, к тому времени, о котором идет речь, Дянко уже и сам мог сшить костюм по последней моде. Поэтому Христо Николов и не удивился, когда Дянко объявил, что уходит навсегда, причем в другой город, да и не в город даже, а на какое-то такое место, где будет строиться новый город.

— А у тебя, парень, смекалка,— сказал тогда старый портной.— На новом месте нашего брата, конечно, не будет, ты, значит, первый, единственный...

— Нет, дядя Христо, не угадали. Наше ремесло я, пожалуй, брошу.

— Что ж ты там будешь делать?

— Не знаю еще, работа найдется.

А строился Димитровград. Строго говоря, строился огромный химический комбинат, а уж вокруг него и город. Стройка была молодежная, ударная, и молодым строителям, перемазанным в глине, цементе, извести, ночующим в бараках и палатках, было, конечно, не до модных костюмов.

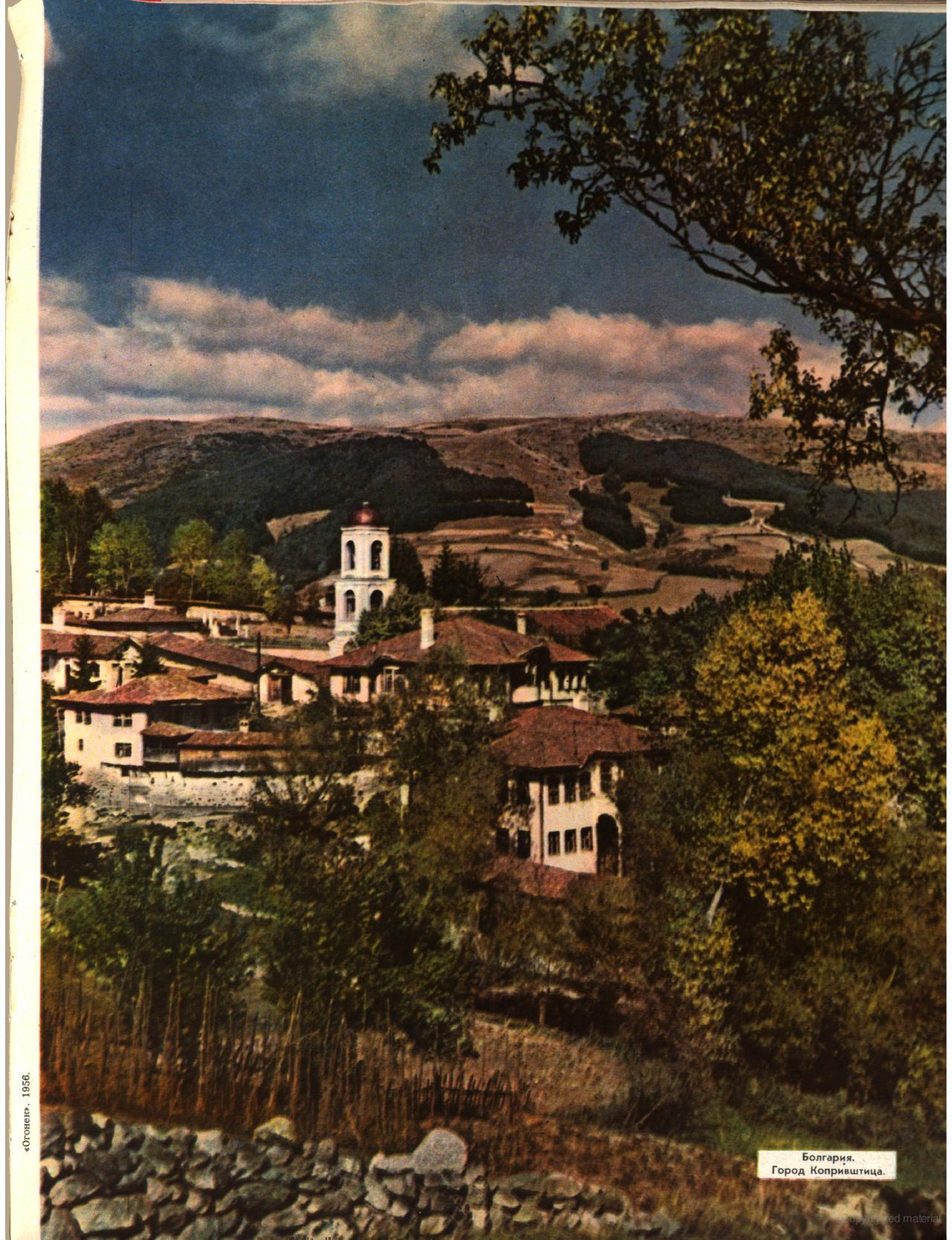
— Значит, портной? — спросили у Дянко в отделе кадров. — Можем предложить вам родственную профессию. Хотите стать сварщиком?

И биография Дянко Димитрова начала повторяться, правда, в новом качестве. Когда-то старый Христо вложил в руки Дянко ножницы, прочертил мелом на куске сукна и сказал: «Режь!». Тонкое сукно распалось на две части, только в одном месте рука дрогнула, и линия разреза вильнула в сторону от меловой черты.

Теперь опытный сварщик подвел Дянко к стальному листу толщиной с палец.

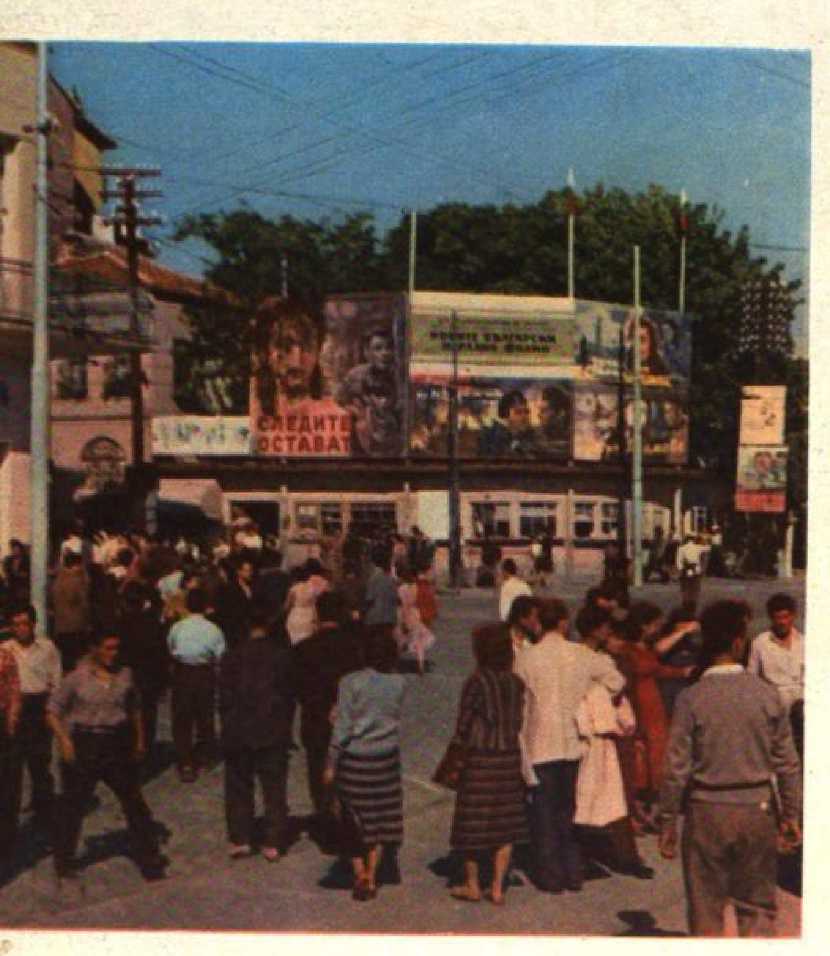
— Это, значит, рукохватка,— пояснял он, показывая на инструмент, который вместо ножниц был теперь в руках у портного. Сварщик повернул краник, при-

Химический комбинат в Димитровграде. Сварщики генераторного цеха Дянко Димитров (слева) и его ученик Таню Узунов.



Болгария.
Город Копривштица.

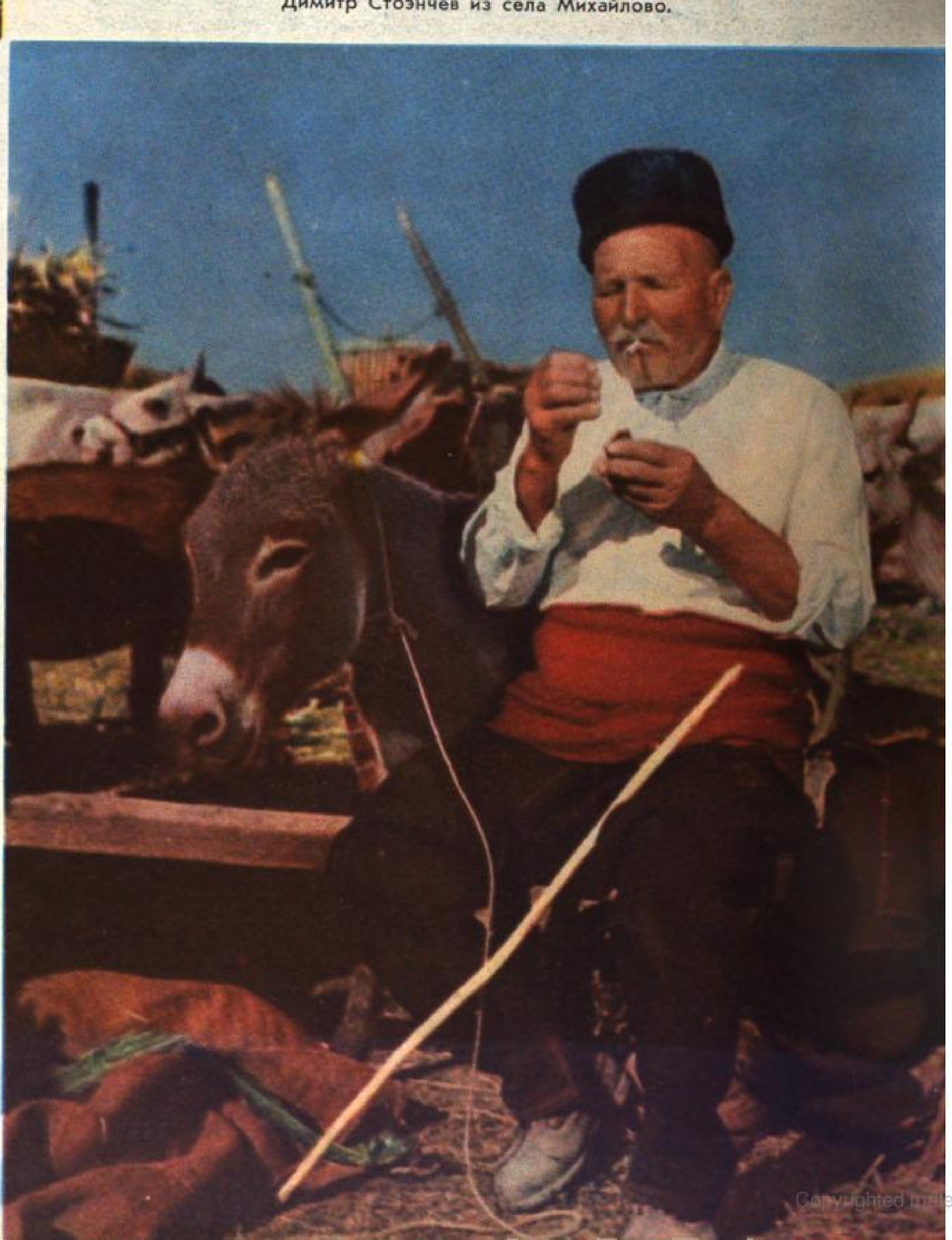
Рыбаки на побережье Черного моря.

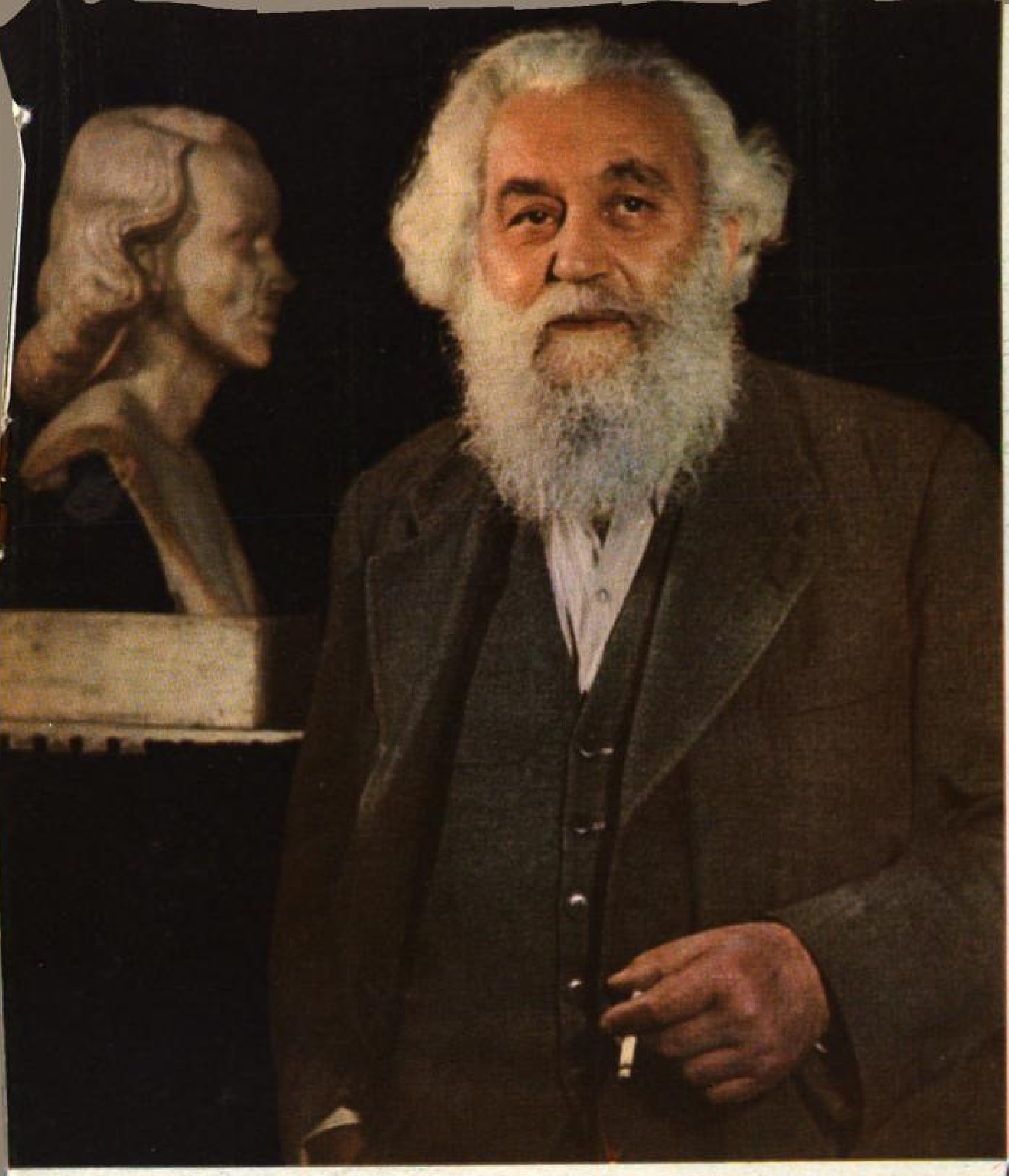


Город Пловдив. На одной из центральных улиц.

София. Здание государственного университета.

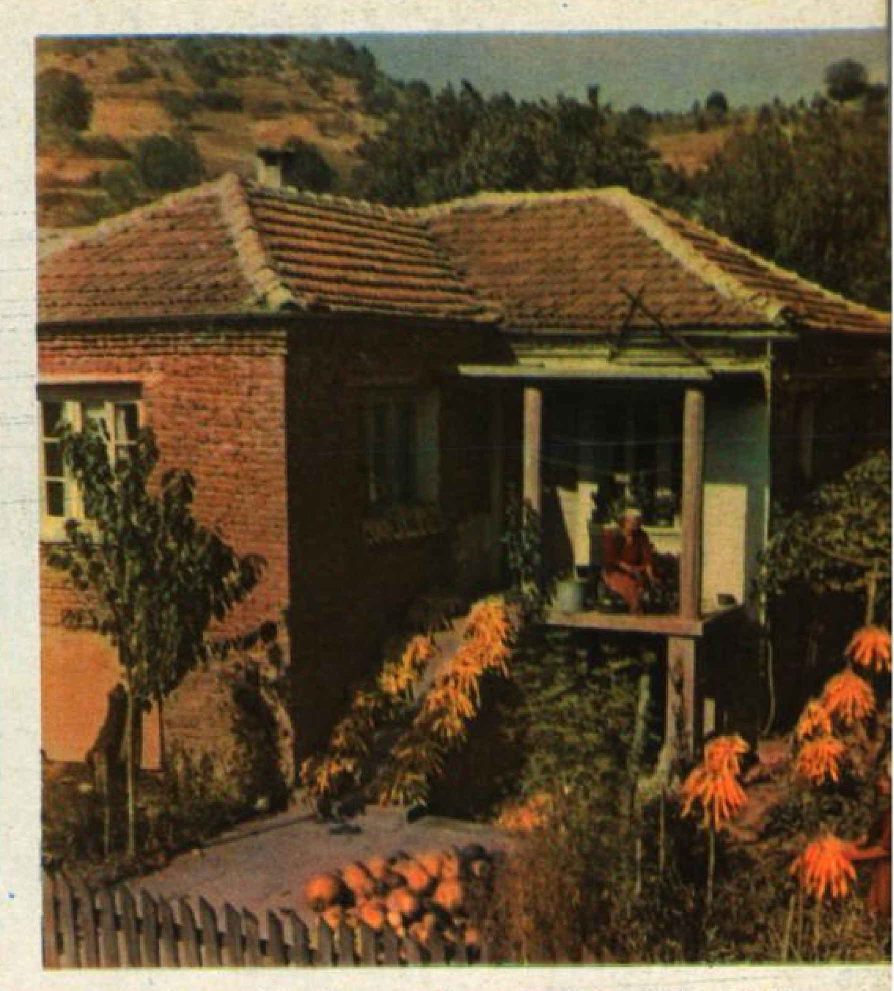
На Стара-Загорском базаре. Член сельскохозяйственного кооператива Димитр Стоянчев из села Михайлово.





Народный художник Болгарии скульптор Андрей Николов.

Город Димитрово. Общий вид металлургического завода имени Ленина. Строительство первой в стране домны.



В селе Тыча, Котленской околии, Бургасского округа.

Пирограф Иванка Доновска работает в трудовой артели «Родное искусство». Село Орешак, Троянской околии.

Богатый урожай овощей собирает сельскохозяйственный кооператив «Вылчо Врачев» в селе Быдеште. На снимке: сборщицы овощей Пенька Тенева (слева) и Мария Иванова.

вычно поставил под отверстие ладонь — идет ли газ — и чиркнул спичкой. Раздался негромкий щелчок, будто кто наступил на орех,— и маленькое яркое пламя забилось возле отверстия.

— А теперь режь!

Дянко поднес огонь к краю листа, подержал. На железе появился красный кружок, полетели искры.

— Веди, веди вниз, не бойся, смелей режь. Это тебе не тряпки. Со сталью мужественнее нужно обращаться. Это и будет твоя первая работа — резать стальные плиты.

Немного позже Дянко научился и сварке. И тут снова ему представилось сходство с его прежней профессией. Правда, вместо костюма, который заказчик в виде свертка уносит под мышкой к себе домой, начали на строительной площадке вырисовываться контуры стальных конструкций, башен, огромных резервуаров, трубопроводов. Новое «шитье» Дянко изменило самый пейзаж местности.

А потом ему поручили самую ответственную работу — сварку аппаратуры в генераторном цехе.

Здесь, в генераторном цехе, давно уже работающем на полную мощность, мы и познакомились с Дянко Димитровым. Он как раз приступал к обучению шестого своего ученика.

— Это, значит, рукохватка. Сейчас ее зажгу.— Попробовав на ладонь, идет ли газ, Дянко подставил спичку. Раздался щелчок — и появилось пламя.

— А теперь режь! Да смелей режь! Это тебе не тряпки, а сталь. Она требует мужественного обращения...

На родине Спартака

Дорога все дальше и выше забиралась в Родопы. Сколько раз я слышал и читал о них! Давным-давно, еще в детстве, страдая и ликуя над романом Джованьоли, запомнил я это название. Ведь там было написано: «Спартак родился в Родопских горах во Фракии».

Горы очень красивы и привольны. И если они снились Спартаку по ночам, то понятна его жажда свободы, его стремление увидеть эти горы снова. Родопы не голые скалы и не снежные вершины. Это огромные холмы, поднимающиеся друг над другом, заслоняющие друг друга и поросшие густыми хвойными лесами. Зато, если уж раздадутся немного холмы, какую даль приоткроют они! Такие толщи воздуха лягут вдруг между глазом и отдаленной грядой холмов, что холмы те кажутся уж не зелеными, а лиловыми.

Забравшись вместе с дорогой на один из холмов, мы взглянули вниз и увидели там аккуратный, чистенький городок. Даже отсюда можно было разглядеть, что все дома новые. Нет тут смешения стилей и времен, нет наслоения разных эпох. Значит, город построили быстро, сразу, на пустом месте.

А возник он потому, что здесь нашли богатые свинцово-цинковые руды. Город так и называется — Рудозём. Осматривая город, постепенно, как бы сужая круги, мы подошли к главному в этом организме — шахте.

Рельсы ведут в тоннель. Шагая по шпалам, ощущаем резкий переход от дневного солнечного света к жиденькому электрическому полусвету. Шпалы завели нас в подъемник.

— Давай на сто! — скомандовал горный техник Федор Янков.

Раздался звоночек — и участок железной дороги вместе с рельсами и нами провалился в сырую плотную черноту. Через минуту падения мы из темноты вышли в тот же полусвет, только ста метрами ниже. Просторный бетонированный тоннель уводит вдаль. По дну его пролегают рельсы, по стенкам тянутся трубы, кабели, провода. Временами тоннель разветвляется, и в сторону уходят такие же или несколько поуже тоннели. И уж если город — это целый организм, то шахта представилась нам огромным щупальцем этого организма, роющимся в недрах земли и выбрасывающим из сырых каменных глубин тяжелые, наполовину свинцовые камни.

Вдаль убегают провода и кабели, туда, где должна кончаться шахта. Там-то вдали и есть главное в организме. Это из-за него стоят наверху дома, двигаются поезда, дымит фабрика. Это для его питания организм посылает вниз электричество и воздух. Настроенные таким образом, конечно, мы приготовились увидеть там, в конце шахты, нечто потрясающее, огромное, скрежещущее. На самом же деле кончилось все худощавым с черными усиками парнем, который выключил свою пневматическую стуколку, повернулся к нам и сказал: «Здравствуйте». Звали парня Шевкет Милезимов, и был он помак.

Помаками называют в Болгарии ту часть коренного населения, которая во времена пятисотлетнего турецкого ига перешла из христианской веры в мусульманскую. И здесь произошел парадокс. С течением времени помаки замкнулись, насколько могли, изолировались от внешнего влияния и, таким образом, превратились как бы в хранителей чистоты болгарского языка и старых болгарских традиций. Именно среди помаков можно услышать плавную, певучую болгарскую речь, свободную от иностранного влияния, именно там можно встретить тип настоящего славянина или славянки.

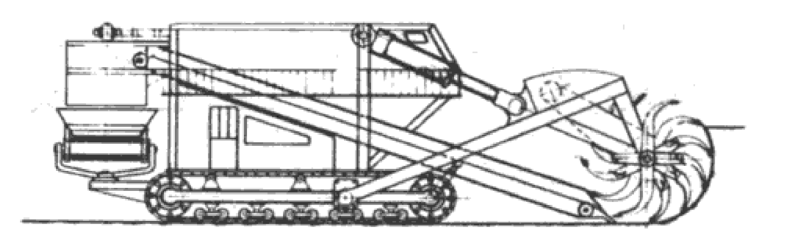
Населяют помаки горные, наиболее глухие и отсталые районы страны. Жили они, в частности, и в долине, где вырос теперь город Рудозём. Значит, помимо всего прочего, город этот принес сюда, в глухой горный район Родопов, большую культуру. Многие помаки пошли работать сначала на строительство города, а потом и в рудник. Забойщик-шахтер Шевкет Милезимов был из числа таких помаков.

Уже семь лет он в забое.

Медленно уходит длинный бур пневматического молотка в стенку забоя, проделывая узкое отверстие. Отверстий таких делается много, потом в них засыпают взрывчатку, и шахта-щупальце продвигается под землей еще на один шаг. Так вот он каков, тот сверхострый, сверхтвердый коготь — конечная, или, вернее, исходная, точка всего, что заполнило горную долину и что называется Рудозёмом!

За свои семь лет Шевкет Милезимов продвинул под землей стенку забоя по крайней мере на четыре километра. Мы пожелали ему успехов и двинулись в обратный путь.

НОВАЯ ЗЕМЛЕРОЙНАЯ МАШИНА



Сооружение гидроэлектростанций, прокладка больших и малых каналов для орошения засушливых и безводных степей, строительство шоссейных и железных дорог... Все эти работы в шестой пятилетке потребуют выемки или насыпки миллиардов кубометров грунта. Кроме того, исключительно велик объем земляных работ и при добыче полезных ископаемых, в особенности открытым способом.

В настоящее время на большинстве строек имеются одноковшовые экскаваторы. За смену ими разрабатывается в среднем 1 000—1 500 кубометров земли при емкости ковша в 3 кубических метра. Для современного крупного гидростроительства такая производительность недостаточна.

Правда, шагающие экскаваторы во много раз производительнее. Но у них есть другой недостаток: огромный вес и сложность монтажа. Перевозка этих экскаваторов длится очень долго и требует больших расходов. Так, шагающий экскаватор с ковшом емкостью в 14 кубических метров монтируют около 100 квалифицированных рабочих в течение полугода, а для перевозки частей машины нужно более 2 железнодорожных составов.

Может быть, имеет смысл конструировать еще более мощные экскаваторы? Оказывается, нет, если только не придется разрабатывать скальные грунты. Сравнение существующих машин показывает, что их вес растет значительно быстрее, чем производительность. И если идти по такому пути, то это приведет к созданию очень тяжелых, громоздких и дорогих экскаваторов.

Производительность землеройных машин можно значительно увеличить, если изменить главные принципы их конструкции: придать вращательное движение рабочим органам, обеспечить непрерывность всего процесса и повысить сами скорости работы. Эти принципы и легли в основу нового агрегата, конструктивную схему которого разработали инженеры Гидропроекта В. П. Соболев, М. Н. Кривский, Ю. Н. Иванов, И. И. Нехорошев и А. И. Сафронов. Землеройно-фрезерная машина (так называется этот агрегат) способна будет непрерывно разрабатывать забой высотой около 2 метров. Впереди машины, как видно из чертежа, находится ее рабочий орган. Он состоит из 12 заостренных зубьев, собранных в виде фрезы. Вращаясь, они вгрызаются в лоб забоя. При помощи гидравлического устройства фреза может опускаться и подниматься. Для отвалки грунта служит ленточный транспортер. Он подхватывает куски породы или песок и увлекает их в воронку.

Машина имеет свой собственный гусеничный ход и может свободно продвигаться в проложенной ею траншее: ширина машины соответствует ширине забоя.

Землеройно-фрезерная машина в смену будет вынимать 15—18 тысяч кубических метров грунта. Стоимость земляных работ по сравнению с 3-кубовыми экскаваторами снизится в 5—6 раз, а выработка на одного рабочего повысится в 6—8 раз.

Весить новый агрегат будет всего 80—100 тонн, в 10—12 раз меньше, чем шагающий экскаватор. При этом значительно сократится расход энергии.

Внедрение в народное хозяйство новых землеройных машин позволит совсем иначе организовать гидроэнергетическое строительство и прокладку каналов. Дело в том, что при использовании высокопроизводительных машин ненужными окажутся капитальные жилые дома для строителей и большие ремонтные заводы. Все постройки могут быть сборно-разборного типа или даже в виде передвижных фургонов. Сократятся сроки и стоимость строительных работ. Например, если новая машина найдет себе место на сооружении Центрального и Южного магистральных каналов в Голодной степи, то они будут созданы в 3—4 раза быстрее и дешевле, чем при механизации работ одноковшовыми экскаваторами и скреперами.

Министерства строительства электростанций, сельского хозяйства, электростанций, строительного и дорожного машиностроения одобрили принцип устройства новой землеройной машины. Сейчас Всесоюзный научно-исследовательский институт строительного и дорожного машиностроения приступил к разработке эскизного проекта новой землеройной машины высокой производительности.

Проф. А. ДАЛИН

ОБЛИЧЕНИЕ СМЕХОМ

Заметки актера

В. ЛЕПКО,
народный артист РСФСР

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

О комедии мы говорим давно. Она желанный гость на нашей сцене. За комедию активно голосует зритель, раскупая билеты на ее представления. Время от времени в нашей печати возникают призывы, обращенные к писателям: «Создавайте комедии! Пользуйте грозное оружие смеха для борьбы с общественными недостатками!» А хороших комедий попрежнему мало. Их мало даже сегодня, когда «на фронте драматургии», как у нас говорят, произошло заметное оживление.

Я далек от мысли, что у советских художников не хватает гражданской смелости на то, чтобы создать содержательную, острую и «злую» комедию. Причина, мне кажется, в другом. Забыты специфика жанра, его законы; наши драматурги и театры «растренированы» в этой области.

В самом деле, ведь еще недавно развитие советского театра тормозилось рядом явлений, которые нанесли нашему делу немалый ущерб. Это — нивелировка, вольное или невольное стремление большинства театров быть «такими, как МХАТ», что лишало их своего лица, делало похожими друг на друга, как бывают похожи листья одного дерева. Это — одностороннее и узкое понимание метода социалистического реализма. Это — «просто пьесы» в репертуаре, лишенные черт и признаков жанра. К тому же во многие наши спектакли заполз сценический натурализм.

Мне помнится, что до Чехова вообще не существовало такого понятия — «пьеса». Были драма, комедия, трагедия, буффонада, сатира, а слово «пьеса» жанра не

Театр Сатиры. «Клоп». В. Лепко — Присыпкин.

обозначало; его применяли, когда нужно было сказать, что речь идет о произведении драматургии. Чехов впервые использовал это слово в жанровом смысле. Но какой же это был точный, индивидуально очерченный, неповторимый жанр! Какой поэзией и одухотворенностью наполнены чеховские спектакли во МХАТе, весьма далекие от натуралистического бесформия.

Грешный человек, я люблю в искусстве не только содержание, но и форму, отточенную и острую, как хороший каламбур. Меня восхищает сценическое мастерство и отталкивает нагромождение подробностей, каким возмещают у нас иной раз нечеткость жанра и стиля спектакля. Если по всякому поводу выстраивать на сцене комнату с занавесочками, тумбочками, ковриками, с душным бытом и играть в этой комнате и водевиль, и романтическую драму, и памфлет, как еще недавно случалось, искусства не будет, а будет лишь бескрылое и мелкое правдоподобие.

Вот Н. П. Охлопков возобновил свою старую постановку «Аристократов» — возобновил музейно, и в этом слабость спектакля, но мы, отвыкшие от подобных форм театра, лишний раз убедились в том, как подчас выигрывает актер, освобожденный от груза избыточных аксессуаров, как много получает зритель, когда его фантазия активно включена в сценическую игру.

Я вообще считаю, что искусству театра полезно следовать принципу Warum'a Шумана. Должно быть, многие помнят этот внезапный обрыв пленительной и бурной мелодии в момент, когда его меньше всего ожидает слушатель, когда хочется продлить, повторить впечатление. Так и в театре: если зрителю все досказано, разжевано, если режиссер и актер до конца «выплескиваются» в спектакле, когда ясно, что больше они уже ничего не могут, люди уйдут со спектакля холодными и, может быть, им не захочется снова пойти в этот театр. Если же спектакль заставляет думать, если он тревожит воображение зрителя, его сердце и ум, если занавес опускается тогда, когда публике кажется, что впереди еще много интересного, вот тогда зритель наш, вот тогда он придет в театр вновь и вновь, независимо от активности «уполномоченных по продаже билетов». Я за лаконизм, за точность формы, за сценический отбор, а это возможно тогда, когда театры похожи только на самих себя, а не друг на друга, когда они внимательны к природе разных жанров.

А ведь в советском театре существовало такое сценическое многообразие. Сейчас же к нам приезжают театральные коллективы из других стран, и мы восхищаемся, как новинкой, благородной простотой английского «Гамлета», условным реализмом французского театра под руководством Жана Вилара, темпераментом негритянских актеров, показавших нам оперу «Порги и Бэсс», забывая, что все это у нас было, что советский театр был богат не только хорошим, но хорошим и разным искусством.

На съезде врачей-терапевтов министр здравоохранения СССР М. Д. Ковригина рассказала о том, что у русских врачей существовал когда-то прекрасный обычай — при получении диплома подписывать в торжественной обстановке так называемое «факультетское обещание». Врачи давали клятву: не вредить больному, хранить врачебную тайну, не отказывать в помощи пострадавшему, не омрачать чести сословия, в которое они вступали. Так они оказывались связанными на всю жизнь общим пониманием врачебного долга. Нечто подобное, по-моему, должно быть и в театрах. Актер, приходящий в тот или иной театр, должен разделять его статут, быть верным его принципам. Люди, работающие на одних подмостках, должны говорить на общем языке. Нельзя, чтобы

Театр Сатиры. «Баня». Н. Слонова — м-м Мезальянсова.

Театр Сатиры. «Клоп». Г. Менглет — Баян.

Театр Сатиры. «Клоп». Г. Тусузов — Гость.

Театр Сатиры. «Клоп». Е. Корсакова — Разносчица галантереи.

ЦТСА. «Учитель танцев». М. Перцовский — Белардо.

ЦТСА. «Учитель танцев». В. Благообразов — Тебано.

в театре, играющем комедию, сидели актеры, лишенные чувства юмора, равнодушные к требованиям и законам этого жанра. У такого театра никогда не будет лица.

Я проработал несколько лет в «Кривом зеркале» у известного театрального деятеля А. Р. Кугеля, где ставились литературные и театральные пародии. Театр был заслуженно популярен в Ленинграде 20-х годов, и популярность пришла именно оттого, что это был театр единомышленников, театр известного стиля, потому что сражался с мещанством эпохи нэпа в искусстве и в жизни строго отобранным театральным оружием.

Вокруг «Кривого зеркала» группировались близкие ему писатели, художники, музыканты, поэты. Сколько здесь родилось интересных замыслов, сколько тут же набросано было сценок и сцен, какие содержательные беседы об искусстве завязывались и тянулись подчас глубоко за полночь! А что такое был этот театр? Мелкий козырь в большой театральной колоде тех лет, маленький коллектив, сумевший, однако, отстоять свою независимость наряду с другими, пусть более сильными, «полнометражными» театрами.

Сегодня такая самостоятельность — редкость. Сегодня у нас зачастую оказывается фактически два, три, а то и четыре театра в одной труппе. Когда в такой коллектив приходит пьеса оригинальной формы, мы подчас совершенно по-разному понимаем ее. Сколько времени приходится тратить порой режиссеру, чтобы актеры комедии иной раз не становились в тупик перед особенностями своего жанра!

Я помню, с каким трудом постигались нашими актерами, актерами Театра сатиры, особенности сценического стиля Маяковского. Как долго многим из нас казалось, что режиссура делает все не так, ведет нас по ложному пути, ведет к провалу! Наш успех в «Бане» был неожиданным для нас самих и, что греха таить, еще и теперь не всеми в театре как следует понят.

Я комедийный актер по убеждению. Еще до революции, мальчишкой, сыграл я Робинзона в «Бесприданнице» Островского, поставленной К. А. Зубовым на сцене провинциального вятского театра, и это решило мою судьбу. Естественно, что мне больно видеть, как несовершенна техника комедийного актера, как слабо разработаны у нас принципы дозволенного и недозволенного в комедийных жанрах.

Прежде всего, мне кажется, что характер чувствований человека-героя в комедии не тот, что, скажем, в психологической драме. Поставленный в комедийные обстоятельства, герой чувствует интенсивнее, реагирует быстрее, переходит из состояния в состояние резче, чем в так называемых серьезных жанрах. Нельзя отяжелять комедию подробностями переживания. Минимум психологических штрихов и максимум впечатления — вот, по-моему, основа комедийного действия. Пришел, взглянул, ужаснулся, решился — это и есть, с моей точки зрения, психологическая правда комедии. У нас это не всегда понимают и играют комедию подчас, как драму, а потом удивляются, что пьеса с мировой репутацией не смешна, что действие тащится и скрипит, как немазаная телега.

ЦТСА. «Ревизор». П. Должанов — Земляника.

Станиславский в частном рассуждении о водевиле говорил, что герои водевиля — «самые обыкновенные люди. Их особенность — это то, что они абсолютно во все верят». Непременное условие правдивой игры актера в комедии — наивность и вера в пусть самые преувеличенные, сгущенные обстоятельства.

Комедийный актер должен чрезвычайно многое уметь. Прыжки, потасовки, падения, обмороки — все это требует особой техники. Я смотрел недавно старую кинокартину «Мисс Менд» с участием Игоря Ильинского, Барнета, Фогеля, смотрел и думал: «Черт возьми! Какие же они все-таки тренированные актеры!». А ведь случается так, что актер с вузовской подготовкой не умеет правдиво пройти, без синяков упасть, имитировать драку без членовредительства только потому, что не утруждает себя изо дня в день многообразной физической тренировкой. Я за свою долгую жизнь в театре занимался балетом, цирком, тяжелой атлетикой, плаванием, боксом, стрельбой, служил в Мюзик-холле, переодевался и перегримировывался в спектаклях «Кривого зеркала» по 18 раз в день, и потому я считаю себя относительно подготовленным для работы в комедии. Но мне необходима ежедневная тренировка.

У нас стало чуть ли не бранным слово «трюк». А между тем на хорошем трюке построено множество комедийных ролей мирового плана. Только трюки эти надо уметь делать, да так, чтобы не было заметно усилий, актерского пота, чтобы были соблюдены и эстетика и чувство правды. Посмотрите, как работают китайские актеры хотя бы в пятнадцатиминутной сценке «Саньчакоу»! Вот это и есть мастерство оправданного трюка, мастерство, вызывающее искреннее наше восхищение.

Хочется мне еще сказать о таком важном свойстве комедийного актера, как умение видеть себя со стороны. Я только что употребил слово «эстетика». Для комедийного актера она важна не меньше, чем, скажем, для актера-трагика. Иначе (если себя не видишь) очень легко перейти грань между искусством и паясничаньем, между театром и балаганом. Актер может что угодно делать со своим лицом, со своим телом, но если он становится при этом отталкивающим, неэстетичным, рушится очарование комедии и на сцене воцаряется чуждый духу русского искусства «театр ужасов». Во избежание этого комедийному актеру нужен строгий самоконтроль в каждую минуту сценического действия.

Мне кажется, настало время, благоприятствующее расцвету комедии, как и других жанров, во многом ущемленных бытовавшими в искусстве нивелировкой и «бесконфликтностью». Перед комедийным театром открываются сейчас самые радужные возможности. Но чтобы возможности эти превратились в действительность, надо нам всем, энтузиастам веселого искусства комедии, сообща разобраться в ее правах и обязанностях, проникнуть в главные секреты жанра. Вот тогда «обличение смехом» займет то место на нашей сцене, которое оно достойно занимать.

ЦТСА. «Укрощение строптивой». С. Кулагин — Грумио.

ЦТСА. «Укрощение строптивой». Р. Ракитин — Куртис.

ЦТСА. «Укрощение строптивой». Н. Сергеев — Педагог.

Наследство и наследники

Л. ЖУКОВА

Фото М. Демиховского.

Чкаловскому областному драматическому театру сто лет! Целый век миновал с тех пор, как в далекой «столице степей» впервые раздвинулся театральный занавес. Многие годы выполнял Оренбургский театр благородную миссию просветителя народа. Роль эта была в старом Оренбурге не легкой: разношерстная, разнохарактерная публика искала подчас только дешевого, балаганного зрелища. Зачастую от актеров требовали и совсем невозможного — каждый день новой пьесы. В защиту тружеников сцены выступила газета «Оренбургский листок». «Подумайте, какая каторга, чуть не ежедневно выступать в новой роли без достаточного числа репетиций, почти без возможности выучить роль. Извольте каждый вечер в течение 3—4 часов надрываться, плакать, падать в обморок, негодовать, умолять, убивать и умирать, и все это не по выучке, а нервами».

Полуголодные, полунищие, на убогих, обставленных старенькой мебелью подмостках, самоотверженно служили эти актеры русскому искусству. По счастью, труд их находил живой отклик у передового зрителя — у писателей, поэтов, художников, в разное время живших в далеком Оренбуржье.

В 90-х годах в столичном журнале «Артист» появилась заметка, в которой говорилось об оренбургском актере П. К. Дьяконове, отказавшемся на бенефисе принять денежную подачку самодура-мецената. Это был протест против приниженного положения актера в обществе, попытка утвердить свои гражданские и человеческие права. Это звучало гордо, независимо!

Высокие этические принципы — лучшие традиции русского актерства — унаследовал от далекого прошлого Чкаловский театр...

Сегодня театр по-особому ощущает свое высокое призвание, свою гражданскую тему, свою неразрывную связь с эпохой. Чкаловцы живут и работают в самой гуще целинных земель. Великий опыт всенародного дела осмысливается актерами прямо на полевых станах, в повседневном, будничном быту целинников, чей мужественный труд получил высокую оценку Родины — Чкаловская область награждена орденом Ленина.

Одним из первых в стране рассказал Чкаловский театр о чудесной советской молодежи, не отступившей перед трудностями суровой битвы за хлеб. В непосредственном общении с людьми целины родился спектакль «По велению сердца», показанный на гастролях в столице летом 1955 года. При всем том, что пьеса Н. Анова и Я. Штейна несовершенна, в спектакле были зерна настоящей правды, увиденной зорким глазом художника. Поэтому подчас в самых драматических эпизодах со сцены звучал смех. Это молодость, оптимизм, мужество героев брали свое. Звучал смех и в зале. И как было не смеяться, глядя на маленькую прицепщицу Зойку, вряд ли достигшую совершеннолетия, влюбленную в «шалапутного» покорителя сердец Рената. В небольшой эпизодической роли Зойки московский зритель впервые встретился с чудесным дарованием артистки Чкаловского театра А. Покидченко. Зойку зрители заметили еще в массовке, в толпе. Ее нельзя было не заметить, эту смешную девчонку в коротенькой выцветшей юбке и с удивительно живыми, горящими глазами. С поразительной непосредственностью Зойка радуется, отплясывает, веселится и горько плачет, когда не ладится ее ребячья «любовь».

Непосредственностью чувств, глубокой эмоциональностью отмечены и другие образы, созданные А. Покидченко на чкаловской сцене. Ее Аня Березко из пьесы В. Пистоленко перестала уже восприниматься как «сочиненный» персонаж: молодая учительница Анна Семеновна стала для зрителей своей, будто живущей где-то рядом на одной из улиц города.

В Чкаловском театре работает вдумчивая, серьезная режиссура. Спектакли, поставленные главным режиссером театра Ю. Иоффе, всегда отличают выразительные мизансцены, внутренняя энергия, острота столкновений. Умно и точно вскрывает мысль произведения режиссер И. Щеглова, продуманны постановки М. Нагли. И все же хочется назвать Чкаловский театр театром актера: так разнообразны, самобытны, индивидуальны в нем актерские силы.

Незаурядно играет И. Конкс роль царя Федора в пьесе А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Незаурядно хотя бы только потому, что трагедия Федора раскрывается им как трагедия *историческая*, во многом предопределенная особенностями сложившейся в стране обстановки. Актер отказывается от изображения физической немощи царя, его болезненности и духовной ущербности. Центр тяжести роли перенесен И. Конксом на безволие Федора, его полную неспособность управлять страной, неспособность найти свое место в политической борьбе.

И. Конкс — актер разнообразный. Практичный, лишенный и крупинки романтики Мальков в «Дикарке» и огненный Пугачев из пьесы В. Пистоленко «Емельян Пугачев»—трудно представить себе более полярные образы.

В «Униженных и оскорбленных» по роману Ф. Достоевского в роли князя Валковского встретились мы с особой творческой манерой В. Бросевича. Москвичи видели этого актера в роли Виталия Марковича в пьесе В. Пистоленко «Любовь Ани Березко». Образ незадачливого актера, начинающего заново жить, был создан им с настоящей человечностью, с хорошей грустинкой, с юмором. А вот Валковский лукавый, обволакивающий, страшный. При всем том, что мы узнаем чуть грассирующую манеру речи Бросевича, в облике Валковского актер кажется совсем иным. В этом же спектакле актриса ярко выраженного комедийного дарования Е. Высоцкая с трагедийной силой играет роль Нелли,— затравленного ребенка, взирающего на мир такими умными, все понимающими глазами.

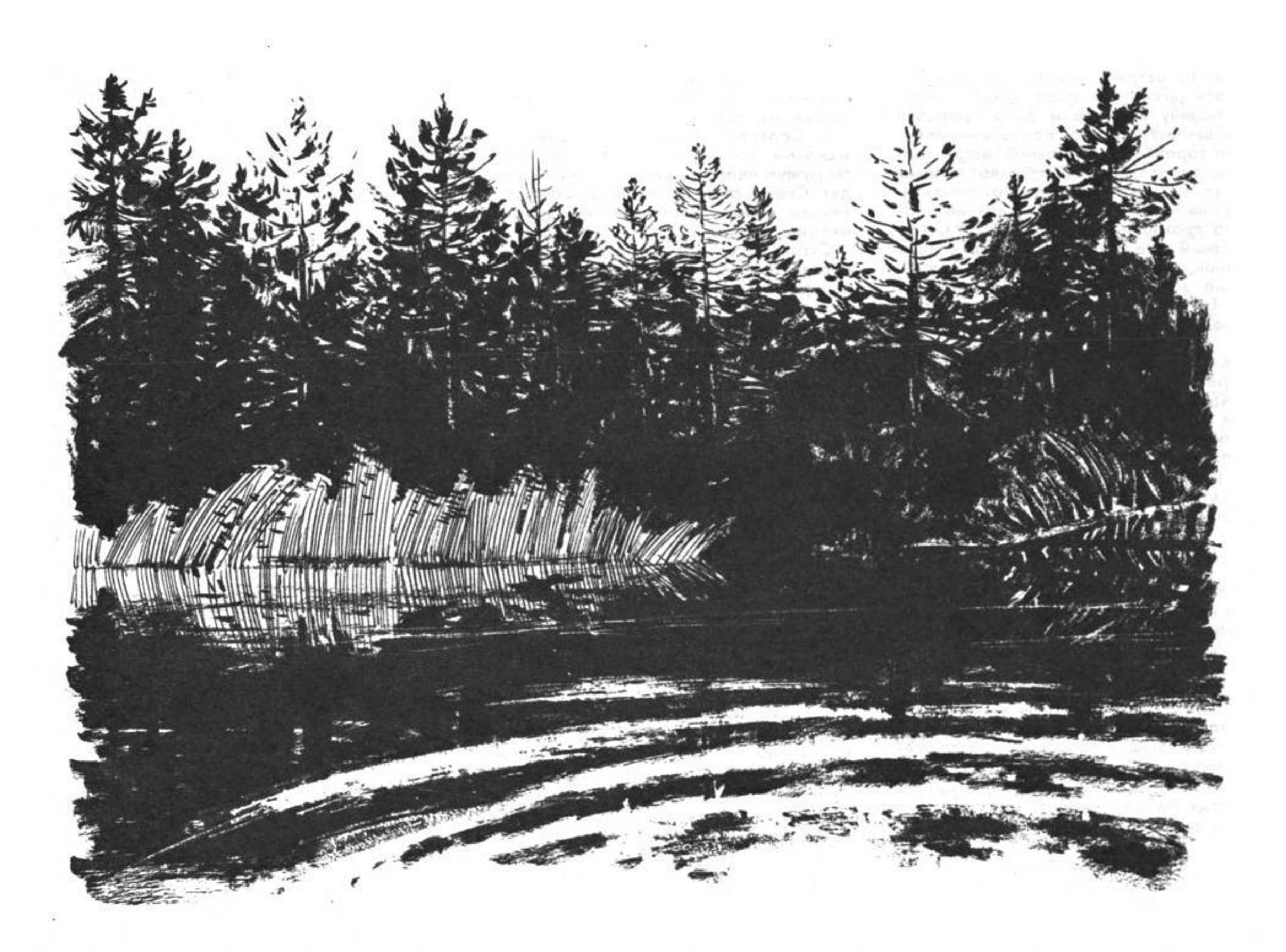
Мастерство, умение, знание — вот слова, выведенные чкаловскими актерами на знамени театра. Но рядом стоят и другие — яркость, эмоциональность, точность характеристик, отношений, конфликтов. Эту ясность ищет коллектив в спектакле «Одна», поставив героев пьесы С. Алешина перед необходимостью прямо ответить на ряд жизненных вопросов. Р. Плескачевская играет роль покинутой жены Марии Михайловны так, что не остается сомнений — для этой женщины, глубоко любящей и страдающей, не потерян смысл жизни.

Яркую образность спектаклей ищут и его художники С. Александров и Д. Фомичев. Творчество этих незаурядных театральных художников периферии характеризует живописность, сценичность, эмоциональная театральность.

Свой столетний юбилей Чкаловский театр отмечает постановкой новой пьесы Н. Анова «Оренбургская старина». На сцене оживет судьба беглой крепостной актрисы, выступившей сто лет тому назад в первом спектакле Оренбургского театра. Так протягивают чкаловцы мост между настоящим и прошлым, видя в этом далеком прошлом источник плодотворного и подлинно народного, что живет в нашем театре и сегодня.

А. Покидченко в роли Наташи в спектакле «Униженные и оскорбленные».

Сцена из спектакля «Одна». Мария Михайловна — Р. Плескачевская. Нина — Е. Федорова.



МЕЩЕРСКИЕ СТОРОЖА

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Мне всегда верится, что на новом, неиспытанном месте меня ждет та великая удача, о которой мечтает каждый охотник. Егерь Анатолий Иванович говорит, что это от неопытности. Все же я убедил его поехать на Озерко, где мне еще не привелось охотиться. Плыть туда надо сперва протокой, потом рекой, потом снова протоками. Протоки — это узкие, в шаг, каналы, соединяющие многочисленные озера и реки этого края. Прорыли их крестьяне-промысловики в незапамятные времена, а все последующие поколения мещерских охотников и рыболовов заботливо следили за нитяными водными тропками, оберегая их от заиления и высыхания.

Кое-где протоки изгибались так круто, что приходилось перетаскивать челнок на руках из одного колена протоки в другое. Но прибыли мы во-время, как и всегда, с Анатолием Ивановичем, к самой вечерней зорьке. Озерко оказалось маленьким, круглым, как копейка, водоемом в лесном еловом кольце. Берега болотистые, густо поросшие тростником и осокой. Темные, плотно стоящие ели отражались в воде, и у берегов Озерко было почти черным, на остальном же его пространстве горел багрянцем закат. Крошечный полузатопленный, поросший кустарником островок сам указал нам место для шалаша. Построить шалашик оказалось делом пустячным: достаточно было сплести шатром ветки кустарника.

Пока мы сооружали шалаш, возились с чучелами и подсадной, Озерко жило бурной жизнью. Над самой головой то и дело проносились бекасы и кулики. Совсем поблизости в густорозовой воде купалась черненькая водяная курочка, где-то плюхались на воду матерые, и, чувствуя во всем теле какую-то счастливую напряженность, я думал: будет дело.

Но как только мы уселись в шалаше, все замерло, будто по команде. Исчезла водяная курочка, ни кулика, ни бекаса, ни тихого шлепа уток...

Багрянец в озере сперва налился кровавой густотой, затем его прорезали темные жилки: зеленые с черню и фиолетовые. Вскоре этого черно-зеленого стало больше, а багряное поле распалось на отдельные мазки. И вот все озеро будто погасло, стало тусклодымчатым, лишь на зыби посередке закачались красные отсветы, словно перья, оброненные жар-птицей. На одном из них возникло темное пятнышко; я выстрелил, пятнышко стало полоской.

— Хлопунец,— определил Анатолий Иванович. — Вот вам и Озерко!..

Голос его звучал огорченно. Тут не было досады, место выбирал не он. Это я почти насильно затащил его на Озерко. Его печалила каждая примета из года в год растущего оскудения Мещеры.

Ночевать мы отправились на протоку. Мы установили наш челнок, выдолбленный из толстого ствола дуба, над протокой наподобие мостка; болотистая почва берегов прочно всосала нос и корму, и наше узкое, шаткое ложе, провисшее над черной водой, приобрело твердую устойчивость.

Натаскав сена из ближайшего стога, мы улеглись спать ногами друг к другу. Своей левой ступней я упирался в правую ступню Анатолия Ивановича — без этого мы бы сползли на дно челнока,— правая же моя ступня не имела упора. Анатолий Иванович был инвалидом, ногу он потерял в Отечественную войну и протеза не носил. Без протеза ему было удобнее: когда он стрелял стоя, то клал культю на перекладину костыля и даже при дуплете сохранял прочное равновесие.

Привычный к походной жизни, Анатолий Иванович сразу уснул, я же тщетно пытался последовать его примеру. Сон никак не шел. Час за часом смотрел я в низкое, черное небо, набитое звездами, и видел, как медленно опрокидывался ручкой вниз ковш Большой Медведицы. Я видел, как с приближением полуночи небо все теснее уплотнялось звездами и как во втором часу ночи звезды начали от-

горать, гаснуть, освобождая широкие, похожие на полыньи плешины. Потом звезд стало совсем мало, и, наконец, лишь гигантский ковш балансировал на острие рукоятки посреди пустого, возносящегося все выше и выше неба.

Вначале тишину ночи то и дело прорезал волнующий шелест утиного пролета — запоздавшие утки торопились на ночной жор,— потом заухала, заревела выпь, громко, отчаянно, и вдруг так же неожиданно смолкла. А вскоре по небу, гася звезды, медленно пролетел кто-то громадный, как лебедь. Увидев, что неизвестный мне летун берет направление на наш челнок, я невольно потянулся за ружьем и тут же вспугнул чуткий сон Анатолия Ивановича. Тот бесшумно приподнялся, сел и, ни о чем не спрашивая, скользнул взглядом по высоте.

— Чепуха,— сказал он с чуть приметной усмешкой,— речной бык. Перо здоровенное, хвостище, что у лошади, а сам с воробья. Мясо жесткое, болотом отдает.— Он снова лег, а я вспомнил, что «речным быком» здесь называют выпь за громадность и ревущий голос, и отложил ружье.

Уже под утро, в тот призрачный час, когда еще не взошло солнце, а небо бледно сереет и все предметы в просторе кажутся зыбкими, лишенными контура и объема, из-за береговых кустов прошел к протоке совсем близко от нас нерослый зверь в черной шубе. У края протоки он наклонился и бесшумно, даже слабым всплеском не потревожив воду, скользнул в темную глубь.

Видимо, почувствовав невольный нажим моей ступни, Анатолий Иванович мгновенно вскочил и, хотя он мог видеть лишь расходящиеся по воде усы,— сам пловец уже скрылся в тени, накрывающей протоку,— сказал уверенно и нежно:

— Бобер!.. Ах, мать честная, бобер!.. Сколько живу, сроду бобра не видел, хоть знал, что еще водятся у нас недобитки.

— Недобитки?..— переспросил я.

— Ну да! У нас тут бобра давно выбили. А которые семейки уцелели, так тех ребята напрочь извели. Как найдут бобриный домишко, так порушат, из озорства, значит... Вот тех, которые чудом уцелели, мы недобитками и зовем. Какая все-таки жалость! Бобер — зверь ценнейший, зверь умный, домовитый, месту преданный, дай ему покой, опять бы в силу вошел. Да куда там! Все над ним озоруют, особенно ребятишки...

Анатолий Иванович замолк, достал из кармана ватника плоскую коробку из-под леденцов, набитую самосадом, а из теплой шапки — аккуратно нарезанные дольки газетной бумаги и стал скручивать толстую папиросу. Он еще не кончил своего занятия, когда судьбе было угодно дать нам пример того скверного озорства, которому щедрая Мещера обязана нынешним оскудением.

На берег протоки, упруго подымая тонкие ноги с круглыми, как ядра, коленями и поводя горбатым носом, степенно и безбоязненно, словно ведая об охраняющем ее законе, вышла в сопровождении маленького, с теленка, замшевого сына крупная, статная, величественная и какая-то праздничная лосиха. Она приблизилась к воде, наклонила голову, вобрала мягкими, глубокими ноздрями свежесть питья, искоса поглядывая на сына и словно приглашая его последовать ее примеру,— и тут из-за кустов, в нескольких шагах от нас, грянул выстрел.

Лосиха вскинула голову, гневно, недоуменно, оскорбленно обвела темным птичьим глазом окрестность, повернулась и, отжимая сына боком, повлекла его в заросль ольшаника. Я заметил, что левая задняя нога ее как-то странно, непрочно, царапающим, а не ступательным движением касается земли. И тут мимо меня мелькнула сухая, крепкая фигура Анатолия Ивановича. Я не заметил, когда он успел схватить свои костыли с дощечками для упора при ходьбе по болотам, не заметил, как он вскочил. Он стремительно мелькнул мимо меня, вмиг оказался на берегу и, резко бросая вперед свое тело, устремился к кустам. Я кинулся следом за ним.

Когда я нагнал его, он уже держал браконьера за ворот рубашки. То был Витька, четырнадцатилетний сын соседа Анатолия Ивановича. Из-под шапки лохматых льняных волос серые витькины глаза глядели хмуровато, досадливо, но не очень-то испуганно и уж, во всяком случае, не покаянно.

— Да чего ты ругаешься, дядь Толь, сам, что ли, не охотник? — с сердитой обидой оправдывался Витька.— Вижу, он на выстрел подошел, ну, сорвалась рука...

— Сорвалась рука?.. Кому врешь? Ты ж его жеканом стебанул, нешто я слепой! Значит, ты ружье перезарядил, с пулей на уток не ходят. Скажи спасибо, что промахнулся, а то бы увидел небо в клетку. А ну, брысь отсюда, охотник липовый!..

С той же взрослой, хмурой досадой Витька поглядел на Анатолия Ивановича из-под длинных ресниц.

— Тоже сторож на нашу голову!..— пробормотал он и не спеша побрел прочь.

Когда мы вернулись к челноку, я спросил Анатолия Ивановича:

— А почему у вас, в самом деле, нет сторожа?

— Как же, были у нас сторожа,— отозвался Анатолий Иванович, коротко усмехнувшись.— Только сторож — сторожем, а охрана дичи — народное дело!

За дни совместной охоты я хорошо изучил своего егеря. За его усмешкой что-то скрывалось.

— Чему вы улыбнулись? — спросил я.

И, подтверждая мою догадку, Анатолий Иванович нехотя ответил:

— Долгая история...

На носу челнока лежал тощий, жалкий хлопунец. С первыми лучами солнца он начал явственно попахивать, нежное мясо этих утиных недоростков портится молниеносно. Я вспомнил вчерашнюю охоту, удручающий, мертвый покой Озерка, не потревоженный ни единой подсадкой, и мне захотелось услышать историю такую долгую, чтобы мы пропустили утреннюю збрю. Я сказал:

— Выкладывайте вашу историю...

Мещерские егери — народ очень обязательный. Анатолий Иванович и в этом, как и во всем другом, превосходил своих собратьев. Профессиональная деликатность вынуждала его, вопреки врожденной молчаливости и сдержанности, рассказывать мне всякие мещерские истории. Вот и сейчас, не выразив ни малейшим движением докуки, он затянулся крепким самосадом, выпустил дым двумя сизыми столбами из ноздрей и неторопливо начал:

— После войны к нам долго не назначали сторожа. Мы уж начали забывать, какие они сторожа из себя есть. Когда же наконец сторож явился, мы и внимания на него не обратили. Потом видим — по деревне бумажки расклеены. Написано чернилами на обойных обрывках: кто попадется на отстреле уток в заповеднике или раньше положенного срока, будет подвергнут штрафу. Внизу — титул и подпись. Наши посмеялись: мол, стрелять стреляй, только не попадайся. Дело было в августе, в тот год утка сильно на разлив Пры тянула. Разливом мы называли широкое место у запруды. Вот сколько я здесь живу, а сроду такого не наблюдал. На Великом, на Святом, не говоря об Озерке, против обычного куда как пусто было, а на разлив вся утка шла. И так это низко шла, что мы все диву давались. Незадолго перед тем разлив объявили заповедником какого-то охотничьего общества, но охраны не поставили. И мы все подались к запруде и били там утку в лёт, в открытую, без всяких шалашей. Как-то вечером собралось нас там человек шесть или семь, в том числе братья Ермольевы: Славка и Глупой, самые завзятые браконьеры во всей Мещере. Славка — тот из амнистированных, озорник и нахал, каких мало. Глупой — инвалид, он пьяный под «кукушку» угодил. Ему чуть не всю черепную крышку снесло, вместо кости одна кожица. Когда он голову наклонит, мозг, как недоношенное яйцо, под кожей выкругляется. Еще у него не то трех, не то четырех ребер не хватает. Несчастный человек, но сволочь. У нас, что говорить, многие браконьерят, а того, чтобы самок весной бить, никто себе не позволяет. А Глупой бил, без счета бил. Когда его пробовали усовестить, он разводил руками: «Правда ваша, глупой я, глупой!» — и продолжал разбойничать. А был он вовсе не глупый, а хитрый и злой. Денег от охоты порядком зашибал и все на одежу тратил. В праздник наденет костюм-тройку, галстук повяжет, натянет на уши шляпу и ходит по деревне, гордится. «Глядите на меня,— говорит,— чем не картинка? А под шляпой пусто, под жилетом пусто. Весь я пустой, одна видимость!». Но эта видимость была на редкость жадной: к деньгам, к вину, к бабьему полу. Как напьется, не то что девок, баб замужних хватает. Знал, что на инвалида ни у кого рука не подымется. Да и на брата Славку рассчитывал. Славку боялись. О нем слух шел, что он за мокрое сидел. Славка, тот был на другой манер, но еще хуже: он больше по лосям норовил. У нас в Мещере лося повыбили сильно. Но лось упорный, гибели сопротивляется. Глянь, опять появился. Славка все делал, чтоб в наших краях лося извести. За отстрел лося пятнадцать лет давали, и если кто баловал этим делом, так, конечно дело, утайкой. Убьет лося, зароет в лесу, потом ночами тайком пробирается, чтобы отрезать мясца. А Славка за убитым лосем на телеге ездил. Прикроет рогожей и везет. «Славка, чего везешь?» Блеснет черным глазом: «Телка в лесу резал». Мне думается, если б за лося не полагалась тюрьма, он бы так не увлекался. У нас колхоз был слабенький, на колхозное никто не прельщался. А у Славки в заводе было нарыть колхозной картошки или обчистить колхозный улей. И ведь без нужды — у них самих и огород и пасека. А вот нравилось ему наперекор жить. Да что колхозное, он над своими же собратьями-охотниками озоровал: то чужую сеть выберет, то чужие силки очистит. Шалаша он себе сроду не ставил, только чужими пользовался. Спросите, может, почему молчали? Связываться не хотелось, он на крайность мог пойти. А кому охота из-за такой мрази жизни или свободы лишаться?

Ну, вот, приехал озерный сторож на разлив к самому что ни на есть слету уток и браконьеров. Остановил свой челнок, достал книжечку, карандашик и стал что-то записывать Мы и внимания не обратили, пока он не спросил у свояка моего, Костеньки, фамилию. У нас в Мещере кто маленько солидности не добирает, так до старости лет ребячьим именем обходится. Ну, Костенька припомнил свою фамилию: «Кульков, Константин Петрович Кульков. А вам зачем это требуется?» «Затем, что каждого, кто в этом списке, на первый раз оштрафую на сто рублей, при повторе на триста, а потом — суд».

Только он это сказал, к нему Глупой на челноке — шасть! «Зачем же ты нас пишешь? — говорит.— Глянь, какие у нас ружья. Разве из этих ружьишек чего подстрелишь?». Сторож посмотрел: ружьишко, верно, дрянь, ложа проволокой обмотана, а только на корме у Глупого больше десятка набитых уток.

«Вижу, какие у вас ружьишки»,— усмехнулся и дальше пишет.

Тут Славка подплыл и говорит: «Нет, не видишь ты, дурья голова. Ружьишки такие — бьют, куда не положено. Целю я в утку, попадаю в тебя». И курóчками щелк-щелк. Тут сторож действительно разглядел, если не ружьишки, то охотников. Вид у братьев Ермольевых, прямо сказать, звероватый. Оба носатые, угрястые, черные, смуглые. Только Глупой все улыбается, а у Славки губы как слеплены. Сторож ничего не сказал, вырвал листочек из книжечки, разорвал его на мелкие клочья, кинул в воду и утек. Долго после того эти клочья возле наших челноков плавали. Сторожа через месяц отозвали, а вернее, он сам отпросился.

На его место прислали бывшего армейца, из ротных старшин. Приехал он с сундучком, со старенькой берданкой, с одеяльцем-скаткой, в усах и при медалях. Солидный такой человек, лицо строгое и доброе. Видно, прибыл сюда с таким расчетом, что на покой. Только покоя не вышло. Не знал он Мещеры. Как приехал, в тот же вечер пришел ко мне на завалинку. Вы знаете, там всегда после ужина народ на перекур собирается. Поздоровался, назвался, все чин-чином, и говорит: «Давайте в мире жить, я зря никого не обижу, ну и вы меня не обижайте». Помню, брат мой еще спросил его: «Зачем же нам тебя обижать?» «Не меня,— отвечает,— уточек, зверушек. Договоримся, чтоб все по закону было». Очень он нам всем понравился. Так по душе пришелся, что на другой день Костенька его обедать к себе пригласил. Тот задумался было, но Костенька сказал: «Сам же призывал нас в мире жить». Принял солдат приглаше-

ние, свои пол-литра поставил. Обед был, известно, мещерский: заливное из утки, суп с утиными потрохами, пареная утка с мочеными яблоками. Съел солдат обед, косточки обглодал, ну, маленько порассказал о себе, мол, такой он и сякой, шилом бреется, под водой костер разводит, одно слово — пехота, поблагодарил хозяев и спать пошел. Утром проснулся — на разливе шум, треск, пальба, а дело-то в июле было, до открытой охоты недели за три. Солдат только брюки натянул, босой, в майке выскочил. Стреляют по всей реке, даже у самой его избы, в сотне, может, шагов, кто-то упражняется. Кинулся солдат туда во весь задых и накрыл Глупого. Ох, и ругался солдат, и совестил он Глупого. А тот выслушал спокойно и говорит: «Незаконно, непозволено!.. А утку, незаконно набитую, жрать позволено?». «Какую утку?» — опешил солдат. «А такую, что у Костеньки вчерашний день наворачивал. Заливную, пареную, жареную». «Что врешь? Я домашнюю утку ел!». Глупой как расхохочется. «Хорош сторож: дикую утку от домашней не отличает! Станут на тебя домашнюю птицу изводить, когда кругом дичи полно!». Понял солдат, что его провели. Пожилой он был человек, тертый, во многих водах мытый, а тут не выдержал, заплакал. Мы, как узнали об этом, пожалели солдата. «Не бойся,— говорим мы,— на тебя доказывать не станем». «Нет,— говорит,— я сам на себя докажу. Все равно не будет мне жизни, раз я у вас в руках». Снял он свои медали, скатал одеяльце, сундучок подмышку и был таков.

После солдата прислали к нам еще одного. Ну, этот совсем на другой манер оказался. Звали его Павлушей... Нет, вру я, до Павлуши еще один был. Только о нем и сказать нечего. Собирал он в лесу грибы да ягоды, охотился помаленьку, рыбку ботал, самовар шишками сосновыми палил. А коли слышал где выстрел, так стороной обходил, от греха подальше. Словом, жил по правилу: вы меня не трогайте, я вас не трону. Такие сторожа, между прочим, дольше всех держатся. Но только не у нас. Мы уж на сторожей балованные были. Поглядели наши, поглядели и не выдержали. Человек жалование от государства получает, сытно живет, а долг свой не исполняет. Сроду у нас заявлений никто не писал, а тут послали в город бумагу. Дескать, мы, как сознательные советские люди, возмущены подобным поведением... Ну, его сразу отозвали и прислали к нам Павлушу Старшинова...

Анатолий Иванович прервал рассказ и стал скручивать папиросу. Затем хмуро произнес:

— Зорю пропустим за рассказом-то...

— Бог с ней, на Озерке все равно толку не будет. Лучше позже на подъем попробуем.

— Так вы же на подъем не умеете?

— Тем более спешить некуда...

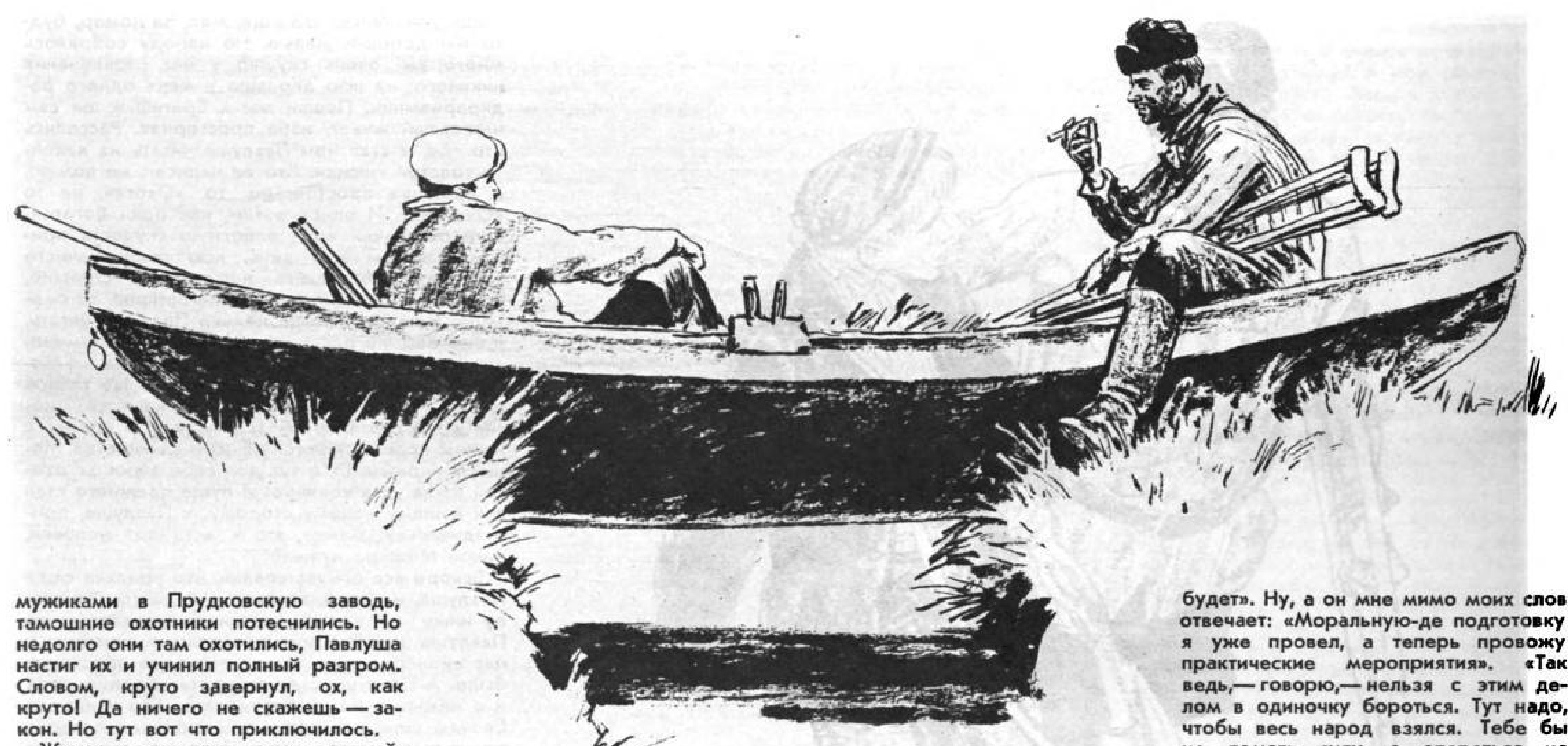
— Дело хозяйское,— пожал плечами Анатолий Иванович.— Так вот Павлушу этого мы даже с некоторым интересом ждали. Чем нас город теперь порадует? И порадовал нас город, только от радости этой много потом горя вышло. Приехал к нам мальчишка, годов девятнадцати — двадцати. Нашим это даже маленько обидным показалось. Был лесничий, был солдат, был не разбери-пойми, но тоже почтенного возраста человек, и вдруг — мальчишка! Особенно расстраивался Костенька. «Неужто мы кого посолиднее не заслужили?» Все же охотники — народ осторожный — решили вывода загодя не делать, подождать да посмотреть, что за птица. Ведь и чирок среди уток невеличка, а быстрей всех летает.

Только он, значит, явился, как тут же объявление сделал, что вечером будет читать вслух книжку, занимательную для всех охотников. Наши удивились: что еще, мол, за номер, будто мы детишки малые. Но народу собралось много, уж очень скушно у нас, развлечения никакого: на всю деревню у меня одного радиоприемник. Пошли мы к братишке, он сам четвертый живет, изба просторная. Расселись кто где, и стал нам Павлуша читать из какой-то толстой книжки. Кто ее написал, не помню, а название простое, не то «Охота», не то «Охотник». И описано там, как один богатейший охотничий край в полную скудость пришел, как там всю дичь, всю рыбу начисто истребили. Интересно написано и страшно. Если кто в смех на это чтение пришел, то смеху не вышло. И когда кончил Павлуша читать, долго еще не расходились. Старики вспоминали, какая в прежнее время охота была на Мещере, какая водилась дичь и какая же теперь против прежнего бедность. Мне кажется, многие в тот раз впервой задумались: а что же с нашим краем станется? Я-то и раньше за Мещеру переживал, а тут дал себе зарок: с охотой из-за угла кончено. И пуще прежнего стал я к нашему новому сторожу, к Павлуше, приглядываться: может, это и есть тот человек, какой Мещере нужен?

Вскоре все почувствовали, что приехал сюда Павлуша, и верно, всерьез и надолго. Поначалу иным из наших охотников казалось, что Павлуша чудит. Многие ребятишки считались у нас пионерами, да только это одно прозвание было. А Павлуша стал собирать этих пионеров и о чем-то с ними беседовать. Что у них за беседы шли, узналось, когда первая матерая прокрякала над Великим. Поехал Костенька на охоту, при которой не говорят «С полем!», но сколько ни палил, ни одной утки убить не смог. А когда разрядил патроны, увидел, что они вместо пятерки бекассинником заряжены. Это его сын Петька подстроил. У Игната Савельича вовсе порох оказался подмоченным, у Толстикова все патроны — холостыми. Тут мы и выяснили, что Павлуша создал кружок в защиту природы и животного мира, куда записались все пионеры. Конечно, этим защитникам природы крепко по круглому месту досталось, а с Павлушей поговорили: нельзя-де ребят подговаривать добро портить. Но он доказал, что никого не подговаривал, ребята сами додумались. После пионеры стали сообщать Павлуше, где кто браконьерит, он сразу выезжал на челноке и налагал на браконьера штраф. Наши подались дальше, к Прудковской заводи, но оттуда их прудковские мужики поперли.

Пробовали напугать Павлушу. Костенька ему старым манером насчет ружья пригрозил. Павлуша спокойно выслушал и говорит: «Коли у вас такое плохое ружье, что бьет, куда не положено, лучше вам от него избавиться, не то беды наделаете». Вырвал ружье из рук Костеньки и швырнул в озеро. Костенька после того цельный день телешом на дно нырял, пока не отыскал свою тулку. Другой раз Глупой послал заряд над самой павлушиной головой. А когда Павлуша подплыл к нему, он содрал шапку и стал мозгом болтыхать с криком, что он, мол, глупой, и ему закон не писан. Павлуша протянул руку и положил ладонь Глупому на маковку, на самую выпуклость. И молчит, только в глаза Глупому смотрит. Глупой ужасно побледнел, и тут мы увидели, что под всей его наглостью хоронится страшная робость больного человека. С тех пор Глупой больше не выезжал, а шалаш его занял Славка, который утиную охоту не особо уважал, но мечтал столкнуться с Павлушей. Тот, однако, на рожон не полез. Сидит раз Славка в шалаше и видит: плывет дубок, в нем три охотника и постреливают себе маленечко по летящим уткам. Похоже, какие-то городские пижоны. А когда подплыл дубок к самому его шалашу, оказалось, что это Павлуша, лесничий и милиционер из города. Отобрали они у Славки всю его добычу, ружье, челнок да еще триста рублей штрафу наложили.

Вообще, действовал Павлуша смело и хитро, по надобности, чувствовалось, что он не только к своей должности готовился, но и сам охотничий навык имеет. Так оно и оказалось: он был родом вологодский и всю нашу повадку насквозь видел. И надо сказать, он почти сорвал у нас ту мещерскую охоту, которая раньше сезона начинается. Он бы и совсем ее порешил, кабы не тот же Славка. Славку все побаивались, и когда он отправился с нашими



мужиками в Прудковскую заводь, тамошние охотники потеснились. Но недолго они там охотились, Павлуша настиг их и учинил полный разгром. Словом, круто завернул, ох, как круто! Да ничего не скажешь — закон. Но тут вот что приключилось.

Живет у нас один егерь, старый-престарый, его все Дедком кличут, даже собственная жена. Когда-то был он знаменитым на всю Мещеру охотником, да с той поры ослабел, утратил глаз и руку. Но по старой привычке тосковал по охоте и нет-нет выбирался на своем челноке «чаек пугать». Приехал раз к Дедку на побывку внук из армии, ну, и захотелось старому пыль пустить: угостить внука утиным мясцом. Взял он свою пушку, себя древнее, и потрюхал в заповедник на разлив: до Великого ему при его силенке и за день не добраться бы. Просидел он в камышах цельное утро зазря — то ли подсадки не было, то ли старые глаза ничего на воде не видели. Так без выстрела и собрался Дедок в обратный путь. Только из тайника выплыл, как вдруг зашумело что-то в камышах близ него. Пальнул Дедок наугад, подплыл — здоровенный хлопунец, что твой селезень! Забрал Дедок добычу и сам не свой от радости отправился домой. А у самого берега наткнулся на Павлушу. Ну, тут все произошло, как положено. Челнок, ружье и добыча отобраны, а на Дедка наложен штраф — три сотни. Дедок и так и этак упрашивал Павлушу, он уж рад был и с челноком и с ружьем расстаться, только бы ему хлопунца оставили. Видно, уж очень хотелось ему свою стариковскую гордость потешить. Что до трехсот рублей, так это Дедка меньше всего смущало: для него все одно, что триста, что миллион. Но, куда там, Павлушу ничем не проймешь, когда он свой долг выполняет. Старик как приполз домой, так и слег от огорчения. После мы с братом и Костенькой пошли к Павлуше, чтобы на снисхождение к Дедку склонить. Он поглядел на нас, будто на ребят малых: «Разве я для себя стараюсь? Не просите, браконьерам пощады нет и не будет». «Ну, какой Дедок браконьер? Старый, слепой человек, хлопунец сам на выстрел нарвался». «Долг есть долг,— отвечает.— Коли я спущу Дедку, так должен спустить и другому и третьему, тогда конец закону». «Зачем другому спускать, ты одному Дедку прости, за других и разговор не идет». «Не могу. Закон существует для всех». И что бы мы ни говорили ему, пытаясь до сердца его добраться, он словами от нас загораживался. Тяжелыми такими словами, как булыжники в Клепиках. И мы, трое взрослых людей, каждый со своей жизнью, так ничего и не поделали с этим пареньком. Одного только добились: обещался вернуть Дедку челнок и ружье, если штраф уплатит... Да ведь я уже говорил, какой Дедок богатей...

А вскоре еще один случай приключился. Была у нас телятница Нюрка, девчонка лет шестнадцати. Родился на ферме бычок, слабый, хилый, не в пример другим. Нюрка сама этого бычка принимала, сама его выхаживала и через соску поила. Потом бычок заболел, и как она билась, чтобы на ноги его поставить! Ночей не спала, за ветеринаром на дубке в Коньково раз пять ездила, за лекарствами в город ходила, а до города, сами знаете, двадцать с лишком километров. Вся извелась прямо, а добилась-таки, что бычок ожил. И такой красавец вырос бычок: крепкий, лобастенький, шерстка, что шелк, веселый, задиристый, только ее и слушался. У нас всех бычков Васьками кличут, а этого она Миленком окрестила, на другое имя не отзывался. Тут пришло время мясопоставку сдавать. Ну, Нюрка нашему председателю Дусе за своего Миленка чуть глаза не выцарапала. А как приехали за телятами, все Васьки налицо, а Миленка след простыл. Кинулись к нюркиной тетке — она у тетки жила,— бычка и там нет. Только на четвертый день нашли его в Кучкинском лесу на полянке. Миленок травку пощипывает, а Нюрка его с ружьем сторожит. «Убью,— говорит,— всякого, кто подойдет», а сама дрожит, как осинка. Наш завфермой с бригадиром так бы и убрались ни с чем, да тут Павлуша оказался, с обхода шел. «Что тут у вас?». Те объяснили: так, мол, и так. «Вот как вы свой долг выполняете? Из-за вашего слюнтяйства колхоз мясопоставку срывает». Вскинул тройничок да и пустил теленку пулю в лоб...

Правильный вроде поступок, а всем как-то нехорошо стало. Правильность тоже разная бывает. Иная правильность мимо человека глядит... К тому еще Нюрка после этого сбежала из дому, и тетка ее чуть не трехнулась. Правда, потом слух прошел, будто Нюрку на торфоразработках, под Черустями, видели.

И озлился на Павлушу наш тихий народ. Раньше, поначалу, никто на него сердца не держал, кроме, конечно, Ермольевых, да те и самих-то себя не любили. Павлушей у нас даже гордились: «У нас-де сторож! Зверь-сторож!». Нам другие охотники почти что завидовали. Но грозностью своей пустой Павлуша всех оттолкнул, обидел и озлобил. Народ все поймет и простит, коли смысл видит, а нет смысла — нет и доверия. И как то всегда бывает, захотелось каждому что-нибудь во вред Павлуше сделать. Дескать, кто — кого. Тут уж пошло не браконьерство, а форменный разбой. Те, кто сроду лосей не бил, стали над сохатым свирепствовать. Славка Ермольев, как самый досадительный, заделался у нас первым героем. Глядя на эту войну, я прямо затосковал и решил Павлушу на разговор вызвать. «Может,— говорю,— ты с нашими мужиками по-хорошему обговоришь? А то ведь добра не будет». Ну, а он мне мимо моих слов отвечает: «Моральную-де подготовку я уже провел, а теперь провожу практические мероприятия». «Так ведь,— говорю,— нельзя с этим делом в одиночку бороться. Тут надо, чтобы весь народ взялся. Тебе бы не ломать силу, а опереться на нее — на тех, кто хоть грешит браконьерством, а край свой больше того любит». «На кого же это,— говорит,— на тебя, что ли? Ты сам браконьеров защищаешь». Это он случай с Дедком припомнил. «На меня,— говорю,— на брата моего, еще народ найдется. Какие мы ни на есть, а гибели Мещере не желаем». Тут он задумался, потом говорит: «Ладно, помогите мне Славку накрыть и укатать в тюрьму, чтобы другим неповадно было». «Да разве в Славке дело? Ну, укатаешь ты Славку, еще кого, всех же не укатать?» Он поглядел на меня этак удивленно, глаза большие, чистые: «Отчего же? Всех, кто нарушает закон, щадить не будем».

Ну, думаю, надо Мещеру спасать от этого сторожа. Стали мы с мужиками соображать, как быть, да тут жизнь сама нам навстречу пошла. Славку Павлуша все-таки застукал, когда тот лося бил, и укатал, на сколько положено. И, видно, в учет больших его заслуг по охране наших водных и лесных богатств перевели Павлушу в главное лесничество с повышением. Собрал он свой чемоданчик и отбыл, аккуратный, серьезный, правильный, во всем в себе уверенный, молоденький, а уже страшный. Тут у нас сразу поприутихло, с устатку, видать...

— И что же, теперь вы без сторожа? — спросил я.

Анатолий Иванович задумался, как бы подыскивая ответ:

— Теперь у нас колхоз сторожем.

— Это как же?

— А так. В нашем районе нового секретаря выбрали, Вишнякова. Может, слышали? Ну, он нашу жизнь с головы на ноги поставил. Народ к колхозу повернулся. У нас теперь трудодень двадцатку стоит, и уж не в охоте основа жизни. Вот потому я и сказал: колхоз — сторож. Он трудоднем, рублем сторожит...

— И что же, совсем не стало браконьерства?

— Почему же, бывает. А только это уж не главная опасность. Мы теперь это дело в свои руки взяли. Кто же больше мещерского охотника заинтересован, чтоб не перевелась в Мещере дичь? Решили: быть сторожем мне, а на каждый сезон дают мне двух помощников из наших же стрелков. Охотники знают, зря я их не ущемлю, могу и сквозь пальцы на иной грех взглянуть, но и обмануть себя тоже не позволю. И сейчас случается, нарушают. Вот вы видели — сами боятся, ребятишек посылают. С этим делом в один год не управишься. Главное, что на правильную дорогу стали. Одного мы теперь опасаемся,— Анатолий Иванович улыбнулся узкой, неразвернутой улыбкой,— как бы Павлуша на своем высоком месте не проштрафился. А то, не ровен час, назад пришлют...

В. М. Максимов (1844—1911). БЕДНЫЙ УЖИН. 1879. **Иркутский областной художественный музей.**

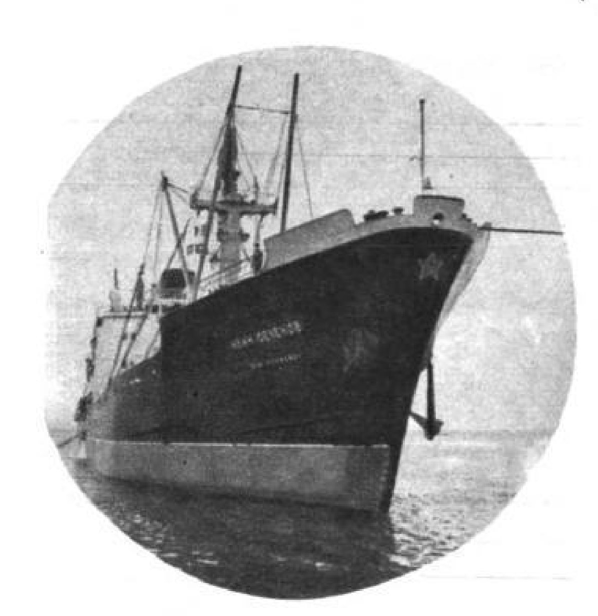
П. Н. Грузинский (1837—1892). ДОМОЙ. 1881.

М. К. Клодт (1832—1902). ВОЛГА ПОД СИМБИРСКОМ. 1881.

А. М. Васнецов (1856—1933). ПОСЛЕ ГРОЗЫ.

Иркутский областной художественный музей.

ЕГИПЕТ,



АЛЕКСАНДРИЯ

Ник. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Недавно я получил специальный документ корреспондента при вооруженных силах Организации Объединенных Наций. В нем тщательно зафиксированы мой рост, вес, цвет глаз и волос. Но даже с этим документом нельзя проехать в район Порт-Саида. Журналисты ежедневно атакуют командующего вооруженными силами ООН генерала Бэрнса. Генерал устало отшучивается и разводит руками: ничего определенного сказать он не может. Информационный центр ООН несколько раз ставил перед англо-французским командованием вопрос о допуске представителей печати в Порт-Саид, но каждый раз колонизаторы отвечали категорическим отказом. Они боятся, что мир увидит их чудовищные преступления в этом египетском городе. Но и в других городах страны можно видеть следы злодеяний воздушных пиратов.

Я побывал в Александрии. Этот город был тоже подвергнут варварской бомбардировке англо-французской авиации. Разрушенные здания Александрии говорят каждому: «Злодеяния агрессоров нельзя оставить без должной кары и без возмещения!»

На снимке вы видите разрушенный англо-французскими бомбами почтамт Александрии.

Туманным декабрьским утром в Александрийскую гавань вошел большой красивый корабль под государственным флагом СССР. Люди на рыбачьих фелуках, на проходящих мимо портовых катерах и буксирах машут ему руками, кричат слова приветствий. Это турбоход «Иван Сеченов» доставил в Египет братский дар советского народа. На его борту — 3 тысячи тонн пшеницы, полмиллиона банок сгущенного молока, на 3 миллиона рублей медикаментов, на 600 тысяч рублей медицинского оборудования, госпиталь на 300 человек с полным оснащением, 10 санитарных автомобилей, 15 палаток для полевого госпиталя. Корабль медленно разворачивается и, влекомый буксиром, подходит к причалу.

На пристань встречать советский корабль пришло множество людей. Среди них представители египетского общества Красного полумесяца, губернатор Александрии Мухаммед эд-Диб, многочисленные журналисты.

→

Глава советской делегации Н. С. Хмелев в своем выступлении сказал: «Эти грузы — бескорыстный дар, который с любовью и симпатией прислали вам миллионы советских людей. Пусть наш дар поможет вам быстрее залечить раны войны и послужит вкладом в ваше благородное и священное дело — дело борьбы за свободный, независимый и процветающий Египет». Вице-председатель египетского общества Красного полумесяца доктор Мансур Фахми от имени египетского народа горячо поблагодарил за дружескую помощь советских людей. На снимке (слева направо): посол СССР Е. Д. Киселев, Н. С. Хмелев и вице-председатель общества Красного полумесяца Мансур Фахми.

— Ваш язык очень труден, зато работать с вами очень легко. Ваша дружба дорога нам, как влага в пустыне,— говорит грузчик Ахмет Фатхи Владимиру Гаврюкину и Владимиру Волошину, матросам судна «Илья Мечников», которое также доставило в Египет пшеницу — подарок советских людей.

→

САМОЕ ДОРОГОЕ

Сборочный цех Завода внутришлифовальных станков.
Фото Б. Кузьмина.

Я. ФОМЕНКО

Сидящий рядом пассажир обнадежил меня:

— Тут найдете занятных людей. Лихие работяги!

Протерев рукавицей запотевшее стекло, он указал на зеленые ворота:

— Вот вы и приехали...

Мое появление в помещении партбюро вызвало веселое оживление среди присутствующих. Я не успел назваться, как услыхал возглас:

— Только «Вокруг света» не хватает!

Михаил Петрович Нефедов, секретарь парторганизации, чуть смутившись, говорит:

— Понимаете, бедствие, да и только. Не знаем: не то работать, не то интервью давать...

...Так бывает: ищешь одно, а находишь другое. Я приехал с намерением разыскать современного, советского Левшу. В адресе я не ошибся. Завод внутришлифовальных станков называют еще заводом прецизионного, проще, особо точного станкостроения. Именно тут можно встретить мастеров обработки металла, превзошедших героев лесковского сказа, что подковали «аглицкую блоху — нимфозорию».

Адрес верный, а вот тема, она не то что ускользала, а расширялась до необъятности, захватывала и жгучие проблемы производства и сложную область взаимодействия между литературой и действительностью. После того, что я узнал в партбюро, меня уже не так привлекали тайны мастерства отдельных людей, как жизнь заводского коллектива в целом, и главное — тема трудовой чести, оскорбленной моими собратьями по перу.

Как это было

До мая 1956 года, пожалуй, никто на заводе и не задумывался о степени популярности такого журнала, как «Новый мир». А вот в мае люди завода бегали по библиотекам и книжным ларькам в поисках только что вышедшего пятого номера журнала. Раздобыв его, они углублялись в чтение очерка А. Безыменского и И. Вайнберга «Дорогу техническому прогрессу!»

В самом начале очерка авторы излагали свое творческое кредо: «Для того, чтобы действовать без ошибки, с наименьшими потерями сил и времени, прежде всего надо знать то хорошее, что сделано и придумано твоими товарищами по труду. Надо рассказывать об этом хорошем, чтобы каждый мог сделать его своим оружием в трудовых боях шестой пятилетки.

Владея этим оружием, легче победить...

Надо знать и то плохое, что еще не преодолено, не побеждено, не выкорчевано. Надо исследовать его истоки и русла, разгадать его уловки, хитрости, увертки, повадки. Надо говорить о нем всю правду, пускай злую и обидную, ибо самое опасное на свете — это лгать самому себе...»

— Золотые слова! — восклицали про себя слесари, шлифовщики, мастера, инженеры.

Очерк читали в одиночку и компанией, про себя и вслух... Читали в красных уголках и просто где-нибудь в укромном уголке заводского двора. Читали на квартирах. Прочитав и обменявшись короткой фразой или долгим вздохом, расходились.

Чуть погодя читатели начали «реагировать». Кто легок на мысль, встретив товарища, спрашивал:

— Читал? Ох, и здорово пропесочили!

То, что было написано о заводе, его директоре, кое-кем воспринималось как «новое слово» в очерковой литературе, как сенсация.

Иначе «реагировали» люди солидные, не один год труда отдавшие заводу. Они опускали глаза друг перед другом. Им было стыдно.

Не самих себя, не своих дел они стыдились. Нет. Им было стыдно за тех, кто, клянясь правдой, ославил их на весь свет, незаслуженно оскорбил. Да, то, что утверждали очеркисты, оскорбило коллектив! Они писали, что на заводе и не пахнет техническим прогрессом. Где там! Надо ломать «технический регресс, пока что имеющийся в производственной и творческой жизни ЗВШС».

«Что такое ЗВШС? Это мы. Значит, мы пятимся назад? Всюду в стране люди добиваются чего-то хорошего, стремятся к новому, а мы, как олухи царя небесного, возвращаемся к жестянкам для гуталина? Неужто такую галиматью можно выдать за правду? Не может этого быть!»

Так спрашивали самих себя люди, создавшие завод, те, кто каждодневно творил на нем что-то новое. О банках для гуталина вспоминали не случайно. Когда-то на этом месте, на заводе Жакб, выдавливали из жести баночки под ваксу, а из фольги — дешевого блеска нимбы для ликов святых. При слове «регресс» всплывали в памяти старых производственников времена «гуталинной индустрии». Стыд сменялся горячим чувством протеста. Рабочие спрашивали членов партбюро: «Неужто оставите без ответа?»

Шла летняя пора, пора отпусков, экскурсий, поездок на курорты. То авторов, то кого-нибудь еще не было в Москве. Только в августе собралось партийное бюро с активом, чтобы обсудить очерк.

Резолюцию приняли мягковатую: «сработала» привычка полагать, что написанное пером не вырубишь топором. А через две недели конференция рабочих-читателей громко сказала: «Нет, можно вырубить! Нашей, рабочей правдой!» Авторам пришлось туго. Не помогли ни заносчивость, ни высокомерно-снисходительное отношение к мнению «своего читателя». Произведение было отвергнуто как неправдивое.

В конфликт вмешалась «Литературная газета». В статье «Писатели и читатели» очерк брался под защиту, а заводскому коллективу походя было сказано, что он не в состоянии без помощи извне разобраться в собственных делах. Последнее прозвучало так: «Осади назад!»

Не остыли страсти, вызванные вмешательством «Литературной газеты», как газета «Труд» напечатала новую статью А. Безыменского. Пренебрегая уроком, коллективно преподанным ему рабочим читателем, А. Безыменский взялся оградить от «беззаконий» известного всем рабочим завода бузотера Касаткина. Чаша терпения, как говорят, переполнилась.

Конец октября. Два дня длится открытое партийное собрание. Заводской клуб набит битком. Беспартийных явилось вдвое больше, чем коммунистов. Это был бой за правду!

...Хожу по цехам, приглядываюсь к людям, к обстановке, заговариваю с рабочими. Еще раз я перечитал очерк и вижу: факты, взятые «с натуры», во многом верны. Есть штурмовщина? Да, есть. Есть неполадки в технологии? Есть. Плоха литейная? Да, неважная. Такому заводу дать бы литейную-лабораторию! А может быть, лучше избавить завод от собственной литейной и снабжать литьем извне? Груб директор? По натуре вряд ли. Но был грех, срывался.

В чем же суть? Задаю такой вопрос многим, и мне отвечают:

— Многое написано верно, а все — неправда...

Первое интервью

На цеховой доске почета под его портретом я увидал цифру: 291%! Три нормы! Напрашиваюсь на беседу.

После работы сидим за столом. Из-за толстых стекол очков на меня смотрят строгие, всегда что-то измеряющие глаза. Так смотрят

обычно взыскательные и очень добрые экзаменаторы: грозно и благожелательно.

Слесарь Михаил Алексеевич Дребков ошибку авторов очерка в «Новом мире» определяет с профессиональной точностью:

— Не с той мерой подошли. Мелко. Не от жизни шли, а от придуманного ими самими плана. Давай, мол, покажем один плохой и один хороший завод. Равновесие. Будто правильно рассуждали. В жизни есть и хорошее и плохое... Только ни то, ни другое не лежит на специальных полочках, как инструмент, допустим. Тут мы старый положили, износившийся, а тут новенький, только со склада. Тут ключи, а тут напильники... В жизни все перемешано. Не так просто разобраться. Полочек-то нету? А в очерке, что в журнале напечатан, наш завод на полке для всего отжившего, а завод имени Орджоникидзе — на полке для только что полученного со склада: все чистенько, ни царапинки, ни зазубрины. И получилась двухсторонняя натяжка. На заводе имени Орджоникидзе чистый рай, на нашем — ад. Там даже для штурмовщины находится оправдание, заранее грехи отпускают, а нам приписывают то, что и во сне не снилось. Регресс!

Мы не напрашиваемся на похвалу, но и подставлять щеки зачем? Регресс! Это же пощечина коллективу! Что самое дорогое для нас? Движение вперед. Трудности, неудобства, штурмовщина, черт там, дьявол, а мы шагаем и шагаем. Оступаемся, шишки набиваем с разбегу, заминки случаются, а все же не пятимся во вчерашний день.

Через мои руки проходят наши станки. Я знаю, что в них плохо и что хорошего. И другое вижу и знаю: выпускаем модель «582» и приготовили уже новую — «5810». Движение? Ясно.

Что бы ни говорили, что бы ни писали про наш завод, а правду не закрыть: каждый наш станок, установленный на другом заводе,— прогресс! Друзей из Чехословакии не объедешь по части техники, а и они не ругают наши станки. Не слыхал, чтоб и китайцы недовольство выражали.

Не простое дело — описать жизнь заводского коллектива. С наскока такое можно нагородить. И вот мне непонятно: перед тем, как сесть писать, А. Безыменский только один раз был на заводе. Кто же Вайнберг? Подручный у Безыменского? Странная система! Мы про каждый болтик думаем: какой размер ему дать, с какой стороны поставить, будет ли надежно держать? И так прикинешь, и так повернешь, и так посмотришь. У писателей, вижу, иначе. Про целый коллектив пишут заочно, не глядя!

Второе интервью

— Я на заводе родился...

Человек, сказавший это, только что проснулся. Он недавно пришел с ночной работы, а я постучался к нему и разбудил.

— Я на этом заводе родился,— повторяет он и рассказывает, как он впервые пришел на завод.

Ясно мне представляется картина. Сорок второй год. Война в разгаре. На Павелецкой набережной появляется этакий мужичок с ноготок в полушубке овчинном, заходит на завод и говорит:

— Хочу работать...

Его спрашивают:

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать...

— Как зовут?

Подросток отвечает коротко:

— Спартак.

Он еще не знает, что в таких случаях говорят фамилию, имя и отчество. Его до сих пор называли только по имени. Он окончил семилетку и не хочет сидеть сложа руки: ведь война!

Так родился один из советских рабочих, сперва токарь, а нынче резьбошлифовщик и отладчик станков высокой точности Спартак Матвеевич Тульпа.

— Понимаете, как мне дорог завод? — спрашивает он меня.— Интересно жить, когда чувствуешь, что растешь, поднимаешься. Я тут рос вместе со всеми. Это же самое дорогое!

Меня покоробило, когда я прочитал очерк в «Новом мире». Читал «Искатели»... Не все нравится мне в этом романе, но он меня чему-то учит. А тут меня оскорбили, понимаете?

Не знаю, что думали авторы, когда писали. Я вижу, что напечатано. Почему меня изображают пешкой какой-то? Могу я согласиться, когда меня уверяют, что директор бьет на дешевый авторитет? Пусть кто-нибудь сунется у наших рабочих завоевывать дешевый авторитет!

Не так я стар, а пережил шесть директоров. Яковлев лучше прежних. Для завода. Раз для завода,— значит, и для рабочих. Почему коллектив защищает директора от Безыменского, Вайнберга? Потому что Яковлев хотя иногда и пошумит, но все же идет с коллективом. В хорошем смысле. А настоящего руководителя рабочий коллектив всегда возьмет под свою защиту.

Как говорят авторы очерка? Защищаете директора? Значит, вы подхалимы. Он вас купил премиями, квартирами, всякими посулами. Низко так думать про рабочий коллектив!

Видите мою квартиру? Я получил ее при Яковлеве. Но я получил квартиру не от директора, а от государства, от завода.

Мое мнение о штурмовщине? Бороться с ней надо! Большое зло! Но не так, как авторы очерка. Взвалить все на коллектив или, как они сделали, на директора... Что пользы? И кому?

Третье интервью

Так вот он, «мой» Левша! Сидит за микроскопом...

Название для профессии Ивана Дмитриевича Власова еще не придумано. Считается он резьбошлифовщиком, а занимается...

— Чем я занимаюсь, вы сейчас увидите,— говорит мне Иван Дмитриевич.— Подойдите, пожалуйста, сюда. Вот валик. Называется масштабным или зеркальным. Что вы на нем видите?

Передо мною валик длиною свыше полуметра, действительно, зеркальный. Но на валике ничего нет. При большом напряжении зрения замечаю наконец тончайшие риски.

— Валик делают наши токари и шлифовщики. Точность обработки? Довести зеркальную поверхность до такого состояния, чтоб под микроскопом, при шестидесятикратном увеличении, вы не заметили следов обработки.

Потом мы берем валик и на всю длину его наносим — вот, с помощью алмаза на этом станке — спиральную риску. Толщина риски? Ваш волос, например, имеет толщину около шестидесяти микронов, а риска — пять — шесть микронов. Вы знаете: микрон — одна тысячная миллиметра.

В авиации есть звуковой, тепловой барьеры, а у нас такие барьеры — каждый микрон точности. Чтобы повысить точность координатно-расточных станков на два микрона — с шести, например, перейти на четыре,— надо перестроить весь завод. Помню, мы начинали с точностей до десяти, двенадцати микронов, а дошли до четырех. Вот эту спиральную риску на зеркальный валик метровой длины мы наносим с максимальным отклонением плюс — минус два микрона. Посмотрите в микроскоп!

Склоняюсь над окуляром. Вижу шкалу-полукружие с цифрами и вертикальную линию-риску, нанесенную алмазом.

— Видите, какими величинами измеряется наше движение вперед, наш прогресс? Невидимыми простым глазом. Один микрон точности — большое завоевание, прыжок на новую ступень прецизионного станкостроения. Ходовые винты для резьбошлифовальных станков видали? Нулевой класс точности. Кроме нас, их никто не делает. Мало-помалу добиваемся... Это же самое дорогое — добиваться чего-то нового...

Я смотрю на Ивана Дмитриевича. И он говорит то же самое, что и его товарищи: самое дорогое — рост, движение вперед, завоевание нового...

* * *

Как хорошо, что автобус свободен в этот поздний час! Ноги гудят после хождения по цехам.

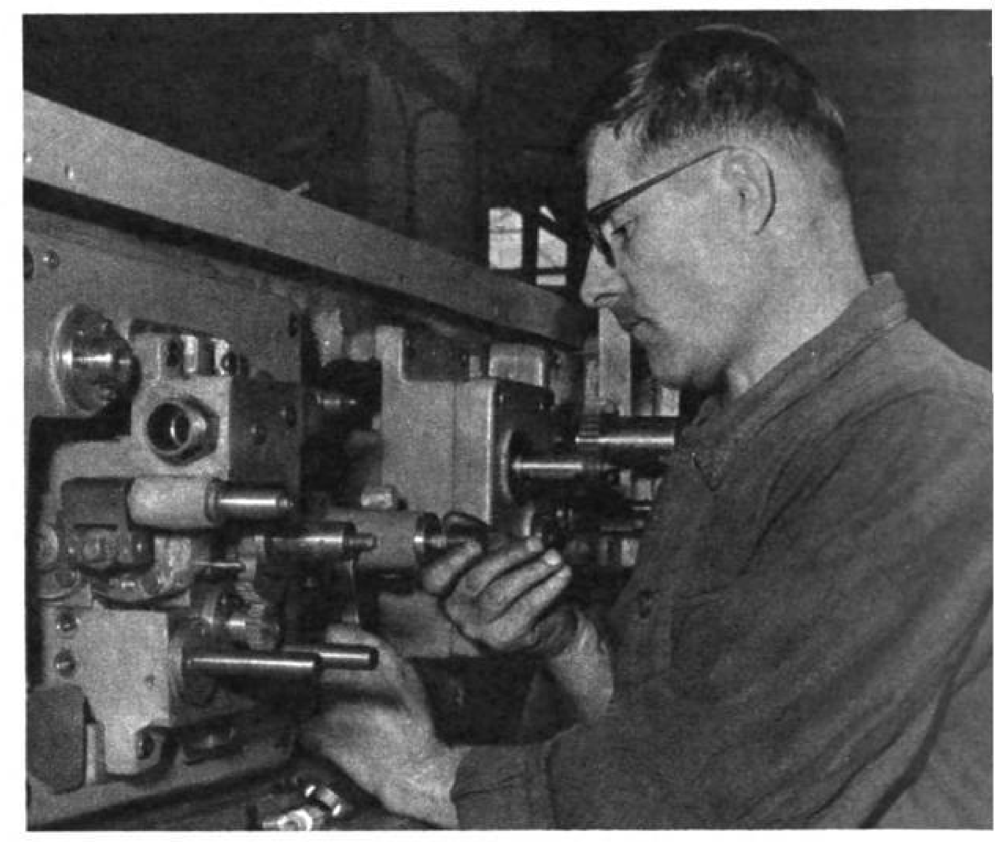
Сажусь, оглядываюсь. С переднего сиденья кто-то приветственно машет рукой и спрашивает:

— Нашли?

Узнаю пассажира, с которым ехал на завод первый раз. Кричу ему:

— Нашел! А как же?!

Я действительно нашел хороших, умных, сильных душой людей.



Михаил Алексеевич Дребков.

Спартак Матвеевич Тульпа.

ДВЕ КАРУСЕЛИ

В. ПОЛЫНИН

Слово «карусель» имеет два значения.

Первое, всем понятное и легко объяснимое, относится к специальному сооружению, предназначенному для катания людей по кругу.

На карусели во втором значении катаются не только люди, кстати, не жаждущие подобного развлечения, но и всякого рода вопросы: поднятые, поставленные, продвинутые, отложенные...

Каруселью первого рода управляет один механик. Вторую карусель раскручивают десятки людей.

Не будем вдаваться в историю и вспоминать, кто из умельцев-мастеровых запустил в Москве веселую карусель с лошадками и лодками. Карусель второго рода была раскручена сравнительно недавно, в 1952 году, когда исполнительный комитет Московского городского Совета создал комиссию по изучению вопроса об аттракционах.

Комиссия доложила исполкому, что развлекательные сооружения в столице приходят в негодность. Существующие аттракционы не притягивают (аттрарре — по-итальянски — притягивать), а скорее отталкивают посетителей от парков. Парашютная вышка со спиральным спуском в Центральном парке имени Горького, служившая когда-то чуть ли не эмблемой парка, сгнила на корню. Комната «головой вниз» тоже сгнила. Сгнили «катальные горки». Пришлось снести «параболоид чудес».

Комиссия предложила построить в столице в ближайшие годы тридцать три новых аттракциона. Посетители парков должны были получить в свое распоряжение «ракетный полет» и «иммельман», парашютную вышку со спиральным спуском и «колесо обозрения», «сталкивающиеся автомобили» и парашютную катапульту, «ракетные снаряды», карусели с самолетами, автомашинами, лодками и многое другое.

Эти тридцать три богатыря-аттракциона наверняка стряхнули бы скуку с самого убежденного скептика. Они поворачивали бы его и вправо, и влево, и вниз головой. Под действием центробежной силы из головы посетителя парка на время вылетели бы все домашние и служебные заботы. И человек улыбнулся бы. А разве это не лекарство?

30 января 1953 года было вынесено решение Мосгорисполкома № 8/2 «О строительстве аттракционов в парках культуры и отдыха города Москвы».

«...Принять, предложить, обязать, поручить»,— так начинались четыре пункта решения, подписанного около четырех лет назад.

Но в списке не была предусмотрена еще одна карусель — бюрократическая. А она-то, в данном случае и вступила в строй.

Моссовет предложил Управлению культуры составить план, а Архитектурно-планировочному управлению — принять этот план к руководству. Горплан должен был учесть ассигнования на аттракционы на 1954—1955 годы.

Все было расписано, как по нотам. Не нашлось лишь исполнителей всех этих планов. Архитекторы заявили, что их специальность — строить дома, а не карусели. Заводы всячески чурались подобной развлекательной продукции.

Всеми правдами и неправдами, просьбами и мольбами клянчили руководители парков у директоров заводов:

— Смилуйтесь! Сделайте нам новую карусель! Наша-то совсем развалилась...

— Не сделаем,— ответили на заводе «Красный пролетарий».— Наше дело — станки, а не безделушки.

Иван Иванович Скиба, главный инженер парка в Сокольниках, хорошо помнит Ивана Макаровича Козенца. Это был энтузиаст аттракционного дела. Много поездил он по свету и сочетал в себе талант массовика и образование инженера. Козенец построил в Сокольниках почти все аттракционы. Но он постарел, ушел от дел, а опыт передать было некому.

— В Москве нет ни одного специалиста по аттракционам,— заявил заместитель начальника Управления культуры Моссовета С. И. Мавроди.— Чтобы пустить в парке фейерверк, мы вызываем пиротехника из Нальчика и платим за это большие деньги.

Можно ли все-таки подготовить энтузиастов-аттракционщиков?

Архитектор магистральной мастерской № 8 института Моспроект Г. Д. Константиновский услыхал, что Моссовет решил строить в столице аттракцион «русские горы». Константиновский хорошо помнит знаменитые «американские горы», выстроенные в Петрограде, существовавшие до войны в Ленинграде. Они были в свое время почти такой же достопримечательностью Северной Пальмиры, как Эрмитаж, или Нева, или «оград узор чугунный». Бывал архитектор за границей, видел там такие же горы, которые на Западе зовутся «русскими», ибо их происхождение ни для кого не является спорным.

Константиновский предложил свои услуги и вместе с архитектором М. И. Евзековой с жаром взялся выполнять решение Мосгорисполкома № 8/2. Были созданы четыре варианта. Все любовно вычерчено, рассчитано, проконсультировано со специалистами-конструкторами.

...Вы подходите к сооружению, которое напоминает игрушечный Памир или Кавказ. Высоко на горе башня с развевающимся стягом. По откосам гор, по чертовым мостам через пропасти петляет железная дорога. Вы садитесь в компании десяти — двадцати человек в миниатюрный вагончик и плавно поднимаетесь к небесам. Минутная остановка. Вы успели оглядеть все окрест. И вдруг вагончик срывается с места. Он летит под гору. Все быстрее и быстрее. Вам кажется, что из-под вас вылетает кресло, на котором вы сидите. Ветер свистит в ушах. С трудом удерживаетесь, чтобы не выдать своего страха. Вдруг что-то подбрасывает ваш вагончик вверх. И снова вниз, и снова вверх. Вдруг поезд летит в озеро. Вы видите, что рельсы уходят под воду. Вы, наверное, вздрогнете. Лишь уверенность в том, что вас не утопят, потому что вы заплатили за вход свой рубль, придает вам мужество. И вы благополучно доезжаете до конечной остановки. Все катание длится несколько минут, а впечатлений на многие годы.

Но, судя по темпам, которыми продвигается это дело, нашему поколению, боимся, не удастся испытать таких ощущений...

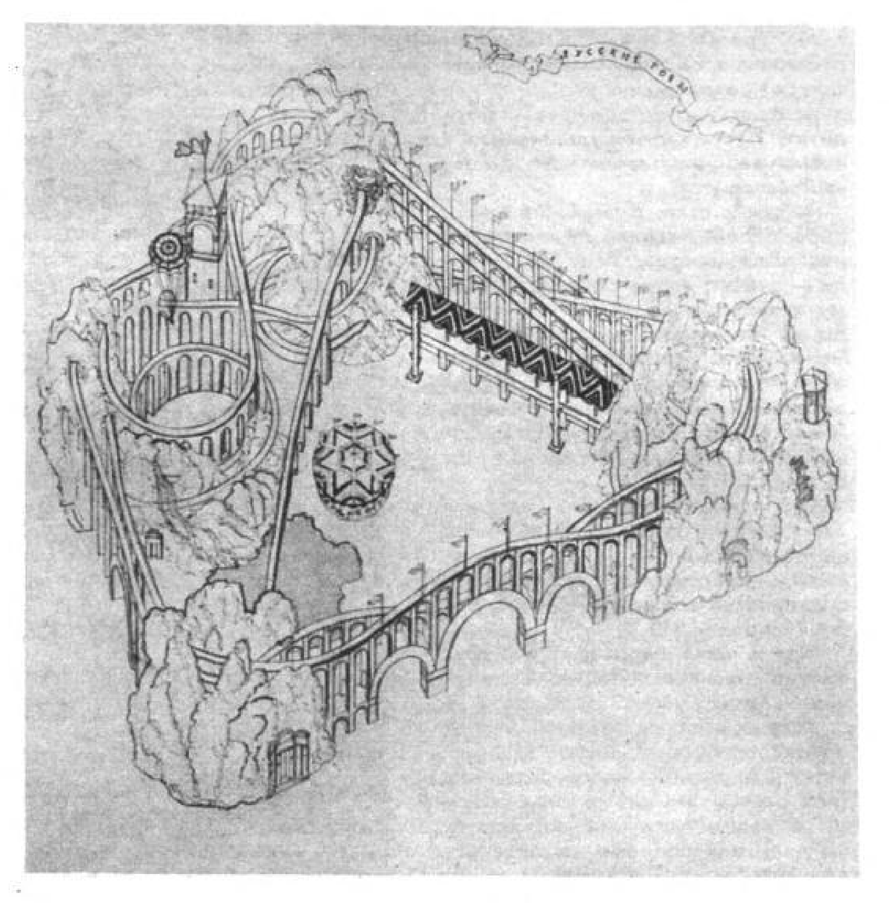
Что слышно сегодня о тридцати трех аттракционах, которые должны были быть построены по решению Моссовета? Ни один не построен и не строится. Составляются лишь рабочие чертежи трех аттракционов.

— Мы с увлечением работаем над проектами,— сказал руководитель сектора механического оборудования института Моспроект Г. С. Хромов. — Но у нас нет никакого опыта, хотя в Моссовете лежат проекты аттракционов, собранные со всего света.

— Все эти аттракционы — пустяки, развлечение,— рассуждают многие.— Какие уж тут специальные заводы! С этим справится и местная промышленность.

Но небольшие цехи и мастерские местной промышленности только и могут выпускать, что кривые зеркала и допотопные карусели. А сложные аттракционы требуют и сложной техники, которой обладают лишь крупные предприятия.

Сейчас зима. Но если бумажная карусель будет попрежнему вертеться, то и к лету не видать нам новых каруселей.



Один из проектов «русских гор».

«Михайло Ломоносов»

Обзор писем

Читатели живо откликнулись на поэму Алексея Маркова «Михайло Ломоносов», опубликованную в №№ 30—31 нашего журнала.

Подавляющее большинство читателей тепло приняло произведение молодого поэта. Поэма «хороша,— пишет из г. Севастополя учительница английского языка тов. Динабурская.— В ней чувствуется творческое волнение (то, чего так не хватает ряду наших поэтов!), тот самый «внутренний огонек», без которого невозможно создать что-то ценное».

«Писать об ученом, о науке — дело нелегкое, можно скатиться к рифмованному трактату,— справедливо отмечает тов. В. Федоров из Харькова,— но Марков счастливо избежал этого».

Некоторые читатели обратили внимание на то, что историческая поэма А. Маркова «Михайло Ломоносов» весьма своевременна и современна. «Новое в поэме то, что автор смог приблизить далекое к нашей современности»,— отмечает тов. В. Ромашов из г. Липецка.

«Михайло Ломоносов» — поэма о современности,— пишет майор юстиции Д. Коновалов из г. Евпатории.— Мы находим в ней ответы на сегодняшние вопросы». Поэма А. Маркова, как пишут читатели,— прежде всего поэма о русском народе, о его величии и громадных испытаниях, о его трудолюбии и многогранной одаренности. Мы еще мало говорим о русском народе, мало говорим о том, что сделано его руками для всего человечества. Об этом пишут начальник смены машиностроительного завода тов. В. Сметанников, академик А. Терпигорев и другие. «Главное, что волнует в поэме,— это вера в талантливый русский народ, который, несмотря на все трудности своей судьбы, идет вперед и несет светоч лучшей жизни для всех народов мира»,— пишет Н. Александрова.

Образ простого русского человека, сумевшего благодаря своему таланту и упорству подняться до вершин познания и прославить свой народ, образ архангельского помора Михайлы Ломоносова вызвал наибольший отклик у читателей.

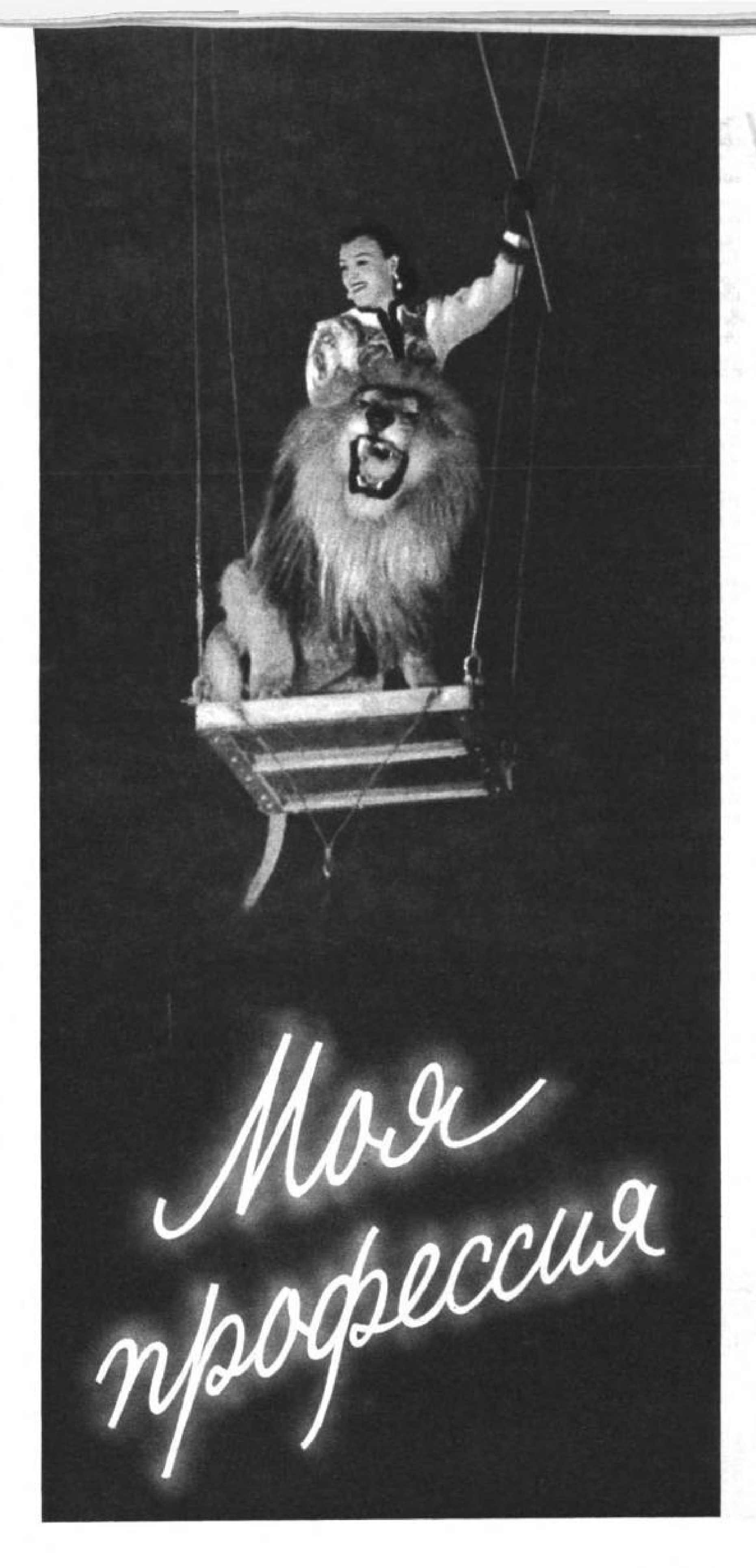
«Еще в школе нам было многое известно о чудо-богатыре науки Ломоносове,— сообщает в том же письме тов. Динабурская.— Но, поверьте мне, никогда образ ученого не вставал передо мной так живо и ярко, как после прочтения поэмы». Товарищ Лазутин отмечает, что поэт сумел в простоте зримого поэтического образа передать величие русского ученого.

«Мне попался журнал с окончанием поэмы,— пишет москвичка Лиля Некрасова,— я рассеянно начала читать самый конец, но скоро так заинтересовалась, что прочитала всю поэму от начала до конца... Ломоносов встает такой близкий и живой, что читатель поймет и не осудит его, идущего на поклон к царице ради своего народа».

Старший товаровед конторы «Росканцторг», студентка заочного отделения филологического факультета МГУ М. Вайнштейн пишет, что Ломоносов в поэме — «именно Михайло Ломоносов, русский богатырь, самозабвенно раскалывающий поленья на рынке и берущий к себе в дом детей — сирот своего друга Рихмана, страстный ученый, открывающий один из величайших законов природы, и волевой, честный, умный человек, не склоняющий головы перед «сильными мира сего», и вместе с тем простой, добрый Михайло, терпеливо объясняющий своему землячку, что иностранец иностранцу — рознь».

Положительно оценивают поэму А. Маркова читатели Ф. Черкасов, П. Некряченко, А. Шешуков, А. Каменский, Е. Синяков и другие. Некоторые товарищи высказывают сомнение, не слишком ли много в языке поэмы архаизмов.

Ирина БУГРИМОВА



Первые шаги

Родилась я в Харькове, в семье ветеринарного врача. У отца было три дочери, но только меня, младшую, он почему-то решил воспитывать, как говорили в семье, сильной и мужественной, способной преодолевать жизненные трудности и невзгоды. Отец поощрял езду верхом на неоседланной лошади, занятия гимнастикой и спорт. Позже по настоянию матери меня отдали в балетную студию.

Я увлекалась легкой атлетикой, прекрасно бегала стометровку, метала диск, хорошо плавала и прыгала в воду, имея по этим видам спорта отличные показатели. Три раза я даже завоевывала призы на всеукраинских олимпиадах. Но совмещать серьезные занятия спортом и балетом становилось трудновато. Я еще не сказала, что с детства помогала отцу во время приема больных животных. Кого только не приносили и не приводили к нам! Собак и кошек, коз и гусей, коров, свиней и лошадей. Как-то привели даже верблюда. Кроме того, отец был постоянным ветеринарным врачом Харьковского цирка и часто брал меня с собой, чтобы помогать ему при осмотре и лечении дрессированных животных и зверей.

Посещая цирк, любуясь ловкостью акробатов, смелостью воздушных гимнастов и наездников, точностью и безошибочным расчетом жонглеров, я увлеклась чудесным искусством цирка. У меня зародилась мечта стать цирковой артисткой. Занятия спортом и балетом помогли мне осуществить это желание.

Это было в 1931 году. Тогда в цирке советские артисты еще не выступали с механическими аттракционами. Подобные номера мы видели лишь у нескольких иностранцев, приезжавших к нам на гастроли. И я решила, сговорившись с будущим партнером, подготовить первый в СССР механический аттракцион «Полет на санях». Из-под купола цирка неслись мы с партнером по наклонному металлическому скату. Трамплин подбрасывал сани вверх, и, оторвавшись от ската, они делали в воздухе петлю, пролетали через небольшое вращающееся кольцо, подвешенное над манежем, и «приземлялись» на сетку, служившую амортизатором.

Номер требовал выдержки, самообладания и, конечно, хорошей спортивной тренировки.

Как-то в Харькове я увидела на скачках изумительно красивую лошадь. Она мне так понравилась, что я во что бы то ни стало решила приобрести ее и подготовить номер «высшей школы верховой езды». Через несколько месяцев я могла уже выступать в манеже с новым номером.

Работая в цирке, я часто видела выступления иностранных дрессировщиков. Позже появились на манеже и наши мастера цирка Николай Гладильщиков и Борис Эдер. Я с удовольствием наблюдала, как воля и настойчивость человека в сочетании с отвагой покоряют свирепых хищников и заставляют их быть послушными. Еще тогда, двадцать лет назад, у меня появилось желание стать дрессировщицей. Я чувствовала, что смогу заняться этой трудной работой: с детских лет у меня был опыт обращения с животными и, как мне казалось, были сила, воля, настойчивость.

Продолжая выступать с «Полетом на санях», я взяла в одном зверинце трех маленьких львят. Нежно, как мать, я поила их молоком из соски, закутывала в теплые одеяла, когда приходилось зимой переезжать в новый город. День за днем изучала их характеры и повадки, овладевала сложной наукой ухода за хищниками и их дрессировки. Никаких пособий по этому вопросу не было, и до всего приходилось «доходить» самой, постепенно добиваясь полного повиновения моих маленьких питомцев.

С первыми тремя львами я начала проделывать на арене несколько трюков. А мой партнер стал возить одного из львов на багажнике мотоцикла. Трудно было приучить Кая и Юлия к мотоциклу. Они смертельно боялись этой машины. При первом же выхлопе газа львы испуганно отскакивали к решетке, а когда мотоцикл набирал скорость, хищники начинали бежать впереди него.

Мы переезжали из города в город, и после перерыва в работе приходилось на новом месте буквально начинать все снова. Наконец Кай стал «организованно» бегать по треку, уложенному вокруг арены, а мой партнер гнался за ним, развивая бешеную скорость. Другой лев, Юлий, спокойно сидел на багажнике, положив огромные лапы на плечи гонщику.

Так родился аттракцион «Круг смелости», эффектный и хорошо встреченный зрителями. Несколько лет мы выступали в цирках с этим номером.

Дрессировка хищных зверей

Начав работать со львами и познав многие тонкости дрессировки и «обхождения» с хищниками, я решила подобрать большую группу львов, хорошенько их выдрессировать и заставить проделывать более сложные трюки, чем те, которые уже выполняли Кай и Юлий.

В дореволюционные годы поставщиком львов, тигров, слонов, обезьян и других животных для цирков, зверинцев и зоосадов России был известный немецкий дрессировщик и крупный предприниматель Карл Гагенбек. К нему в Гамбург, в большой и своеобразный «зооцентр», доставляли со всего света всевозможных животных. Лучшие дрессировщики за гроши работали у Гагенбека, готовя новые аттракционы, которые этот коммерсант показывал в цирках Европы и Америки.

Вспоминаются выступления в наших цирках немецких укротителей — Карла Шнейдера, Сейлора Хаксона, Лацци Кайтера, Мадраго и других. Мадраго избивал на арене тигров. Женщины отворачивались, дети плакали. Лацци Кайтер, выступавший у нас в 1931 году, буквально терроризировал своих несчастных львов. При этом они иногда даже не проделывали ни одного номера, а все ограничивалось невероятной стрельбой, струями воды из шлангов и несколькими палками, сломанными зверями.

Русские укротители и дрессировщики в первые годы Советской власти почти не выступали. Лишь в тридцатых годах в советских цирках начали работать с хищниками Николай Гладильщиков и Борис Эдер. Их методы дрессировки были гуманными, что не мешало создавать интересные и сложные трюки. Звери, казалось, работали охотно. Номера были слаженны куда лучше, чем у иностранцев.

Советские дрессировщики воспитывали хищников, не терроризируя их, а применяя вкусовое поощрение за каждый выполненный трюк и задание.

Но если у нас уже были дрессировщики-мужчины, то женщин, посвятивших себя этой опасной профессии, тогда еще не было. И вот я решила, что и советская женщина может быть дрессировщицей хищников.

Главное управление цирков помогло мне получить в зоопарках еще трех молодых львов. Снова началась кропотливая работа и изучение характеров питомцев.

Львы привыкали к моему голосу, то ласковому, то настойчивому, то грозному. Значение голоса укротительницы очень велико в воспитании хищников. Лев прислушивается к каждой интонации, начинает понимать и различать их, и поэтому дрессировщик, всегда разговаривая со своими зверями, только в крайнем случае пускает в ход хлыст. Как-то раз осенью я простудилась и охрипла. Чтобы не срывать выступления, я приняла лекарство, пила весь день горячее молоко с боржомом, думая хоть к вечеру немного подлечиться. Но хрипота не проходила. Во время представления львы, не слыша моего голоса, работали вяло и не-

Продолжение. Начало см. «Огонек» № 50.

уверенно, жестикуляция дрессировщицы была им почти непонятна, а хорошо знакомые трюки звери выполняли неохотно. Не раз я ловила их недоуменные взгляды: животные не понимали, что произошло со мной.

Еще издали львята узнавали о моем приближении к клетке, зная, что я принесу им кусочки вкусного мяса и молоко. Я входила в большую вольеру, кормила своих питомцев, а затем сидела с ними, наблюдая за тем, как они резвятся и играют, изучая в эти долгие часы их повадки и характеры.

Так прошло несколько месяцев. Я начала самостоятельные выступления. Советские зрители хорошо встретили их. Это заставляло работать еще лучше, придумывать новые трюки. Одним из таких трюков был «Лев в воздухе».

На качелях со львом

Львы, как и многие другие дикие звери, панически боятся высоты. Долго и упорно старалась я приучить льва спокойно раскачиваться на качелях. Цезарь и Кай мгновенно соскакивали с площадки, едва она поднималась над манежем. Что делать?

Как-то я приманила на площадку Таймура и стала возле него. Поглаживая льва и кормя его мясом, я сделала знак помощникам. Они начали подъем. Таймур затрясся мелкой дрожью, жалобно глядя на меня. Я продолжала гладить его, называя самыми ласковыми именами. Вот площадка с нами уже поднялась примерно метра на полтора над манежем. Но вдруг Таймур взглянул вниз и мгновенно соскочил.

Площадку опустили. Я подошла к Таймуру и снова, ласково поглаживая хищника, наделяя его бесчисленными нежными словами, старалась подвести льва к злополучной площадке. Нехотя и недоверчиво подходил он к качелям. Но все же мне удалось усадить его. Площадка опять стала подниматься вверх. На этот раз я дала знак остановиться, едва площадка поднялась на метр. Снова я стала кормить Таймура и гладить его. Так мы просидели с ним минут сорок. Посматривая вниз, лев уже не проявлял теперь признаков беспокойства. Это был первый успех. Его надо закрепить. Еще около часа оставались мы на площадке, и только когда Таймур стал проявлять признаки беспокойства, так как ему просто надоело сидеть долго без движения, я приказала опустить качели.

На другой день с самого утра мы снова занялись тренировкой. На этот раз лев терпеливо сидел рядом со мной, с удовольствием слушая мой голос. С не меньшим удовольствием Таймур уписывал кусочки мяса, которыми угощали его во время медленного и почти незаметного подъема. Так мы поднялись чуть выше большой клетки, окружающей манеж. Как мы и уговорились с униформистами, теперь они слегка раскачивали площадку. Таймур даже не обратил на это внимания. Но потом, видимо, почувствовал какое-то неприятное ощущение и стал волноваться. Ни мои нежные слова, ни ласковое поглаживание уже не помогали. Пришлось медленно опускать качели. Едва мы «приземлились», мой «артист» быстро соскочил с площадки и отбежал в сторону.

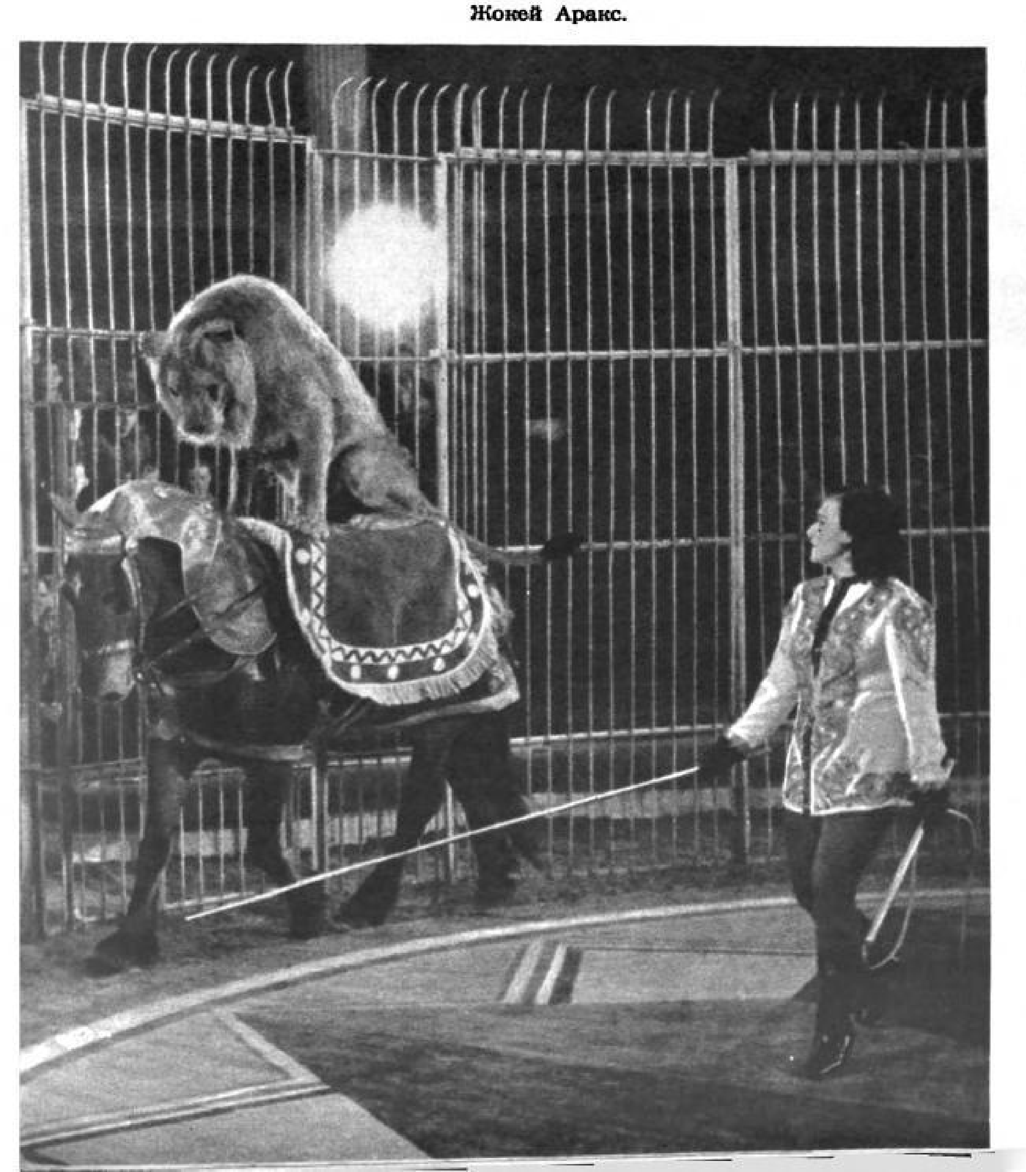
Месяца два каждый день я приучала Таймура к высоте, к раскачиванию качелей над клеткой.

Много терпения и настойчивости потребовала подготовка этого номера. А ведь на манеже он продолжается всего четыре — пять минут. Иногда меня спрашивают: не может ли лев прыгнуть на зрителей? Ведь качели оказываются над публикой, за верхними краями клетки. Нет, лев не станет прыгать с такой большой высоты, хотя бы потому, что он сам ее боится. Мы проверяли, не поглядывает ли Таймур вниз, и выяснили, что лев боится смотреть не только вниз, но и по сторонам. Его глаза напряженно устремлены вперед и только вперед...

Однажды на репетиции я не успела вскочить на площадку, и ретивые униформисты подняли вверх одного Таймура. Надо было видеть, как он перепугался. Хищник немедленно лег, прижался всем телом к площадке качелей и, дрожа, озирался кругом. А ведь номер исполнялся уже продолжительное время, и, казалось, лев должен был привыкнуть к подъему. Но меня рядом с ним не было, и лев почувствовал себя непривычно. Я приказала сейчас же опустить качели на манеж, стала рядом с Таймуром и выполнила трюк как обычно. Нельзя было допустить, чтобы у льва создалось ощущение опасности: у хищников хорошая память.

Был такой случай. Мы уже раскачивались со львом над клеткой, я неосмотрительно выставила вперед ногу и случайно толкнула коленом Таймура. От неожиданности он испугался и, защищаясь, мгновенно схватил зубами мою ногу, вонзив в нее клыки. Огромного усилия стоило превозмочь режущую боль и довести номер до конца. Лишь закончив работу со всеми львами, я покинула клетку. К счастью, ни один из зрителей и даже никто из моих помощников не заметил этого. В больнице немедленно промыли рану и приняли меры против заражения.

Жокей Аракс.



Лев-жокей

Во время выступлений в Минске я задумала новый номер — «Лев на лошади». В цирке оказался старый, полуослепший битюг, которого кто-то из артистов в шутку назвал «Грозным». На манеже, обнесенном клеткой, мы накрыли Грозного большим куском брезента, укрепив на его спине четырехугольное так называемое панно. В то время у меня воспитывались два молодых львенка, которых несколько месяцев назад получили из зоопарка. Львята уже закончили «приготовительный класс» дрессировки и выполняли кое-какие несложные задания. Их-то я и задумала приучить ездить на лошади. Но когда на манеж выпустили первого львенка Аракса, наш тихий и покорный конь, мечтавший не о подвигах, а о спокойной старости и отдыхе, внезапно преобразился. Он почувствовал запах хищника, испугался и, дрожа, раздувая ноздри, стал бить копытом по опилкам манежа. Поглаживая, я старалась успокоить коня. Грозному дали хлеб и сахар, стремясь отвлечь его внимание от льва.

Около Грозного мы поставили тумбу, положив на нее кусочек мяса. Аракс увидел мясо и, прыгнув на тумбу, съел его. Тогда мы положили мясо на панно, прикрепленное к спине Грозного. Наш лев прыгнул на спину старой лошади, мгновенно съел мясо, но его обоняние привлек запах коня. Аракс стал проявлять признаки особого «интереса» к лошади, и я согнала его на манеж. Повторяя опыт с кусочком мяса, уже через несколько дней я добилась того, что Аракс легко вспрыгивал на Грозного без тумбы. Так мы стали ежедневно по утрам кормить Аракса и его брата Самура на спине Грозного. Наши воспитанники с нетерпением ждали этого момента и уже как будто не интересовались лошадью. Да и Грозный привык к львам и никак не реагировал на их приближение и кормление на его спине. Затем мы начали кормить львов на спине лошади во время ее движения по кругу манежа. И это удалось. Через несколько месяцев новый трюк, «Лев на лошади», был готов, и я стала показывать его в Рижском цирке.

Одновременно со мной здесь выступал старейший советский дрессировщик лошадей И. Лерри. Как-то я репетировала со своими львами в большой вольере неподалеку от конюшни, где стояли лошади Лерри. Перед репетицией Аракс и Самур расшалились, от их прыжков задвижка на входной дверке выскочила из паза и приоткрылась. Я не заметила, как за моей спиной Аракс по-кошачьи тихо вышел из вольеры. Был ранний час, и в цирке находились только сторожа. Аракс пробрался на конюшню и, увидев лошадь, по привычке с разбега вскочил ей на спину, чтобы получить свой обычный завтрак. Но взбесившаяся от испуга лошадь ударила его задними ногами с такой силой, что лев перекувырнулся и отлетел далеко в сторону на середину конюшни. Я услыхала тревожное ржание коня и рев льва и только теперь заметила, что Аракса нет в вольере. Бросилась в конюшню. Лошадь, брыкаясь, продолжала бить задом, а ошеломленный Аракс забрался в ящик с овсом. С трудом удалось выманить из ящика перепугавшегося от сильного удара неудачливого «жокея» и притащить его в вольеру.

Несколько лет Аракс послушно ездил на Грозном. Но когда лев подрос, он стал проявлять повышенный интерес к лошади и иной раз на репетициях и представлениях старался схватить ее лапами за бока или укусить за шею. Во время одного представления с Грозного случайно сползла попона и Аракс упал вместе с панно, но тут же вскочил на круп коня, вцепившись в него зубами. От неожиданности и боли Грозный начал скакать по кругу, а лев, не понимая, в чем дело, схватил зубами лошадиный хвост, чтобы не свалиться. С трудом я остановила лошадь, приказав Араксу спрыгнуть на манеж. Лев соскочил с полным ртом конского волоса, фыркая и отплевываясь. Пришлось на время отправить его за кулисы, чтобы привести в порядок. Бедного Грозного с ободранной кожей на крупе покрыли попоной, в клетку впустили Аракса и снова заставили прокатиться на лошади. Лев, как обычно, получил свою порцию мяса. Чтобы у Аракса не проявлялось желания заигрывать с лошадью, на шею Грозного стали надевать специально изготовленный ошейник с острыми шипами. И когда Аракс вновь попытался протянуть свою лапу к шее коня, то он наткнулся на острие шипа. Больше он не делал таких попыток.

О чем должен помнить дрессировщик

Я уже рассказала немного о том, как начинаются приручение и дрессировка львов. Сейчас я остановлюсь на этом подробнее.

Выступая с группой хищников,

дрессировщик должен помнить о возможных неожиданностях. Всегда необходимо держать еще двух—трех львят, которых сравнительно быстро можно ввести в группу и начать с ними работать. Поэтому я просила зоопарки и зверинцы заранее сообщать мне, когда они ожидают получения приплода, чтобы подобрать затем подходящий молодняк.

Обычно львица перестает кормить своих детенышей, когда они достигнут возраста 7—8 месяцев. Львенок, весящий около двадцати килограммов и достигающий роста хорошей овчарки, может быть назван «детенышем», конечно, весьма условно. Если у львицы двое или трое львят, я забираю всех их вместе. Нельзя разбивать семью и разлучать малышей. В неволе они сильно тоскуют в одиночестве, бросаются в отчаянии на стенки клеток. К тому же в разлуке со своими братьями или сестрами львята гораздо медленнее привыкают к человеку, их труднее дрессировать.

Когда львов привозят в цирк, я никогда не спешу начинать с ними работу. Надо, чтобы они привыкли к обстановке, к дрессировщику, его голосу. Я сама кормлю их в определенные часы, и они ждут моего прихода. Очень интересно наблюдать львов после еды. Звери облизывают друг другу мордочки, лапы. Но горе льву, даже родному брату, если он попытается отнять кусок мяса или кость. Немедленно начинается драка, свалка, которую нужно сейчас же прекратить.

Но вот кончается детство, львы прошли предварительную подготовку и поступают в «первый класс». Обучать их дисциплине и порядку я начинаю на арене. Приучаю каждого льва садиться на тумбу и запоминать ее месторасположение. Сначала лев приучается к самой тумбе. Он должен убедиться, что она не сулит ему опасности, неприятности, не угрожает ему. Ее ставят в вольере, где животные гуляют и разминаются. Они долго присматриваются к ней. Тогда на тумбу кладут кусочки мяса. Львы принюхиваются, вскакивают на тумбу за приманкой, съедают ее. Так постепенно они привыкают к тумбе, приучаются сидеть на ней. Но сидеть на ней не очень удобно, здесь не отдохнешь. Поэтому лев с удовольствием соскакивает на землю, когда дрессировщица приглашает его к выполнению трюка. Но после того, как лев показал зрителям свое искусство, он должен снова вскочить именно на свою тумбу. И он вновь получает награду — кусок мяса.

Изучая повадки и нравы львов— кто из них более способен к исполнению того или иного трюка,— я постепенно вырабатываю у зверей навыки, приучаю их к определенным трюкам, они даже сами запоминают очередность всей работы в клетке. Львы перестают бояться человека: они понимают, что я не причиню им боли, не накажу их зря.

К наказанию я прибегаю лишь в крайнем случае. В те минуты, когда зверь начинает выходить из подчинения, пытается броситься на меня, укусить или царапнуть лапой, я должна дать ему почувствовать, что человек сильнее, что лев обязан подчиняться мне.

Лев запоминает свое имя, откликается на него, понимает, что ты обращаешься именно к нему. Львы — звери умные, обладающие хорошей памятью.

Но почему же хорошо дрессированные львы все же иногда огрызаются и не хотят выполнять то или иное задание? Ответ очень прост: представьте себе, что льву именно в момент, когда требуют от него, чтобы он катался на шаре, просто не хочется этого делать. Вот он и огрызается, вытягивает лапу и отмахивается от дрессировщицы. Но в таких случаях обязательно нужно настоять на своем, пересилить нежелание льва, потребовать исполнения им трюка. Иначе он будет противиться раз, другой, а потом и вовсе трудно будет заставить его выполнить нужное задание.

Львам, особенно молодым, скучно в клетке, они изнывают от бездействия, без движения. Поэтому они с удовольствием выходят в большую клетку, где можно размяться, получить кусочек мяса. И львы — я это точно знаю по опыту многолетней работы с ними — в большинстве случаев с охотой участвуют в представлении.

Свои «артистические» способности львы проявляют не сразу. Одних сравнительно быстро можно приучить выполнять простейшие трюки, составить пирамиду или прыгать с тумбы на тумбу. А с другими массу времени и сил тратишь только на то, чтобы лев позволил подойти к нему. Лев Дик, например, так и не привык ко мне. Он всегда рычал, замахивался на меня лапой, не позволял погладить себя. И как будто лишь делая одолжение, он принимал у меня с палочки кусочки мяса. С трудом я заставляла его выполнять мои приказания.

Дику было два года, когда я репетировала с ним новый трюк. Лев все время огрызался, пытаясь броситься на меня, но железный трезубец заставлял его держаться на расстоянии. Наконец Дик прыгнул, как я этого требовала, но сильно ударился мордой о железную клетку и поранил себя. От страшной боли зверь взвыл и начал метаться по клетке. Ни ласковый голос, ни лакомство не помогали. Пришлось убрать его из клетки. От попавшей инфекции у льва вскоре началось заражение. У него опухло горло, он весь горел, стал задыхаться. Никто из ветеринарных врачей, знавших дикий характер этого льва, не хотел приблизиться к нему. Между тем положение Дика ухудшалось: он с трудом дышал, жалобно стонал и словно просил помощи...

Тогда я рискнула войти к нему в клетку. За решеткой стоял ветеринарный врач, дававший указания, что следует делать с больным. Осторожно подошла к Дику, погладила его. Он поднял голову и мутными глазами посмотрел на меня. Затем его могучая голова бессильно сникла. На шее Дика я нащупала нарыв величиной с кулак. Врач протянул мне кусок ваты, смоченной спиртом, я протерла поверхность нарыва и надрезала его пинцетом. Брызнул гной. Через несколько часов температура у Дика спала, ему стало легче, дышал он ровнее.

Но как только Дик начал поправляться, он снова перестал подпускать меня к себе, и я едва не стала жертвой неосторожности, решив, что за время болезни у него изменился характер.

(Продолжение следует)

ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОЙ КОМЕТНОЙ ШКОЛЫ

Ф. А. Бредихин.

Мужественное, открытое лицо, высокий лоб, устремленный вдаль строгий взгляд... Таким запечатлен на многочисленных картинах и фотографиях образ замечательного русского астронома Федора Александровича Бредихина. Имя его неразрывно связано с Московским университетом: здесь он кончал физико-математический факультет, и здесь он начал свои знаменитые исследования по кометной астрономии.

Родился Ф. А. Бредихин 125 лет назад — 8 декабря 1831 года — в Николаеве. Умер в 1904 году. По семейным традициям ему надлежало идти в морскую службу, но у мальчика рано обнаружились склонности к точным наукам. Он кончает сначала Ришельевский лицей в Одессе, а потом едет в Москву, в университет.

Первую свою из 210 научных работ он написал в 1861 году. Это было исследование о кометах. Потом он защитил магистерскую, а через три года и докторскую диссертацию, также посвященные кометам. Молодому астроному было присвоено звание профессора. Позже Федор Александрович — директор Московской университетской обсерватории. Здесь под его руководством появляются первые в России астрофизические исследования, начинаются изучение переменных звезд, систематические исследования по спектроскопии Солнца, туманностей, комет, оборудуется первая в России астрофотографическая лаборатория.

Особенное значение имели труды Бредихина по механической теории кометных форм, принесшие ему мировую известность. В основе этой теории лежало положение, что хвосты комет состоят из материальных частичек, вылетающих с некоторыми начальными скоростями из ядра кометы и гонимых прочь от Солнца под влиянием его отталкивающих сил. Движение частиц почти всегда совершается по гиперболам. Выводом точных формул гиперболического движения ученый сумел заинтересовать будущего творца теории крыла самолета Н. Е. Жуковского.

К концу 80-х годов Бредихин становится самым выдающимся из русских астрономов. И когда академик О. Струве уходит в отставку, кандидатура Федора Александровича считается единственно достойной на пост директора Пулковской обсерватории. При Бредихине эта крупнейшая обсерватория России превращается в высшую школу для молодых русских астрономов, в центр русской астрономической мысли.

Член-корреспондент Академии наук СССР С. ОРЛОВ

ПИСЬМО П. ЛАНЖЕВЕНА К СОВЕТСКИМ УЧЕНЫМ

Знаменитый французский ученый и общественный деятель Поль Ланжевен, десятилетие со дня смерти которого исполняется 19 декабря, долгие годы был тесно связан с советской наукой. Он был избран почетным членом Академии наук СССР.

В эпистолярном наследии П. Ланжевена имеется немало писем, адресованных советским ученым — П. П. Лазареву, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капице и другим. Особый интерес представляет письмо к президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову по случаю двухсотдвадцатилетия Академии наук, на празднование которого съехались ученые со всех концов мира. Из-за болезни Ланжевен не мог принять участие в юбилее и был вынужден ограничиться приветственным письмом, которое приводится ниже полностью.

М. РАДОВСКИЙ

«Дорогой президент!

Я крайне огорчен, что состояние моего здоровья в настоящее время препятствует мне присоединиться к французской делегации, которую Академия Наук СССР столь любезно пригласила отпраздновать с нею вместе двухсотдвадцатилетнюю годовщину ее основания.

Я был бы счастлив присутствовать хоть на момент на собраниях этой Академии, почтившей меня избранием в свои иностранные члены, и встретиться там с многочисленными друзьями, которых я уже приобрел, друзьями, с которыми я уже познакомился или здесь, или у вас, во время моей поездки в 1928 году, оставившей у меня столь волнующее воспоминание.

Я был бы также счастлив иметь возможность высказать вам все мое восхищение великим делом, свершенным за эти два века учеными вашей страны, и в особенности важными заслугами вашей Академии в течение трагических лет, из которых мы только что начинаем выходить. Велика наша признательность всему советскому народу, чьи огромные усилия и беспримерные жертвы внесли так много в дело нашего общего освобождения.

Лично я следил с самого начала с глубоким сочувствием и страстным вниманием за всеми доходившими до нас сведениями о гигантском советском предприятии — социальной перестройке внутри страны и о защите славной Красной Армией внешних границ от всевозможных агрессоров. Все это опиралось на науку, которую ваши собратья и Вы представляете столь достойным образом. Весь мир в состоянии сейчас измерить величие этого труда.

Надеюсь, что контакт, восстановленный нынешним посещением, повлечет за собою и многие другие и что лично я буду иметь удовольствие принимать здесь друзей, к которым я не в состоянии присоединиться сегодня.

Итак, мы сможем, в более чем когда-либо тесном единении, перевязать наши раны и вновь пойти общей дорогой к лучшему будущему справедливости и мира.

Руководимая своей наукой, советская Россия в настоящее время указывает нам путь на решающем этапе человеческого развития.

Прошу Вас, дорогой президент, принять по своему адресу и передать Вашим коллегам уверения в моих чувствах братской преданности.

П. ЛАНЖЕВЕН».

«Зеленый иероглиф», полученный в результате сращивания трифолиаты с гибридом между мандарином, грейпфрутом и лимоном. Впоследствии на этом сборном растении возник вегетативный гибрид.

Фото А. Шмелева.

ЗЕЛЕНЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

Деревья, растущие по бокам дорожек цитрусового селекционного сада Сочинской опытной станции, вначале мы назвали сборными: подобно сложным механизмам, они собирались из разных частей. Садоводы-хирурги брали почки, черенки и целые ветки разнообразных сортов, сращивали их между собой и постепенно превращали в единый организм. Внешне они необычайны. Одни из этих растений похожи на пауков-гигантов, другие — на лабораторные приборы, третьи — на причудливые ажурные арки. Удачнее всего назвали эти оригинальные деревца молодые китайские ученые, посетившие опытную станцию.

— Это не растения, а иероглифы, только зеленые,— шутя сказали гости.

Название «иероглифы» оказалось удачным и закрепилось за сборными растениями. Они создаются хирургическим путем в целях получения так называемых вегетативных гибридов. Гибридизация с помощью хирургии по сравнению с обычной (искусственное переопыление цветов) значительно сложней. Но зато она открывает перед исследователем более широкие возможности. Например, лимоны, апельсины и мандарины даже в теплых, субтропических районах часто страдают от мороза, иногда вымерзают полностью. Для того, чтобы повысить устойчивость к морозу этих ценных растений, их цветы переопыляли с морозостойким растением Понцирус трифолиата. Эта работа в разных странах мира проводится свыше 60 лет; получено несколько поколений морозостойких растений, но, как правило, с плодами несъедобными или очень низких вкусовых качеств.

Иные результаты открывает вегетативная гибридизация.

На Сочинской опытной станции один из «зеленых иероглифов» образовал вегетативный гибрид мандарина с трифолиатой, который на шестом году жизни дал хотя и поздно созревающие, но съедобные плоды.

Сейчас получены подобные гибриды между всеми произрастающими у нас видами цитрусовых: лимонами, апельсинами, мандаринами, грейпфрутами, которые пока еще не вступили в пору плодоношения.

Вегетативные гибриды и методы их получения представляют научный и практический интерес. Соединенные части собранного растения хотя и являются органами единого живого организма, но все они обладают разной наследственностью и проявление биологических свойств каждого из них неоднородно. В результате обмена веществ происходит расшатывание их наследственности, что порождает возникновение органов с новыми внешними и внутренними качествами. Такие изменения обычно появляются в местах сращивания одного растения с другим, где возникает особого вида ткань — каллюс.

Эта ткань обладает наибольшей пластичностью и способностью к изменчивости.

Каллюс, возникший на теле старого растительного организма, может при определенных условиях породить не только изменения, но и возрастно-молодой организм.

«Зеленые иероглифы» — это один из методов, с помощью которого расшатывается наследственность растения, вызывается образование каллюсной ткани и возникновение вегетативных гибридов.

Ф. ЗОРИН

Сочи.

Великий добряк

Старинная китайская сказка

Великий добряк поймал черепаху и хотел сварить ее, но убить собственными руками такое мирное и застенчивое животное доброта не позволяла. Тогда он положил бамбуковую палочку мостиком над открытой кастрюлей с кипящей водой и сказал черепахе: «Говорят, что ты быстро ползаешь. Я этому не верю. Если ты переползешь через этот мостик, то я тебя отпущу».

Черепаха уже поняла, в чем соль такого предложения. Но другого выхода не было. Пришлось испытать свою судьбу.

Она осторожно поползла по мостику, вся дрожа от страха, и — переползла.

Такого циркового мастерства от черепахи великий добряк, конечно, никак не ожидал. Но он не растерялся и сказал: «Хорошо! Молодец! Вот это черепаха! Будь любезна, не откажись еще раз показать мне свое мастерство. Переползешь обратно, я тогда тебя обязательно отпущу».

Черепаха сказала гневно: «Великий добряк! Если ты хочешь съесть меня, так бы и сказал! К чему такие обиняки!»

Перевел с китайского Лу Гун.

Свиньи-чучела и свиньи-проводницы

Работники пищевых компаний провинций Хэбэй и Цзянсу применяют оригинальный метод погрузки свиней в железнодорожные вагоны и на суда.

Погрузка производится с помощью так называемой свиньи-чучела. Это свиная шкура, натянутая на бамбуковый каркас. Рабочие тащат за собой свинью-чучело, и живые свиньи послушно следуют за своим «вожаком».

Этот метод дает экономию как во времени, так и в рабочей силе. Кроме того, погрузка проходит спокойнее и тише — свиньи не визжат и не мечутся, как угорелые, а спокойно входят в вагон или на судно.

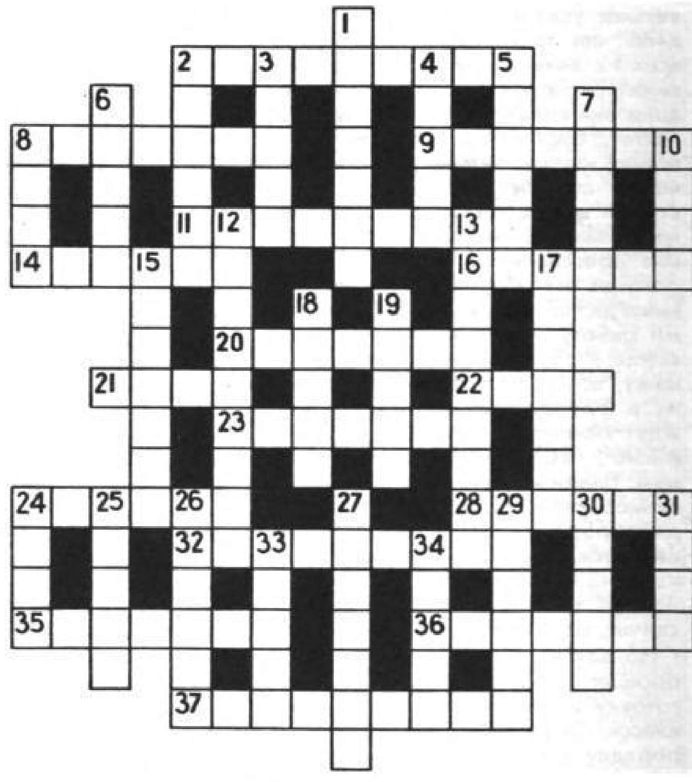
В провинции Аньхой для этой же цели применяются свиньи-проводницы — специально выдрессированные животные. Во время погрузки свинья-проводница идет в вагон или на судно первой, а за ней следует все стадо. «Проводницы». очень уверенно выполняют свои обязанности, идут спокойно, не спеша, оглядываясь, как будто следя за порядком в стаде. Войдя в вагон или на палубу, они становятся в стороне и наблюдают, как проходят их подопечные. После погрузки свиньи-проводницы самостоятельно возвращаются на склад, чтобы после небольшого отдыха снова приступить к работе.

Газета «Дагунбао»

В СТОЛОВОЙ ЦИРКА

Изошутка М. Ушаца и К. Невлера.

КРОССВОРД



По горизонтали:

2. Порода кур. 8. Рыболовная снасть. 9. Писатель. 11. Представление своего труда для получения звания ученой степени. 14. Польский народный танец. 16. Суждение. 20. Возвышенность, плоскогорье. 21. Краткая застольная речь. 22. Животное рода оленей. 23. Озеро в Казахстане. 24. Провинция в Китае. 28. Род пальм. 32. Выемка в горном хребте. 35. Место, куда приходят пить животные. 36. Алгебраическое выражение. 37. Высота точки земной поверхности над уровнем океана.

По вертикали:

1. Шапка. 2. Специальные складки на одежде. 3. Дальневосточная сельдь. 4. Французский драматург XVII века. 5. Четырехстрочная строфа. 6. Сорт конфет. 7. Река в Монгольской Народной Республике. 8. Серый попугай. 10. Отделение в вагоне. 12. Завершение. 13. Фигура высшего пилотажа. 15. Рычаг для управления рулем. 17. Город в Югославии. 18. Рассказ И. Бунина. 19. Электронная лампа. 24. Колесо, передающее движение от одного вала к другому. 25. Пресноводный моллюск. 26. Сдача зерна. 27. Южная оконечность Индостана. 29. Явление в атмосфере. 30. Приток Клязьмы. 31. Порт на Аравийском полуострове. 33. Английский писатель. 34. Масличное растение.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 50

По горизонтали:

7. Лазарев. 8. Челекен. 10. Яшма. 11. Снег. 12. Плутарх. 14. Журнал. 15. Арбитр. 16. Предписание. 19. Зарема. 21. Якутск. 22. Острога. 23. Ганг. 25. Морж. 26. Жанрист. 27. Таблица.

По вертикали:

1. Маршрут. 2. Тана. 3. Берилл. 4. Печора. 5. Репс. 6. Челеста. 9. Ветеринария. 12. Палермо. 13. Хроника. 17. Бабатаг. 18. Устрица. 20. Асбест. 21. Ягдташ. 24. Гарт. 25. Миля.

Из почты «Огонька»

«Зайчик» помог

Летом мне пришлось побывать на одном заброшенном высокогорном месторождении. Меня интересовала пройденная там много лет назад разведочная штольня. Найдя ее, я был весьма огорчен тем, что вход в штольню был обрушен и завален грудой обломков. Когда вход был расчищен, то, к великому моему огорчению, войти в штольню я не смог, так как забыл захватить карманный фонарик. Я решил ограничиться осмотром отвала штольни и замером ее азимута. И тут в голову пришла счастливая мысль: ведь на внутренней стороне горного компаса есть визирное зеркальце! Укрепив раскрытый компас на камнях у устья штольни так, чтобы солнечный «зайчик» попал прямо в штольню, я свободно при отличном освещении прошел более 50 метров до забоя и даже взял образцы. Возвращаться же мне пришлось в темноте, на ощупь, так как «зайчик» уже исчез, напомнив лишний раз о том, что земля вертится.

В. ЧИНОРОВ, инженер-геолог.

Ташкент.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Иркутского областного художественного музея и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12753. Подписано к печати 11/XII 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 993. Заказ № 3220.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В Центральном доме культуры трудовых резервов. Москва. Участники художественной самодеятельности Лиана Лыткина и Анатолий Лысенко на репетиции.

Фото Г. Борисова.

Цена номера 3 руб.
11—5 см